

ISSN 1563-0285; eISSN 2618-1215

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия международные отношения и международное право

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

INTERNATIONAL RELATIONS AND INTERNATIONAL LAW JOURNAL

№2 (110)

Алматы
«Қазақ университеті»
2025

KazNU Science • ҚазҰУ Ғылымы • Наука КазНУ

ХАБАРШЫ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ СЕРИЯСЫ №2 (110) маусым

ISSN 1563-0285; eISSN 2618-1215

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Күәлік № 16503-Ж

*Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)*

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР:

Байкушикова Г.С., Ph.D. (Қазақстан)
E-mail: baikushikova.gulnara@kaznu.kz

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Сайрамбаева Ж.Т., з.ғ.д., доцент — ғылыми редактор (Қазақстан)
Губайдуллина М.Ш., т.ғ.д., профессор — ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)
Байзакова К.И., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Күкеева Ф.Т., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Ауған М.Ә., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Айдарбаев С.Ж., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Чукубаев Е.С., т.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Сайрамбаева Ж.Т., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Грегори Глиссен (Gregory Gleason), Ph.D., профессор (АҚШ)
Аджай Кумар Патнайк (Aja Kumar Patnaik), саяс.ғ.д., профессор (Үндістан)
Торстен Бонаккер (Thorsten Bonacker), саяс.ғ.д., профессор (Германия)
Пьер Шабаль (Pierre Chabal), саяс.ғ.д., профессор (Франция)

Курылев К.П., т.ғ.д., профессор (Ресей)
Абдежалил Аккари (Abdeljalil Akkari), профессор (Швейцария)
Себ Берни (Sebe Berny Christophe Hubert), Ph.D., профессор (Ұлыбритания)
Дадабаев Т., Ph.D., профессор (Жапония)
Рязанцев С.В., э.ғ.д., профессор (Ресей)
Чунг Тайик (Chung Tayik), профессор (Корея)
Шрикант Кондапалли (Srikanth Kondapalli), Ph.D., профессор (Нью-Дели, Үндістан)
Пол Фрайер (Paul J. Fryer), Ph.D., доцент (Йоэнсуу, Финляндия)
Фабьен Боссайт (Fabienne Bossuyt), Ph.D., қауымд. профессор (Гент, Бельгия)
Молчанов М.А., профессор (Саламанка, Испания)

ТЕХНИКАЛЫҚ РЕДАКТОР:

Парпиев С.М., Ph.D. (Қазақстан)

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясында қазіргі кездегі халықаралық қатынастар мәселелері, әлемдік интеграциялық үдерістер, халықаралық қауіпсіздік мәселелері, халықаралық қатынастар және сыртқы саясат тарихы, халықаралық құқықтың өзекті мәселелері, мемлекетішілік құқық, халықаралық экономикалық қатынастар бағыттары бойынша мақалалар жарияланады.

Жоба менеджері

Гульмира Шахкозова
Телефон: +7 701 724 2911
e-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

ИБ 15879

Пішімі 60x84/8. Көлемі 9.25 б.т. Тапсырыс №1042.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

Баспа журналдың ішкі мазмұнына жауап бермейді.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2025

1-бөлім
**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 1
**CONTEMPORARY PROBLEMS
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Раздел 1
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

M. Tulepov^{1*}, **Mario De Martino²**

¹ Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

² Institut de Haute Formation aux Politiques Communautaires, Brussels, Belgium
*e-mail: tulepov.m81@gmail.com

COOPERATION BETWEEN THE UNITED STATES AND KAZAKHSTAN IN THE FIELD OF TECHNOLOGY TRANSFER: CHALLENGES AND PROSPECTS

This article explores the issues of interaction between Kazakhstan and the United States in the field of technology transfer, considering the key challenges and prospects of this interaction. In the context of globalization and the rapid development of technology, effective transfer of knowledge and innovation is becoming an important factor for economic growth and modernization of Kazakhstan.

The article examines the main aspects of the process of “transfer of technology and related rights from one side to another for their implementation and use” in Kazakhstan’s diplomacy, as well as the contribution of this process to international initiatives for their implementation and promotion at the global level.

The author examines existing coordination mechanisms as shared scientific research, trade-off programs, investment undertakings and highlight main limitations such as legislative disparities, cultural obstacles and absence of infrastructure. The article also studies many problems regarding effective global cooperation in technology transfer sphere. Then the article raises the issue of effective expanding of cooperation between various organizations and nations to bring high level exchange of knowledge, information, know-how, and innovations.

The article offers recommendations for improving cooperation, emphasizing the need for strategic planning and creating an enabling environment for innovation, which will allow both countries to maximize the benefits of partnership.

Key words: technology transfer, technological development, innovation, intellectual property, sustainable economic growth, diplomacy, international initiatives.

М. Тулепов^{1*}, Марио Де Мартино²

¹Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы
Мемлекеттік басқару академиясы, Астана, Қазақстан

²Еуропалық Одақ (Қауымдастық) саясаттары бойынша
жоғары деңгейлі оқыту институты, Брюссель, Бельгия
*e-mail: tulepov.m81@gmail.com

АҚШ пен Қазақстанның технологияларды беру саласындағы ынтымақтастығы: сынақтар мен перспективалар

Мақалада АҚШ пен Қазақстан арасындағы технологиялар трансфері саласындағы ынтымақтастық талданады, осы өзара әрекеттестіктің негізгі сын-тегеуріндері мен перспективалары қарастырылады. Жаһандану және технологиялардың қарқынды дамуы жағдайында білім мен инновацияларды тиімді түрде беру Қазақстанның экономикалық өсуі мен жаңғыруының маңызды факторына айналуға.

Мақалада Қазақстан дипломатиясындағы «технологиялар мен оларға байланысты құқықтарды бір тараптан екінші тарапқа беру және оларды енгізу мен пайдалану» үдерісінің негізгі аспектілері, сондай-ақ осы үдерістің оларды жаһандық деңгейде енгізу және ілгерілету бойынша халықаралық бастамаларға қосқан үлесі қарастырылады.

Автор бірлескен ғылыми зерттеулер, алмасу бағдарламалары және инвестициялық бастамалар сияқты ынтымақтастықтың қолданыстағы механизмдерін қарастыра отырып, заңнамалық жүйелердегі айырмашылықтар, мәдени кедергілер мен инфрақұрылымның жетіспеушілігі сияқты негізгі тосқауылдарды анықтайды.

Мақалада сондай-ақ технологиялар трансфері саласындағы тиімді халықаралық ынтымақтастыққа кедергі келтіретін әртүрлі мәселелер қарастырылып, талқыланады. Сонымен қатар, елдер мен ұйымдар арасында білімді, инновацияларды және озық әзірлемелерді неғұрлым тиімді алмасуды қамтамасыз ету үшін ынтымақтастықты дамытудың перспективалық бағыттары талданады.

Мақалада ынтымақтастықты жақсарту бойынша ұсыныстар беріліп, стратегиялық жоспарлау мен инновациялар үшін қолайлы орта қалыптастырудың маңыздылығы атап өтіледі. Бұл екі елге де әріптестіктің артықшылықтарын барынша тиімді пайдалануға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: технологияларды беру, технологиялық даму, инновациялар, зияткерлік меншік, тұрақты экономикалық өсу, дипломатия, халықаралық бастамалар.

М. Тулепов^{1*}, Марио Де Мартино²

¹Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан

²Институт повышения квалификации по вопросам общественной политики, Брюссель, Бельгия

*e-mail: tulepov.m81@gmail.com

Сотрудничество между Соединенными Штатами Америки и Казахстаном в области передачи технологий: вызовы и перспективы

В статье проводится анализ сотрудничества между США и Казахстаном в области трансфера технологий, рассматриваются ключевые вызовы и перспективы этого взаимодействия. В условиях глобализации и стремительного развития технологий эффективная передача знаний и инноваций становится важным фактором экономического роста и модернизации Казахстана.

В статье рассматриваются основные аспекты процесса «передачи технологий и смежных прав от одной стороны к другой для их внедрения и использования» в казахстанской дипломатии, а также вклад этого процесса в международные инициативы по их внедрению и продвижению на глобальном уровне.

Автор рассматривает существующие механизмы сотрудничества, такие как совместные научные исследования, программы обмена и инвестиционные инициативы, и определяет ключевые препятствия, включая различия в законодательных системах, культурные барьеры и отсутствие инфраструктуры. В статье также рассматриваются и обсуждаются различные проблемы, препятствующие эффективному международному сотрудничеству в области трансфера технологий, а также анализируются перспективные направления развития сотрудничества между странами и организациями для обеспечения более эффективного обмена знаниями, инновациями и передовыми разработками.

В статье предлагаются рекомендации по улучшению сотрудничества, подчеркивается необходимость стратегического планирования и создания благоприятной среды для инноваций, что позволит обеим странам максимально использовать преимущества партнерства.

Ключевые слова: передача технологий, технологическое развитие, инновации, интеллектуальная собственность, устойчивый экономический рост, дипломатия, международные инициативы.

Introduction

The discussion of technology transfer is one of the main factors in the development of both individual countries and the global economy as a whole, and its effective use of the results of scientific and technical research and development in the country, ensuring a mutually beneficial exchange of knowledge and technology between education, government, science, and business has become the main mechanism in the United States.

In order to achieve the positive outcomes related to the scientific and technological rise in Kazakhstan, speaking specifically about the work that focuses on creating new technological products that are related to technology transfer through diversification, it is necessary to focus on expanding new opportunities, as well as focus on creating a sustainable and strong technology transfer system. Thus, in order to implement this process, it is necessary

to work out concrete steps for technology transfer from research institutes to the civilian sector of the economy.

The study examines the best foreign practices, especially the successful experience of implementing and using practical methods of technology transfer in the United States, which rely on the potential of national laboratories, government agencies and foreign policy agencies that can provide opportunities for the implementation of these processes in Kazakhstan. Partnership in the sphere of innovation and tech transfer between US and Kazakhstan is starting more appropriate since the global technological boom. Kazakhstan and its vast mineral, oil and gas resources, geography and with all these opportunities country aims to renovate and diversify national economy by utilizing new technology in it. That is why teamwork with the US that is one of the technologically advanced nations in the world opens up new opportunities to both parties.

The purpose of this article is to analyze the key mechanisms of technology transfer in US organizations, as well as to identify the basic principles that can be adapted by Kazakhstani organizations. In addition, the article offers recommendations for improving this process. Despite the fact that “transfer of technology and related rights from one party to another for their implementation and use may seem like a simple process”, it often faces difficulties and various obstacles.

The concept of “transfer of technologies” does not have a broad notion that exist not only in Kazakhstan, but also in the global scientific world. Finding optimal ways at the theoretical level for the collaboration of various parties in the field of new technologies brings us to the creation of many models of technological transfer.

The core attributes of the process of dissemination of technologies are advancement of scientific results, licensing, and publications of the innovative results.

And the transfer of technology is a protection of intellectual property, copyrights, patents, trade marks and innovative secrets. The effectiveness of the technology transfer system requires the improvement of human capital and competition, including the formation of an organizational structure.

The State plays an important role in the development of technology transfer. For example, countries such as the USA, Germany, Switzerland, South Korea and Israel occupy fairly high positions in the global innovation ranking.

Materials and methods

This article examines the formation of a system and cooperation between the United States and Kazakhstan in the field of technology transfer: challenges and prospects.

The analysis used various analytical and empirical methods, as well as materials from open sources, including documents from international organizations, official reports and government documents, researches in the field of technology transfer in the United States, as well as researches and publications in scientific journals and specialized forums, statistical data from the National Science Foundation of the United States.

Literature review

Currently, the issue of cooperation between the United States and Kazakhstan in the field of tech-

nology transfer, considering the key challenges and prospects of this interaction occupies one of the central places in international diplomacy, both in political and academic literature.

Technology transfer (TT) refers to the process of exchanging, disseminating, or applying technological knowledge, innovations, and inventions from one entity to another. In the US context, TT often involves the movement of innovations from academic and research institutions, private companies, or government agencies to commercial applications that benefit society. This literature review examines the evolution, mechanisms, issues, and impact of TT in the US, focusing on the contributions of the academic, government, and private sectors.

Major works by authors such as Mowery, D.C., et al., Adams, J. (2002), Link, A. N., and Scott, J. T. (2005), Audretsch, D. B., and Feldman, M. P. (1996) are devoted to this issue. The concept of technology transfer in the United States has changed significantly over the past century. Initially, research institutions and government agencies conducted scientific research in isolation, and technology transfer was informal. However, the technology transfer landscape in the United States was transformed following the passage of the Bayh-Dole Act of 1980, which allowed universities to patent inventions developed with federal funding. This legislation institutionalized the commercialization of academic research, leading to the establishment of technology transfer offices (TTOs) at universities and other research institutions (Mowery et al., 2001).

But the attention in this article mainly focuses on importance of Sino American relations, or Indo Pacific area. Also, it can be highlighted that Bayh Dole law stimulated the growth of licensing agreements, patents, and the formation of spin-off companies that have become central to U.S. innovation and competitiveness.

Also, the attention of authors studying this problem, such scientists as Siegel et al. (2003) and Thursby & Thursby (2002) emphasized that this law played a key role in bridging the gap between scientific research institutions and the private sector, encouraging collaboration between these organizations.

Explaining that in the United States, technology transfer occurs through several key mechanisms: «Patents and licensing»: One of the main methods of technology transfer in the United States is patents and licensing agreements. Universities and research institutions often file patents for their inventions and

license them to private companies for commercialization (Adams, 2002). These agreements can take a variety of forms, including exclusive and non-exclusive licenses, and have led to significant economic benefits (Czarnitzki et al., 2014).

«*Spin-off companies*»: Another important route for technology transfer is the creation of start-up companies. Universities and research institutions have become hubs of entrepreneurial activity, with many establishing incubators and accelerators to support the commercialization of their innovations (Litan et al., 2008). These spin-offs play a key role in translating academic research into marketable products and services.

«*Cooperative Research Agreements*»: The United States also has a strong tradition of collaborative research between universities, government agencies and the private sector. These partnerships help bridge the gap between basic and applied research, leading to improved technologies that can be commercialized (Mowery et al., 2004). Moreover, successful program is Small business Innovative Program that gives grants to R&D.

However, it is worth noting that technology transfer in the United States is a multifaceted process that has evolved significantly, especially since the Bayh-Dole Act of 1980. Although it has faced challenges related to intellectual property management, cultural differences and resource constraints, it remains a critical mechanism for stimulating innovation, economic growth and global competitiveness. As technological advances continue to shape the future, understanding and improving technology transfer mechanisms will be critical to maintaining the United States' position as a global leader in innovation.

Results

Notable results in the fields of nuclear energy, information and aerospace technologies, communications, and bio-nanotechnology are demonstrated by the United States, which has impressive scientific and innovative potential. The potential development of a production system focused on the consumption of competitive innovative products is, in particular, the scale of the consumer market.

Innovation system and technology transfer in the USA

Each year the U.S. Government gives approximately \$165 billion for research and development. Such incentives from the government leads to boost of new inventions and technologies. As we know, the main characteristic of transferring of techs is the process of receiving new technologies by the national industry from countries' research institutes, laboratories, and universities that these techs can be led to the production into the final product or service. As a result, U.S. products have high level of quality and can easily compete in the global market. The transfer of ideas, inventions, and technologies developed with tax money to the private sector, where they can be further developed, scaled, and commercially deployed, leading to job creation and a useful new U.S. product, technology, or service offered in global markets these are the principle of technological transfer from national academia.

The development of innovation is a main task for the US nowadays. Businesses raise its interests to R&D spendings (Figure – 1). And the government works with fundamental and applied research.

Today, Kazakhstan's Science Foundation JSC is successfully implementing the "triple helix" model of the U.S. Innovation System. And the system's main trait is based on rapid collaboration between state, science and business. It is true that innovation process consists of academia, labs, thenoparks, R&D institutes and clusters. Academia gives fundamental research, national laboratories and research institutes provide applied research and finally science and innovation parks and private sector produces the final products.

The core pillar of the US innovation system is the protection of intellectual property rights IPR. The strong laws play essential role in protection of intellectual property and gives organizations feelings of protection of inventions that are created and supported by federal fundings.

For instance, strong laws as Bayh Dole, Stevenson Weidler laws, Trade mark act Federal Technology transfer act all of them came into force in 1980s. US law says that the technology transfer process is a core aspect in economic achievements of the nation.

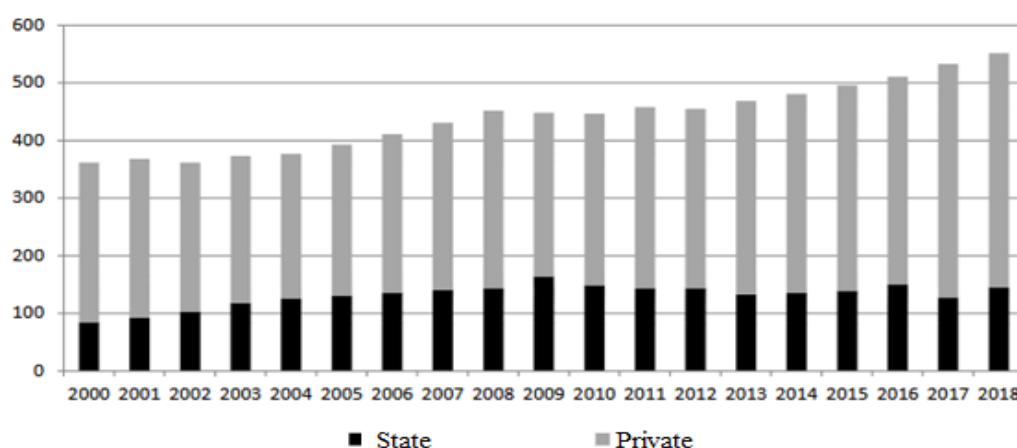

Figure 1 – Spendings on R&D in the US in 2000-2018 in billions of US \$
Source: Organization of TT in national labs of the US: Experience for Russians, 2020.

Table 1 – Federal legislation on technology transfer

Stevenson Weidler Technology Innovation Act (1980)	First US technology transfer law. Under this law labs have to be active in funding and participation in tech research.
Bayh Dole act (1980)	Adopted to support and accelerate the commercial use of research results sponsored by federal budget. The act made it possible to increase the number of patents and licensing activities, startups and create new innovation results.
Federal Technology Transfer Act (FTTA) (1986)	The act grants access to technology from federal labs and leads to creation of Laboratory Consortium for TT (more than 300 federal labs).
The law on Transfer and Development on National Technologies (1995)	The law gave adequate intellectual property rights to justify instant boost of inventions.

Source: US Environmental Protection Agency (2024)

The Bayh Dole act enabled universities to become copyright holders for inventions that were funded from the federal budget. The act made a huge influence to the US economy and boosted of creations of many successful startups.

At the same time Stevenson Wydler act came into force that gave opportunities to federal labs co-operated with industries and then the Small Business Innovation Research program was established.

If the federal agencies' budget was over 100 million dollars these agencies have to distribute at least 1.25% of this capital to small firms.

After that the General Law on Trade and Competitiveness of 1988 was adopted that proclaimed creation of industrial technology transfer centers where public sector would cooperate with private sector of the federal economy. The rules under the law granted national laboratories rights to attract third parties to the process. All in US confirmed that

technological exchange was effective to the national economy.

Such success created a National Technology Transfer Network in 1990. The network includes National TT Center – NTTC, six regional centers, from each state. All programs under the network were supported by ministries and departments, like National Science foundation, National Space Research Agency, Ministry of Defense, Ministry of Energy, Ministry of Agriculture and etc. All parties have main goal to develop cooperation between government, science community and private sector to lead to the economic raise.

But there is very complicated decision making process and businesses have no info about any developments of national labs. The other problem was a decline of public fundings of R&D. And result of this issue was a debates on the state level about rebuilding transfer of technology system.

The main pillar of the US innovation system is the national laboratories. More than 700 labs devoted their attention to the security and defense issues. The most innovative and advanced laboratories related to the Ministry of Energy. The notion of a “national laboratory” is not a legal concept but it is a subject that has a set of advanced research capabilities.

The laboratories financed for their activities from the federal budget. Up to 70% of all fundings related to the Ministry of Energy. The main priority of the national labs is set to the technological transfer and commercialization of technologies. The structure of the activity in the Ministry of Energy consisting of several offices (tech transfer, individual program and technology transfer offices in state laboratories).

National laboratories use a wide range mechanisms that can be divided into the following groups: financial, cooperative, informational, organizational, and educational. All mechanisms work together.

The implementation of technology transfer includes several stages:

- Defining and of capabilities of a new product in various fields.
- Market research where products will be used and produced
- Financial results of the products
- Risks of the product when it will be used
- Creating legal framework to the product
- Monitoring of the use of the product

Recently, it has been noticed that both in Kazakhstan and in the global community there is a trend that takes technology transfer to a new level of active development of innovative technology transfer centers. TT is always developing through business incubators and various innovation centers, academia with the participation of private sector of economy.

The specific functions performed by the existing technology transfer centers are shown in Table – 2.

Table 2 – Functions of technology transfer centers

Registration and protection of any invention and technologies	– detection, recording or registry of intellectual property objects – consideration of patentability and deterring of the results of innovation – preparing documents for registry – monitoring of patent applications, receiving all certificates of IP objects
Producing of products and its capitalization	– advertisement of new products and advancement products in industrial companies – building of strong strategies in order to promote products in the market
Tactics and monitoring (audit)	- tactical consultancy in the sphere of management of IP and commercialization of technologies – monitoring of remuneration checks for rightsholders of the technologies

Source: Kostin, K., 2022.

An analysis of US science and technology indicators by state (Table – 3) shows: the national indicator for R&D performed by enterprises in the United

States includes undistributed R&D performed by enterprises, and states for which data is hidden shows the results of the implementation of legal support.

Table 3 – Percentage of research and development (R&D) performed by businesses, by private sector, by state: 2017-2022

State	2017	2018	2019	2020	2021	2022
United States	2,33	2,44	2,61	2,89	2,90	2,67
Alabama	1,05	1,18	1,23	1,50	1,34	0,95
Alaska	2,14	0,06	0,11	0,12	0,44	0,35
Arizona	2,18	2,00	1,94	2,10	2,45	1,95
Arkansas	0,43	0,42	0,40	0,35	0,37	0,37
California	5,48	5,64	6,33	7,12	6,94	6,75
Colorado	1,53	1,53	1,73	2,05	2,05	1,86

Continuation of the table

State	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Connecticut	3,53	2,96	2,87	3,18	3,15	3,11
Delaware	3,28	3,61	3,03	3,58	4,81	3,52
District of Columbia	0,45	0,42	0,42	0,67	0,71	0,79
Florida	0,72	0,68	0,72	0,77	0,83	0,67
Georgia	1,25	0,93	0,84	0,95	1,03	1,12
Hawaii	0,24	0,20	0,21	0,42	0,56	0,55
Idaho	2,77	3,71	3,65	2,87	2,59	2,92
Illinois	1,92	1,67	1,74	1,82	1,93	1,80
Indiana	1,94	2,04	2,28	2,44	2,47	2,31
Iowa	1,77	1,94	1,78	1,96	1,54	1,52
Kansas	1,53	1,71	1,78	1,79	1,64	1,20
Kentucky	0,56	0,79	0,77	0,67	0,71	0,41
Louisiana	0,14	0,18	0,31	0,26	0,23	0,20
Maine	0,53	0,49	0,69	0,69	0,72	0,79
Maryland	1,75	1,84	1,75	1,83	1,82	1,53
Massachusetts	4,96	5,42	5,81	6,16	6,78	6,87
Michigan	4,65	4,76	4,42	4,56	4,33	4,17
Minnesota	2,23	2,20	2,32	2,30	2,21	2,00
Mississippi	0,29	0,30	0,34	0,29	0,32	0,38
Missouri	1,93	2,54	2,15	2,20	2,18	1,38
Montana	0,32	0,41	0,45	0,54	0,51	0,64
Nebraska	0,55	0,51	0,68	0,71	0,81	0,95
Nevada	0,43	0,62	0,63	0,60	0,57	0,73
New Hampshire	1,88	3,42	3,24	3,48	3,56	1,52
New Jersey	3,11	3,65	3,54	3,91	4,01	2,95
New Mexico	1,14	0,93	0,80	1,52	1,98	1,55
New York	1,07	1,14	1,25	1,48	1,53	1,62
North Carolina	2,16	2,38	2,57	2,56	2,68	1,83
North Dakota	0,60	0,58	0,65	0,70	0,61	0,69
Ohio	1,68	1,61	1,69	1,79	1,70	1,41
Oklahoma	0,51	0,50	0,62	0,64	0,58	0,89
Oregon	3,92	4,21	3,65	4,79	4,70	4,78
Pennsylvania	1,61	1,72	2,10	2,21	2,29	2,07
Rhode Island	1,44	1,36	1,32	1,31	1,44	0,94
South Carolina	0,72	0,83	0,84	0,74	0,80	0,91
South Dakota	0,43	0,42	0,40	0,43	0,39	0,32
Tennessee	0,44	0,44	0,48	0,52	0,70	0,49
Texas	1,41	1,29	1,43	1,64	1,51	1,20
Utah	1,89	1,83	1,60	1,81	1,91	1,63
Vermont	0,90	1,04	0,82	1,25	1,41	1,74

Continuation of the table

State	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Virginia	1,03	1,30	1,31	1,56	1,61	1,17
Washington	4,68	6,08	6,99	7,65	8,07	8,53
West Virginia	0,33	0,35	0,37	0,36	0,72	0,54
Wisconsin	1,89	1,99	2,10	2,10	2,06	1,82
Wyoming	0,28	0,12	2,04	3,48	0,26	0,19

Source: National Center for Science and Technology Statistics. (2024).

World scientific leaders-countries are constantly updating their scientific and technological policies. In order to become an active participant in global scientific policy, Kazakhstan needs innovations, and some of them are reflected in such Memo of Understanding and Cooperation between the United States and Kazakhstan in the field of technology transfer as:

- Memorandum of Understanding and Cooperation between Qaztech Ventures JSC and 500 Start-ups, September 2019, New York;

- Agreement of Intent on Cooperation between Darmen Holding and Plug and Play, September 2019, New York;

- Protocol on strategic cooperation in the sphere of Internet between Astana International Financial Center and the Center for fourth industrial revolution (2019), United States

- Memorandum of Understanding between the National Museum of the Republic of Kazakhstan and the Museum of Asian Culture San Francisco, December 2019, San Francisco;

- Memo on further implementation of covering all the territory of Kazakhstan and far away areas with rapid internet connection through satellites (2019), San Francisco;

- Partnership Agreement between the Plug & Play Accelerator and Capital Holding, December 2019, San Francisco;

- Protocol of the entrance QazTechVentures to 5th International Global fund 500 startups (2019), US.

- Memo of partnership and creating in 2020 fund for investment in industrial and infrastructure projects between Bright Sphere Investment Group and KIDF (2019), United States.

In conclusion, based on the analysis of most of the Memoranda it is worth noting that the existence of a common goal, during which the parties plan to develop cooperation in the field of innovative economics, intellectual property, technology transfer,

production of high-tech products, and human capital development and knowledge in Kazakhstan.

Moreover, within the framework of the signed Memoranda, a number of training seminars were held for Kazakhstani companies, employees of government agencies and organizations, as well as students of universities in Kazakhstan on the protection of intellectual property rights, on national and international registration of intellectual property objects, disposal of the exclusive right to a registered object under a contract, and the basics of copyright in both countries., and also highlighted the latest changes in the legislation of the Republic of Kazakhstan and the United States in the field of technology transfer.

One of the productive projects that was created with support of some American universities is Nazarbaev university. This university is becoming a place where students and scholars join together and contribute to the development of technology in Kazakhstan.

Moreover, mutual projects in the sphere of agronomics and agribusiness such as implementation modern solutions of watering and managing use of water significantly raise effectiveness of production and stability in global warming.

Year after year collaboration between the US and Kazakhstan in the field of TT is having more multidimensional character. It is expected that next step in partnership between parties will be signing new agreements related to AI, biotech and cyber security. All these aspects leads to building of strong and firm position in the world.

The memoranda of understanding between the United States and Kazakhstan in the field of technology transfer are tools that help build relationships between cultures, science and business. They open the doors to new ideas and innovations, contributing to the development of both Kazakhstan and the entire region. There is hope in this collaboration for a bright future where technology serves the benefit of humanity.

Discussion

Cooperation between the United States and Kazakhstan in the field of technology transfer has major challenges for Kazakhstan:

- Differences in legislation. Law systems and legislations of both parties are different. For instance, in the US there is a well-established protection methods of IP rights, but in Kazakhstan this sphere is new and at the beginning of its development. And these issues can raise some concerns from international firms including American companies about protection their innovations and patents.

- Cultural diversity. Differences in cultural aspects can lead to disagreements in managing businesses, projects and communication. That is why it is essential to consider cultural characteristics in creating joint projects.

- Infrastructure limitations. In spite of recent developments in Kazakhstan, there are still many problems related to infrastructure. Absence of innovations in the current infrastructural projects make it difficult to impose new solutions and innovations that lead to decline of interests from US companies in partnership.

Solutions for Kazakhstan:

- Financing of know-how sphere. Beneficial partnership between the US and Kazakhstan can lead to investment flow into the projects in Kazakhstan. American enterprises can bring their technologies and expert knowledge in order to develop new industries such as IT, biotech and renewable energy field.

- Education and retraining of employee. One of the core perspectives is the exchanging of knowledge in education and professional trainings. Kazakhstan can use various American educational programs and initiatives that are aimed to gaining new expertise in tech and innovation. This can accumulate the number of highly qualified personnel.

- Sustainability. Partnership in TT can lead to success in development of economy of Kazakhstan

and utilizing innovations into the fields such as energy sector, agribusiness and the other sectors of industry will raise effectiveness and lower negative influence to the ecology.

Conclusion

Cooperation between the United States and Kazakhstan in the field of technology transfer has both challenges and significant prospects. After studying all opportunities in the US in the sphere of technology transfer, it can be noted as following:

- budgeting of R&D is a main goal of the federal government of the US

- determining of key elements of each laboratory and at the end having the growth of private financing

- all mechanisms in tech transfer have to be binding with strong legislation

- building strong links between science and industrial enterprises

- using all the opportunities of joint work of centers, techparks, academia that can help to create net with scientists

- managing budgets related to R&D in order to expand employees and research abilities.

Overcoming legislative and cultural barriers, as well as infrastructure development, can contribute to a successful partnership. In turn, this cooperation can lead to significant economic and social transformations in Kazakhstan, which will make it more competitive in the international arena.

One of the key prospects is the opportunity to share experiences in the field of education and training. Kazakhstan can benefit from American educational programs and initiatives aimed at developing skills in technology and innovation. This will help create a skilled workforce capable of working effectively with new technologies, and can also contribute to the sustainable development of Kazakhstan. The introduction of modern technologies in agriculture, energy and other industries will help to increase efficiency and reduce the negative impact on the environment.

References

- Adeyoola, T. (2023). Should the UK get rid of technology transfer offices? The UK needs a growth plan. Better commercialisation of IP could be it. Sifted. <https://sifted.eu/articles/uk-tech-transfer-offices>
- BES.media. (2024). US corporations want to invest in Kazakhstan: The energy and technology market is interesting. <https://bes.media/news/korporatsii-ssha-hotyat-investirovat-v-kazahstan-interesen-rinok-energetiki-i-tehnologiy-ec2997/>
- Faikov, D., & Baidarov, D. (2020). Organization of technological transfer in the national laboratories of the USA: Experience for Russian enterprises. 1Economic. <https://1economic.ru/lib/110658>
- JSC "Science Foundation". (n.d.). <https://science-fund.kz/>

Kashirin, A. V., & Smagulova, D. K. (2018). Innovative activity of the largest oil and gas enterprises based on the dynamics of their intangible intellectual property and R&D results. In Readings of A. I. Bulatov: Materials of II International scientific and practical conference (p. 235). JSC Publishing House – South Press.

Kostin, K. (2022). Russia's place and role in international technological transfer. *Journal of International Economic Affairs*, 12(1), 99–120. <https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114104>

Kowalski, S. (n.d.). Providing high-quality innovation and technology support services – University and government technology transfer in the USA. World Intellectual Property Organization. https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_exp_ip_smes_ge_19/wipo_exp_ip_smes_ge_19_sk.pdf

Mowery D. C., Nelson R. R., Bhaven Sampat, Ziedonis A. (2003). *The Ivory Tower and Industrial Innovation: University-Industry technology Transfer Before and After the Bayh-Dole Act*. Stanford, CA: Stanford University Press

National Center for Science and Technology Statistics. (2024). Measuring America's progress in science, technology, and innovation. <https://ncses.nsf.gov/>

Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan. (2020). On the Concept of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030. https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody

Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan. (2023). Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan: “Economic course, Fair Kazakhstan”. <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskii-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588>

Organisation for Economic Co-operation and Development. (2017). National innovation systems. https://wbc-rti.info/object/document/7417/attach/1279_2101733.pdf

QAZPATENT. (2024). Statistics on the work of QAZPATENT. <https://qazpatent.kz/>

U.S. Department of Agriculture. (n.d.). Technology transfer. <https://research.fs.usda.gov/programs/techtransfer>

U.S. Department of State. (2020). Technology transfer diplomacy and the challenge of our time. <https://2017-2021.state.gov/technology-transfer-diplomacy-and-the-challenge-of-our-times/>

U.S. Department of State. (n.d.). Financial resources and technology transfer. <https://2009-2017.state.gov/e/oes/rls/rpts/car4/90326.htm>

U.S. Environmental Protection Agency (2024). Federal Technology Transfer Act and Related Legislation. <https://www.epa.gov/ftta/federal-technology-transfer-act-and-related-legislation>

United Nations Development Programme. (2011). Technological cooperation and climate change: Issues and perspectives. https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/in/technological_cooperation_and_climate_change_update.pdf

Information about the authors:

Tulepov Meirzhan Shermanovich (corresponding-author) – Ph.D. student at the Institute of Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan, e-mail: tulepov.m81@gmail.com).

Mario De Martino – Ph.D. in Comparative Politics, Expert in International Educational Policy at the Institut de Haute Formation aux Politiques Communautaires (Brussels, Belgium, e-mail: mario.demartino@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Түлепов Мейржан Шерманович (корреспондент-автор) – Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Дипломатия институтының докторанты (Астана, Қазақстан, e-mail: tulepov.m81@gmail.com).

Марио Де Мартино – Салыстырмалы саясаттану саласындағы Ph.D., Қоғамдық саясат мәселелері бойынша біліктілікті арттыру институтының халықаралық білім беру саясаты саласындағы сарапшысы (Брюссель, Бельгия, e-mail: mario.demartino@gmail.com).

Информация об авторах:

Түлепов Мейржан Шерманович (автор-корреспондент) – докторант Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Астана, Казахстан, e-mail: tulepov.m81@gmail.com).

Марио Де Мартино – PhD в области сравнительной политологии, эксперт по международной образовательной политике Института повышения квалификации по вопросам общественной политики (Брюссель, Бельгия, e-mail: mario.demartino@gmail.com).

Previously sent February 17, 2025.

Re-registered March 12, 2025.

Accepted May 29, 2025.

Ж.К. Түймебаев^{1*} , К.Х. Хушвахтзода²

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

²Национальная академия наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан

*e-mail: zhanseit.tuimebayev@kaznu.kz

КАЗАХСТАН И ТАДЖИКИСТАН: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Казахстанско-таджикские отношения занимают значимое место в архитектуре региональной безопасности и устойчивого развития Центральной Азии. С момента установления дипломатических отношений в 1993 году между двумя государствами выстроилось прочное стратегическое партнёрство, охватывающее политико-дипломатическую, экономическую, культурно-гуманитарную и образовательную сферы. Настоящее исследование направлено на всесторонний анализ эволюции двустороннего взаимодействия, выявление ключевых достижений, существующих вызовов и перспектив дальнейшего углубления сотрудничества. Особое внимание уделяется договорно-правовой базе, формированию союзнических форм взаимодействия, вопросам транспортной логистики, энергетической и водной безопасности, торговому дисбалансу и гуманитарным связям. Используемые в работе теоретико-методологические подходы – регионализм, неореализм, институционализм и неоклассический реализм – позволяют дать комплексную оценку природе казахстанско-таджикских отношений как части более широкой системы международной и региональной политики. В условиях растущих глобальных вызовов, таких как нестабильность в сопредельных регионах, изменение климата и трансграничные угрозы, углубление сотрудничества между Казахстаном и Таджикистаном становится важным фактором обеспечения безопасности и устойчивого развития всего центральноазиатского региона.

Ключевые слова: Казахстан, Таджикистан, Центральная Азия, дипломатические отношения, внешняя политика, двустороннее взаимодействие, торгово-экономическое сотрудничество, региональная кооперация и безопасность.

Zh.K. Tuimebayev^{1*}, K.Kh. Khushvakhtzoda²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

²National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

*e-mail: zhanseit.tuimebayev@kaznu.kz

Kazakhstan and Tajikistan: Strategic Partnership and Prospects for Cooperation

Kazakhstan-Tajikistan relations hold a significant position within the architecture of regional security and sustainable development in Central Asia. Since the establishment of diplomatic ties in 1993, the two countries have developed a strong and strategic partnership encompassing political, economic, cultural, and educational dimensions. This study offers a comprehensive analysis of the evolution of bilateral cooperation, highlighting major achievements, current challenges, and prospects for further development. Special attention is given to the legal framework, alliance-building mechanisms, transportation and logistics, energy and water security, trade imbalances, and humanitarian exchanges. The theoretical and methodological framework – drawing from regionalism, neorealism, institutionalism, and neoclassical realism – enables a multidimensional understanding of Kazakhstan – Tajikistan relations as part of broader regional and international processes. In the context of increasing global challenges such as instability in neighboring regions, climate change, and transboundary threats, strengthening bilateral cooperation between Kazakhstan and Tajikistan becomes a crucial factor in ensuring security and sustainable development across Central Asia.

Key words: Kazakhstan, Tajikistan, Central Asia, diplomatic relations, foreign policy, bilateral cooperation, trade and economic partnership, regional cooperation and security.

Ж.Қ. Түймебаев^{1*}, К.Х. Хушвахтзода²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

²Тәжікстанның Ұлттық ғылым академиясы, Душанбе, Тәжікстан

*e-mail: zhanseit.tuimebayev@kaznu.kz

Қазақстан мен Тәжікстан: стратегиялық әріптестік және ынтымақтастық перспективалары

Қазақстан мен Тәжікстан арасындағы қарым-қатынастар Орталық Азиядағы аймақтық қауіпсіздік пен тұрақты дамудың маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. 1993 жылы дипломатиялық қатынастар орнағаннан бері екі ел арасындағы стратегиялық әріптестік сенімді және жан-жақты сипатқа ие болды. Бұл зерттеуде Қазақстан мен Тәжікстан арасындағы ынтымақтастықтың тарихи қалыптасуы, негізгі жетістіктері, қазіргі сын-қатерлері және болашақ даму перспективалары жан-жақты қарастырылады. Ерекше назар келісімшарттық негізге, одақтастық өзара әрекеттестікке, көлік логистикасы, энергетикалық және су қауіпсіздігі, сауда теңгерімсіздігі мен гуманитарлық байланыстарға аударылады. Зерттеу барысында қолданылған теориялық-әдістемелік тәсілдер – аймақшылдық, неореализм, институционализм және неоклассикалық реализм – екіжақты қатынастардың кең ауқымды халықаралық және аймақтық контексте дамуын түсінуге мүмкіндік береді. Қазіргі жаһандық қауіп-қатерлер жағдайында Қазақстан мен Тәжікстан арасындағы ынтымақтастықты тереңдету Орталық Азиядағы қауіпсіздік пен тұрақты дамудың негізгі факторы ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: Қазақстан, Тәжікстан, Орталық Азия, дипломатиялық қатынастар, сыртқы саясат, екіжақты ынтымақтастық, сауда-экономикалық серіктестік, аймақтық ынтымақтастық және қауіпсіздік.

Введение

На становление и развитие внешней политики Таджикистана значительное влияние оказали внутритаджикский конфликт и война в соседнем Афганистане. Гражданская война и политический консенсус и постконфликтное восстановление и современное этап развития – важные и сложные периоды становления суверенного Таджикистана. В концепции внешней политики Таджикистана страны Центральной Азии, и в частности Казахстан занимает одно из приоритетных направлений в рамках двусторонних отношений. Казахстан и Таджикистан придерживаются схожих взглядов и подходов к решению актуальных проблем регионального и глобального характера, представляющим взаимный интерес. Во внешнеполитической стратегии двух стран есть много общего. Многовекторная внешняя политика, основанная на принципах политики добрососедства, невмешательства во внутренние дела, разрешение всех споров дипломатическим путем и приверженности к нормам международного права.

В то же время особенностью внешней политики Таджикистана является политика «открытых дверей», миролюбивой и бескорыстной, на основе обоюдных интересов, взаимного уважения, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами (Министерство иностранных дел РТ, 2015).

Таджикистан реализует национальные интересы, стремясь обеспечить безопасность и стабильность в Центральной Азии. Основной упор делается на развитие экономических, политических, гуманитарных и военных отношений между государствами региона. По мнению таджикских экспертов, доктринальные основы внешней политики Таджикистана опираются на три фундаментальные составляющие – прагматизм во внешней политике, учет законных интересов международных акторов в Центральной Азии и предсказуемость внешнеполитического поведения в международных отношениях (Омаров, 2008:117).

Исходя из этого геополитические интересы Таджикистана требуют создания формальных и неформальных альянсов для противостояния нейтрализации превращения того или иного государства региона в гегемона, поскольку это будет угрожать суверенитету Таджикистана и других центральноазиатских стран. Для достижения этой цели руководство страны стремится к укреплению двусторонних отношений с государствами региона, в особенности с Казахстаном и Узбекистаном.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретико-методологическая база настоящего исследования строится на синтезе концепций

и подходов в области международных отношений, региональных исследований и политического анализа, что позволяет всесторонне рассмотреть особенности, динамику и перспективы казахстанско-таджикского сотрудничества.

Прежде всего, теоретической основой анализа выступает региональный подход в международных отношениях. Согласно данному подходу, Центральная Азия рассматривается как специфическое геополитическое пространство, где формируются устойчивые модели регионального взаимодействия. Казахстан и Таджикистан являются важными участниками этих процессов и играют ключевые роли в обеспечении безопасности, стабильности и устойчивого развития региона. Сотрудничество между ними рассматривается не как изолированное двустороннее взаимодействие, а как часть более широкой региональной архитектуры, включающей такие организации, как ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и C5+1. В этом контексте исследование исходит из концепции регионального комплексного подхода к безопасности, в рамках которой двусторонние отношения между Казахстаном и Таджикистаном анализируются как часть общей системы региональной безопасности.

Во-вторых, важным теоретическим основанием служит неореализм, особенно в интерпретации Кеннета Уолтца. С этой точки зрения государства, включая Казахстан и Таджикистан, стремятся к укреплению собственной безопасности, формируя альянсы, партнерства и институциональные связи для минимизации рисков и сдерживания потенциальных угроз. Учитывая стратегическое положение Таджикистана у границ с Афганистаном, и экономический, транзитный и гуманитарный потенциал Казахстана, их партнерство направлено на балансировку влияния внешних акторов и укрепление внутренней устойчивости в условиях трансформации глобального порядка. Также используется концепт баланса интересов, согласно которому устойчивость партнерства определяется способностью сторон учитывать взаимные интересы и угрозы, возникающие в результате внутренних и внешних факторов.

В-третьих, применим институциональный подход, предполагающий значимость международных и региональных организаций как механизмов координации политики, управления конфликтами и продвижения интеграции. Институты, такие как СНГ, ШОС, ОДКБ и ЕАЭС, выступают не просто как площадки взаимодействия, но как носители нормативных рамок,

регулирующих поведение государств и способствующих устойчивости сотрудничества. В этом контексте важно исследовать, каким образом правовая база, договорные соглашения и совместные инициативы Казахстана и Таджикистана способствуют институционализации их стратегического партнерства.

Кроме того, в исследовании применяется неоклассический реализм, сочетающий влияние международной системы и внутренней специфики государств. Национальные интересы Таджикистана (обеспечение безопасности, экономическое развитие, снижение зависимости) и Казахстана (региональное лидерство, укрепление транзитной роли, экспорт образовательных и технологических услуг) формируют контекст, в котором развивается двустороннее сотрудничество. Влияние внутренних политических, экономических и культурных факторов позволяет более глубоко интерпретировать причины и динамику партнерства между двумя странами.

Методологически исследование опирается на системный подход, позволяющий рассматривать казахстанско-таджикские отношения как подсистему более широкой региональной и глобальной системы международных отношений. Внутри данной системы анализируются ключевые компоненты: политическое взаимодействие, экономическое сотрудничество, гуманитарные связи, образовательные и культурные обмены, а также совместные инициативы в области безопасности. Применяются методы контент-анализа, сравнительно-исторический метод, а также кейс-стади.

Таким образом, теоретико-методологическая основа настоящего исследования представляет собой комплексный анализ, позволяющий оценить не только фактическую динамику и институциональную архитектуру казахстанско-таджикских отношений, но и более широкие тренды и вызовы региональной политики в Центральной Азии. Это обеспечивает глубокое понимание стратегических интересов, потенциальных рисков и перспектив устойчивого межгосударственного взаимодействия.

Литературный обзор

Двусторонние связи между Душанбе и Астаной традиционно описываются как «дружественные и стабильные» (Рустами, 2025), основанные на «высоком уровне взаимного доверия» и совпадении позиций по многим актуальным международным и региональным

вопросам (Алимов, 2022). Отношения последовательно развивались по восходящей линии, что подтверждается подписанием ключевых двусторонних документов. Эта эволюция от стратегического партнерства к союзническим отношениям демонстрирует углубление связей и взаимного доверия между двумя государствами, что является предметом активного изучения в таджикской академической среде.

Сухроб Рустами рассматривал особенности взаимоотношений между Республикой Таджикистан и государствами Центрально-Азиатского региона и значимым событием по мнению автора стало потепление политического климата в государствах Центральной Азии и интенсификации взаимодействия в связи, в частности, приходом к власти Ш. Мирзиёева, мирным «транзитом власти» в Казахстане, возобновлением диалога между странами и началом интеграционного процесса в ЦА.

Б.Х. Алимов рассматривал сотрудничество между Таджикистаном и Казахстаном как фактор региональной стабильности и процветания. Автор отмечает, что страны активно развивают экономические, политические и культурные связи, что способствует укреплению дружбы и взаимопонимания между народами.

В опубликованной статье «Стратегическое партнерство Таджикистана со странами СНГ: на примере России, Казахстана и Узбекистана в журнале «Постсоветские исследования» авторы подчеркивают роль Казахстана как активного участника торговли и «гаранта геополитического равновесия в регионе» (Алимов Б.Х., Рахимов К.Х., Салимзода К.Х.). Эта публикация является одним из наиболее прямых и всеобъемлющих исследований, касающихся таджикско-казахстанских отношений в контексте СНГ. Авторы отмечают, что за короткий исторический период были налажены тесные и взаимовыгодные связи во всех областях жизнедеятельности государств, заложена прочная международно-правовая база для дальнейшего развития политических и торгово-экономических отношений, а также успешно функционируют механизмы взаимодействия в сфере безопасности и гуманитарного сотрудничества.

Можно отметить работы Шерали Шукруллозода Ризоёв, в частности труд посвященный изучению национальных интересов Таджикистана в условиях глобальных и региональных процессов (Ризоёв, 2020). Хотя его труды не фокусируются исключительно на Казахстане, концепция национальных интересов является основополагаю-

щей для понимания внешней политики Таджикистана в целом и его отношений с ключевыми партнерами, такими как Казахстан, в частности. Его исследования также затрагивают вопросы безопасности, включая угрозы от террористических организаций.

Работа, А.Х. Салимова посвящена сотрудничеству между Республикой Таджикистан и Республикой Казахстан в контексте стратегического партнерства в рамках ОДКБ (Салимов, 2025). Автор отмечает, что одним из основных направлений сотрудничества между странами можно назвать сотрудничество в рамках межрегиональной организации ОДКБ и что благодаря политике добрососедства и взаимной поддержки двух стран механизм обеспечения коллективной безопасности в центрально-азиатском регионе стало прочным.

Каримова Д. считает, что гарантом сохранения геополитического баланса в центрально-азиатском регионе для Таджикистана являются Россия и Казахстан. В ее статье приводится оценка современных таджикско-казахстанских отношений в условиях государственной независимости Республики Таджикистан и рассматриваются этапы становления внешней политики Таджикистана, освещено таджикско-казахстанское сотрудничество в рамках ШОС, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ и ООН. Более подробно рассматривается становление дипломатических отношений Республики Таджикистан со странами Центральной Азии, в частности с Республикой Казахстан в период с 1991 по 2018 год. Рассмотрена договорно-правовая база между двух государств (Каримова, 2019).

А.М. Шарипов в своей работе проанализировал эволюцию дипломатических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений Таджикистана с Казахстаном с момента обретения независимости двух республик и установления дипломатических отношений с 1991-2006 гг. (Шарипов, 2011)

Ведущий специалист Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан Ш.Ш. Ризоев писал о том, что взаимовыгодное сотрудничество Таджикистана с Казахстаном отвечает долгосрочным интересам двух братских стран в регионе Центральной Азии. Автор приводит конкретные предложения относительно укрепления взаимовыгодного сотрудничества и развития отношений между двумя государствами.

Анализ трудов таджикских исследователей по межгосударственным отношениям между Ре-

спубликой Таджикистан и Республикой Казахстан демонстрирует многоаспектный подход к изучению этой стратегически важной связи. Исследования сосредоточены в ведущих академических и аналитических центрах, таких как Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ, Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан и Таджикский национальный университет. В целом, таджикские исследователи вносят существенный вклад в понимание динамики отношений между Казахстаном и Таджикистаном, предоставляя как аналитическую поддержку официальной политике, так и критические оценки, необходимые для всестороннего анализа региональных процессов.

Что касается исследований казахстанских ученых по взаимоотношениям между Казахстаном и Таджикистаном являются важной частью академического ландшафта Центральной Азии. Эти исследования сосредоточены в основном в рамках сотрудничества, кооперации и взаимодействия в Центральной Азии, на ключевых аспектах двусторонних связей, включая экономическое сотрудничество, культурно-гуманитарные обмены, политический диалог и вопросы региональной безопасности.

Ведущие научно-исследовательские учреждения Казахстана, такие как Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ), Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Университет «Туран» играют центральную роль в этом процессе, часто принимая междисциплинарный подход, который охватывает как политические, так и экономические измерения.

Данная статья призвана пополнить ряды исследований по теме сотрудничества между Казахстаном и Таджикистаном.

Результаты и дискуссия

История казахстанско-таджикских отношений

После распада Советского Союза Казахстан и Таджикистан начали формировать свои внешнеполитические курсы, в которых особое значение придается укреплению связей с соседями по центрально-азиатскому региону.

Со дня установления дипломатических отношений 7 января 1993 года казахстанско-таджикские отношения традиционно строились в духе взаимного доверия и на основе взаимовыгодного сотрудничества, и в целом успешно развиваются

в политико-дипломатической, гуманитарной и торгово-экономической сферах.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон неоднократно подчеркивал важность и стратегическую значимость двусторонних отношений между Таджикистаном и Казахстаном. В своих выступлениях он акцентировал внимание на высоком уровне взаимопонимания, уважения и доверия между двумя странами, а также на приоритетном характере дальнейшего расширения сотрудничества в различных сферах. Они отражают стремление к укреплению двусторонних отношений с Казахстаном и подчеркивают важность культурных обменов, взаимного уважения и доверия как основы для дальнейшего развития стратегического партнерства и союзничества между двумя странами.

На сегодняшний день сформирована довольно солидная договорно-правовая база двустороннего сотрудничества между Казахстаном и Таджикистаном охватывающая практически все сферы сотрудничества и включает более 100 документов, подписанных с момента установления дипломатических отношений в 1993 году.

В целом, динамика развития казахстанско-таджикских отношений свидетельствует о заинтересованности в углублении и расширении взаимовыгодных торгово-экономических и гуманитарных связей и укреплении политических контактов между странами.

Отношения между Казахстаном и Таджикистаном развиваются на двусторонней основе так и в рамках региональных организаций и форумов таких как СНГ, ОДКБ, ШОС, С5+ и СВМДА.

Сегодня можно говорить об определенных достижениях в двустороннем сотрудничестве. В политической сфере Казахстан и Таджикистан также демонстрируют стабильное взаимодействие. Подтверждением тому могут служить регулярные визиты на высшем уровне, подписанные договоры о стратегическом партнерстве и политико-дипломатическая поддержка на международной арене, укрепляющие позиции обеих республик по разному спектру международной и региональной повестки.

Договор об основах отношений, подписанный 19 октября 1993 года, стал основным документом, регулирующим двусторонние отношения в политической сфере. Для решения проблемных вопросов была создана межправительственная комиссия, первое заседание которой состоялось 3 октября 1998 года.

Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Республикой

Таджикистан 2015 года – документ, который является основой двусторонних отношений и охватывает такие ключевые области, как: военное и военно-техническое сотрудничество; гражданская оборона и ликвидация чрезвычайных ситуаций; торгово-экономическое взаимодействие; сотрудничество в науке, образовании, культуре, туризме и спорте; энергетика и транспортная инфраструктура.

Декларация о союзническом взаимодействии между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан от 2023 года укрепляет стратегическое партнерство и выведение разноплановых и многогранных связей на более высокий уровень.

В ходе государственного визита президента Казахстана в августе 2024 года президенты Казахстана и Таджикистана Касым-Жомарт Токаев и Эмомали Рахмон подписали историческое соглашение – Договор о союзнических отношениях. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон подчеркнул, что подписание договора о союзнических отношениях качественно укрепит межгосударственное сотрудничество на долгосрочную перспективу (Tengrinews.kz, 2024).

Стороны намерены тесно сотрудничать в сфере внешней политики, продвигая взаимные интересы и инициативы по региональному взаимодействию в целях обеспечения мира и стабильности в Центральной Азии, подтверждая заинтересованность в совершенствовании формата консультативных встреч глав государств Центральной Азии в целях полного задействования их потенциала (Декларация о союзническом взаимодействии между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан от 4 мая 2023 года (Akorda.kz, 2023).

Экономические связи между Казахстаном и Таджикистаном. Казахстанско-таджикские отношения также развиваются динамично, хотя потенциал для роста еще не используется в полном объеме. Таджикистан входит в тройку крупнейших торговых партнеров Казахстана. На первоначальном этапе приоритетными направлениями сотрудничества являлись: горнодобывающая промышленность, цветная металлургия, машиностроение, агропромышленный комплекс, энергетика, легкая промышленность, транспорт и коммуникация.

30-января 1995 года в Алматы было подписано межправительственное соглашение о принципах взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. В нем было установлено право сторон заключать договоры между хозяйствующими субъектами независимо от

форм собственности. В ходе рабочего визита Президента Э. Рахмонова в Казахстан в ноябре 1995 года главы государств высказали свои мнения по дальнейшему укреплению связей и эффективному использованию потенциала политических, экономических и культурных связей между двумя государствами. В ходе визита были подписаны три межправительственных соглашения: о дальнейшем развитии и углублении экономического сотрудничества; о свободной торговле (с Протоколом об изъятиях из режима свободной торговли); об условиях реструктуризации долговых обязательств Таджикистана (Токаев, 2002:103). Тогда же был разработан протокол о разрешительной системе перевозок в сфере транспорта и коммуникации. Тем не менее межгосударственные перевозки обеих сторон носят эпизодический характер, за исключением межрегионального и международного транзита через территорию Казахстана, осуществляемого в основном железнодорожным транспортом. Соглашение о свободной торговле 1997 г. направлено на развитие взаимной торговли, устранение барьеров и создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности между двумя странами.

А в последние годы основными направлениями сотрудничества становятся энергетика, транспортно-логистическая отрасль, а также агропромышленный комплекс и инвестиции. Важное значение имеют взаимные поставки продукции и участие казахстанских компаний в инфраструктурных проектах Таджикистана, а также роль Казахстана как транзитной страны для экспорта из Таджикистана.

Таджикистан стал полноправным членом Евразийского экономического сообщества (ныне ЕЭС) и Центральноазиатского экономического сообщества, который трансформировался в форум С5. Это, несомненно, придало дополнительный импульс интеграционным процессам в регионе, а также способствовало стабилизации внутренней ситуации в Таджикистане после гражданской войны.

Культурные и гуманитарные контакты. Две республики имеют общее историческое прошлое и культурные традиции, которые служат фундаментом для развития добрососедских отношений. В сложный период гражданской войны в Таджикистане Казахстан регулярно направлял гуманитарную помощь, которая включала продовольствие, медикаменты и предметы первой необходимости. Кроме того, в Казахстане нашли убежище часть беженцев и пострадавших из

Таджикистана, им была оказана помощь в размещении и медицинском обслуживании. Ущерб от гражданской войны составил около 7 млрд \$. Объем ВВП за 1991-1996 годы снизился более чем на 2/3, составив 32,5% уровня 1991 года (Асроров, Асророва, 2001).

После завершения конфликта Казахстан продолжал поддержку и одним из первых восстановил полноценные дипломатические и экономические связи с Таджикистаном. Она включала в себе участие в восстановлении разрушенной инфраструктуры, налаживание взаимной торговли, инвестиции в промышленность и сельское хозяйство, обучение таджикских студентов в казахстанских вузах.

Сотрудничество в сфере образования между Казахстаном и Таджикистаном является важным направлением двусторонних отношений. При личной поддержке глав двух стран активно реализуются программы академического обмена студентами, научного сотрудничества, проводятся совместные культурные мероприятия. Казахстан предоставляет образовательные гранты для таджикских граждан, способствуя и внося свой вклад в подготовке высококвалифицированных кадров для многих отраслей жизнедеятельности Таджикистана. С 2022 года Казахстан увеличил квоту для обучения граждан Таджикистана в вузах страны до 100 человек. На сегодняшний день в вузах Казахстана. В том числе и в КазНУ им. аль-фараби, обучаются 970 граждан Таджикистана. Более 40 вуза Казахстана сотрудничают с более 30 вузами Таджикистана, основные виды сотрудничества в рамках соглашений: академическая мобильность студентов и ППС, двудипломные и совместные образовательные программы и др. (Национальный центр развития высшего образования МНиВО РК, 2023).

Казахстан ежегодно выделяет квоты на обучение граждан Таджикистана по различным специальностям, включая инженерные науки, сельское хозяйство, медицину, педагогические и IT-направления. Рост числа студентов из Таджикистана в Казахстане — это показатель доверия к системе казахстанского образования и символ долгосрочного стратегического партнёрства между двумя странами. Образование становится важным мостом дружбы и сотрудничества в Центральной Азии.

Открыт совместный факультет информационных технологий на базе Таджикского технического университета им. М. Осими и Евразийского национального университета им. Л. Гумилева. В августе 2024 года в Душанбе прошла конфе-

ренция ученых и творческой интеллигенции Таджикистана и Казахстана, организованная Национальной академией наук Таджикистана и Национальной академией наук Республики Казахстан. В ходе конференции обсуждались важные научные и международные вопросы, а также вопросы координации научных исследований в рамках единой платформы (Tnu.tj, 2024).

В Таджикистане функционирует казахский национальный культурный центр «Байтерек», который играет важную роль в укреплении культурных связей между двумя странами. В Казахстане также действуют таджикские культурные центры в городах Алматы, Караганда, Костанай, Петропавловск, Тараз, Шымкент и других, которые способствуют укреплению культурных связей и поддержке таджикской диаспоры. В августе 2023 года в Астане, Алматы и Шымкенте прошли Дни культуры Таджикистана, приуроченные к 30-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. В рамках мероприятий состоялись концерты мастеров искусств, выставки изобразительного искусства и народных промыслов, а также ярмарки-продажи сельскохозяйственной и промышленной продукции Таджикистана. А в августе 2024 года в Душанбе, Худжане и Бохтаре прошли Дни культуры Казахстана, включавшие концерты казахстанских артистов, выставки народных ремесел и изобразительного искусства, а также кинопоказы. В ходе официальных встреч президентов двух стран обсуждаются перспективы дальнейшего укрепления культурно-гуманитарных связей, включая проведение совместных мероприятий, поддержку молодежных инициатив, развитие туризма и углубление сотрудничества в области цифровизации.

Таджикистан со своей стороны также проявляет дружбу и солидарность в трудные дни в Казахстане. В частности, Президент Эмомали Рахмон выразил слова поддержки братскому народу Казахстана в связи с масштабными наводнениями и дал поручение правительству направить 3,5 тысячи тонн гуманитарной помощи в Казахстан для борьбы с последствиями паводков (Казинформ, 2024). Такое добрососедское отношение руководства Таджикистана подчеркивает глубокие исторические связи и взаимное уважение между двумя странами.

Культурно-гуманитарные связи Казахстана и Таджикистана — это прочный фундамент добрососедства, взаимоуважения и единства. Эти отношения развиваются на основе общего исторического наследия, языковых и этнокуль-

турных связей, а также стратегического курса на укрепление интеграции в Центральной Азии.

Общие интересы в вопросах обеспечения региональной безопасности

Совместная работа Казахстана и Таджикистана в сфере обеспечения безопасности и региональной стабильности тоже имеет солидную базу и опыт. Одним из ключевых направлений помощи стала миротворческая деятельность Казахстана. Казахстан во время гражданской войны в Таджикистане проявил себя как ответственный и солидарный сосед, оказав всестороннюю помощь – от дипломатических инициатив до гуманитарной и миротворческой поддержки. Этот опыт стал важным этапом в укреплении дружбы и стратегического партнерства между двумя странами.

Казахстан занял принципиальную позицию в пользу мирного разрешения кризиса. Президент Н.Назарбаев неоднократно подчеркивал важность прекращения насилия и начала диалога между противоборствующими сторонами. Казахстан участвовал в международных переговорах, проходивших в Москве, Тегеране, активно поддерживая усилия руководства Таджикистана по урегулированию конфликта под эгидой ООН и СНГ.

В 1993 году Казахстан направил свой контингент в составе Коллективных миротворческих сил СНГ, дислоцированных на территории Таджикистана, в задачи которых включали: охрану государственной границы Таджикистана, особенно в зонах, граничащих с Афганистаном, обеспечение безопасности мирных граждан, поддержание порядка и предотвращение вооруженных провокаций. Руководство Таджикистана высоко ценит и отметила героизм казахстанских военнослужащих. Например, младший сержант Раджан Батырхан был награжден орденом «Спитамен» I степени – высокой государственной наградой Таджикистана, обычно вручаемой высшему офицерскому составу. Это

первый и единственный солдат не таджикской национальности, награжденный этим орденом. В 2007 году в Душанбе в парке «Дружбы народов» был открыт монумент в честь 35 казахстанских военнослужащих, погибших при несении службы на таджикско-афганской границе в годы гражданской войны в Таджикистане.

Соглашение об оказании военно-технического содействия 2021 года направлено на укрепление безопасности в прилегающих районах таджикско-афганской границы и включает меры по предоставлению военной помощи и совместной подготовке сил.

В основе курса Таджикистана на развитие интеграционных процессов в Центральной Азии лежит совокупность экономических, гуманитарных и военных факторов безопасности. Существующие угрозы безопасности страны требуют военно-политического сотрудничества с государствами региона и в рамках ОДКБ. Современный уровень распределения производства и труда также предполагает создание субрегиональных и региональных организаций интеграционного типа.

В это смысле совместная работа в рамках ОДКБ и других структур усиливает безопасность региона, особенно в условиях роста угроз экстремизма и нестабильности в сопредельных регионах (например, в Афганистане). Казахстан и Таджикистан проводят совместные учения, обмениваются разведывательной информацией и координируют антинаркотические меры.

Несмотря на положительную динамику, остаются нерешенные вопросы, требующие дополнительных двусторонних усилий.

Торгово-экономические отношения между Казахстаном и Таджикистаном активно развиваются, однако они сопровождаются устойчивым дисбалансом: Таджикистан существенно больше импортирует товаров из Казахстана, чем экспортирует в него. Это создает одностороннюю зависимость и снижает потенциал равноправного экономического партнерства.

Таблица 1 – Общий товарооборот между Казахстаном и Таджикистаном за 2022–2024 гг.

Год	Общий товарооборот	Экспорт из РТ → РК	Импорт из РК → РТ	Сальдо
2022	1,07 млрд \$	247,2 млн \$	828,2 млн \$	–581 млн \$
2023	1,15 млрд \$	255,8 млн \$	892,9 млн \$	–637 млн \$
2024	1,2 млрд \$	~270 млн \$	~930 млн \$	–660 млн \$

Источник: Министерства экономики РК и РТ, б.д.

Причины дисбаланса специалисты отмечают ограниченные экспортные возможности Таджикистана, узкий ассортимент экспортной продукции: в основном цветные металлы, алюминий, фрукты и овощи. Недостаточное развитие производственных мощностей и преобладание сырьевой торговли: более 70% экспорта Таджикистана в Казахстан – это сырье и полуфабрикаты, тоже одна из причин.

Последствия дисбаланса для Таджикистана: рост внешней зависимости, увеличение дефицита платежного баланса. Уязвимость от внешних колебаний цен на топливо и продовольствие. Для Казахстана: ограниченный рынок сбыта, риск односторонней торговой зависимости без ответных инвестиций.

В связи с этим можно предложить возможные решения, направления действий с конкретными мерами. Например, диверсификация торговли, поддержка малых производителей в Таджикистане, расширение ассортимента поставок (сельхозпереработка, текстиль, фармацевтика). Организация совместных проектов, создание совместных производств и логистических центров в Таджикистане с участием казахстанского капитала. Торговые преференции, развитие торговли в рамках ЕАЭС и свободной торговли в формате «цифрового коридора». Образование и бизнес-обмен, и подготовка таджикских специалистов в сфере ВЭД и поддержки экспорта.

Дисбаланс в торговом балансе между Казахстаном и Таджикистаном сохраняется на протяжении последних лет, но решаем путем совместных экономических инициатив. Обе страны заинтересованы в создании устойчивой, взаимовыгодной модели сотрудничества, особенно в условиях глобальной нестабильности и необходимости региональной самодостаточности.

Недостаток прямых транспортных и логистических маршрутов между Казахстаном и Таджикистаном ограничивает потенциал двусторонней торговли и экономической интеграции.

Ограниченное количество прямых маршрутов, например, автомобильный транспорт: существуют лишь пять международных маршрутов пассажирских перевозок между двумя странами: «Худжанд – Шымкент», «Худжанд – Уш – Конир», «Бохтар – Сарыгаш», «Худжанд – Жибек Жоли» и «Худжанд – Иргели». Несмотря на наличие железнодорожного сообщения, его пропускная способность и частота рейсов ограничены.

Географические и климатические препятствия. Преимущественно горные районы Тад-

жикистан характеризуется сложным рельефом, что затрудняет строительство и эксплуатацию транспортных маршрутов.

Недостаточная мультимодальная интеграция и отсутствие унифицированных транспортных документов: необходимость переоформления документов при смене вида транспорта увеличивает время и стоимость перевозок. Отсутствие системы отслеживания грузов. Отсутствие единой информационной системы затрудняет мониторинг и управление логистическими процессами.

Перспективы и возможные пути решения проблемы обусловлены задачами развития мультимодальных транспортных коридоров. В частности, необходимо создание совместных транспортных коридоров: Разработка и внедрение мультимодальных маршрутов, объединяющих автомобильный, железнодорожный и воздушный транспорт, может повысить эффективность перевозок. Упрощение таможенных процедур: Внедрение единой системы таможенного оформления ускорит процесс пересечения границ. Важен обмен опытом и технологиями: Совместные проекты и обмен опытом в области логистики и транспортных технологий способствуют повышению эффективности.

Недостаток прямых транспортных и логистических маршрутов между Казахстаном и Таджикистаном является значительным препятствием для развития двусторонней торговли и экономического сотрудничества. Однако при условии реализации комплексных мер по развитию инфраструктуры, улучшению координации и внедрению инновационных решений возможно преодоление существующих барьеров и создание эффективной транспортной сети.

Проблемы водно-энергетического характера, особенно в контексте общего регионального управления ресурсами.

Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии являются ключевыми для обеспечения энергетической безопасности и сельского хозяйства стран региона. Однако трансграничное использование водных ресурсов вызывает напряженность между государствами, включая Казахстан и Таджикистан (Боришполец, 2013).

Таджикистан и Кыргызстан контролируют около 80% запасов поверхностных трансграничных вод в регионе, в то время как Казахстан и Узбекистан располагают ограниченными водными ресурсами. Это создает дисбаланс в управлении водными и энергетическими ресурсами. В Таджикистане гидроэлектростанции вырабатывают

более 80% электроэнергии, однако страна использует менее 5% своего гидроэнергетического потенциала. В то время как Казахстан в значительной степени зависит от ископаемых видов топлива для удовлетворения своих энергетических потребностей (Proskuryakova, Yu, 2023).

Проблемы трансграничного водопользования и сезонные противоречия: Таджикистан и Кыргызстан нуждаются в воде зимой для выработки электроэнергии, тогда как Казахстан требует воду летом для сельского хозяйства. Это создает конфликт интересов в распределении водных ресурсов (Усубалиев Е. Усубалиев Э., 2002).

Наблюдается недостаток эффективного управления: Межгосударственные органы, такие как Межгосударственная комиссия по водным ресурсам (МКВК), не всегда эффективно регулируют использование водных ресурсов, что приводит к несанкционированному водопользованию и экологическим проблемам (Бухари-заде, 2015).

Экологические и социальные последствия таких как уменьшение ледников: за XX век ледниковые ресурсы в регионе сократились почти на 30%, что влияет на долгосрочную доступность водных ресурсов и рост населения: ежегодные темпы роста населения в регионе составляют 1,5-2%, что увеличивает давление на водные и энергетические ресурсы (Камолидинов, 2012). В этой связи считаем необходимым разработку совместных стратегий: создание и внедрение совместных стратегий управления водными и энергетическими ресурсами, учитывающих интересы всех стран региона и у крепление институциональной базы: Укрепление роли МКВК и других межгосударственных органов в регулировании водопользования и энергетических вопросов.

Безусловно не менее важная задача – инвестиции в инфраструктуру: привлечение инвестиций для модернизации водохозяйственной и энергетической инфраструктуры, включая строительство новых гидроэлектростанций и улучшение системы орошения.

Таким образом, проблемы водно-энергетического характера между Казахстаном и Таджикистаном требуют комплексного подхода и эффективного регионального сотрудничества. Только через совместные усилия можно обеспечить устойчивое использование водных и энергетических ресурсов, что приведет к улучшению экономической и экологической ситуации в Центральной Азии.

Заключение

Перспективы дальнейшего развития казахстанско-таджикских отношений являются поистине многогранными и открывают широкие возможности для стратегического углубления двустороннего взаимодействия. Современные реалии глобальной и региональной политики требуют от государств Центральной Азии не только адаптации к новым вызовам, но и выработки комплексных и взаимовыгодных механизмов сотрудничества. В этом контексте укрепление казахстанско-таджикского партнёрства становится неотъемлемой частью усилий по обеспечению устойчивого мира, стабильности и процветания в регионе.

Интенсификация экономических связей между двумя странами может быть достигнута за счёт развития транснациональных транспортных и энергетических коридоров, в том числе через территории Китая и Ирана, а также активного участия в инициативах, таких как «Один пояс — один путь». Это создаёт благоприятную основу для расширения взаимной торговли, притока инвестиций и технологического обмена. Особый интерес представляют новые сферы взаимодействия, включая «зелёную» энергетику, цифровую экономику, агротехнологии и инфраструктурную модернизацию.

Гуманитарное измерение сотрудничества также приобретает стратегическую важность. Расширение образовательных программ, академических обменов и культурного взаимодействия способствует укреплению межобщественных связей и формированию положительного образа партнёрства в массовом сознании. Инвестиции в образование и науку – это инвестиции в устойчивое будущее двусторонних отношений.

Особое значение приобретает сотрудничество в сфере безопасности в условиях нарастающих глобальных и транснациональных угроз. Казахстан и Таджикистан уже имеют положительный опыт взаимодействия в рамках ОДКБ, в области пограничного контроля, антинаркотических мер и борьбы с экстремизмом. В будущем важно укрепить координацию действий в области кибербезопасности, совместного реагирования на кризисы и информационного обмена.

Проанализировав эволюцию казахстанско-таджикских отношений, можно с уверенностью утверждать, что они прошли путь от декларативного сотрудничества к полноформатному стратегическому партнёрству, основанному на доверии, взаимной поддержке и общих целях.

Сохранение позитивной динамики, готовность к диалогу и взаимодействию, а также ориентация на долгосрочную устойчивость позволяют рассматривать отношения между Казахстаном и Таджикистаном как модель конструктивного регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Таким образом, при наличии политической воли, активной дипломатии и институциональной поддержки, казахстанско-таджикское партнёрство может не только укрепиться, но и выйти на качественно новый уровень, соответствующий интересам обеих стран и общим целям региональной стабильности и развития.

Литература

- Akorda.kz (2023). Декларация о союзническом взаимодействии между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан. <https://www.akorda.kz/ru/deklaraciya-o-soyuznicheskom-vzaimodeystvii-mezhdu-respublikoy-kazahstan-i-respublikoy-tadzhikistan-445549>
- Proskuryakova T., Yu W. (2023). Оптимизация водно-энергетических связей для решения климатических проблем в Центральной Азии. https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/leveraging-water-energy-nexus-tackle-climate-challenges-central-asia?utm_source
- Tengrinews.kz (2024). “Исторический документ“. Токаев и Рахмон подписали договор о союзничестве. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/istoricheskiy-dokument-tokaev-rahmon-podpisali-dogovor-545639/
- Tnu.tj (2024). Развитие научно-образовательного сотрудничества между республиками Таджикистан и Казахстан. https://tnu.tj/index.php/ru/razvitie-nauchno-obrazovatel'nogo-sotrudnichestva-mezhdu-respublikami-tadzhikistan-i-kazahstan/?utm_source
- Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. (н.д.). Взаимоотношения Республики Таджикистан и Республики Казахстан в рамках ОДКБ. <https://amit.tj/ru/vzaimootnosheniya-respubliki-tadzhikistan-i-respubliki-kazahstan-v-ramkakh-odkb>
- Алимов, Б. Х. (2024). Сотрудничество между Таджикистаном и Казахстаном – важный фактор стабильности и процветания. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-mezhdu-tadzhikistanom-i-kazahstanom-vazhnyy-faktor-stabilnosti-i-protsvetaniya>
- Алимов, Б. Х., Рахимов, К. Х., & Салимзода, К. Х. (2024). Стратегическое партнерство Таджикистана со странами СНГ: на примере России, Казахстана и Узбекистана. Постсоветские исследования, 7(7), 714–724. <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-tadzhikistana-so-stranami-sng-na-primere-rossii-kazahstana-i-uzbekistana>
- Асроров И., Асророва З. (2001). Экономика Таджикистана в годы независимости. Центральная Азия и Кавказ, 109–116.
- Боришполец К. (2013). Водноэнергетические проблемы Центральной Азии -возможные пути решения. <https://cyberleninka.ru/article/n/vodno-energeticheskie-problemy-tsentralnoy-azii-vozmozhnye-puti-resheniya/viewer>
- Бухари-заде Н. (2015). Водные ресурсы в Центральной Азии: зависимость независимости. <https://www.fergananews.com/articles/8589>
- Казинформ (2024). Таджикистан направил 3,5 тысячи тонн гуманитарной помощи в Казахстан. <https://www.inform.kz/ru/tadzhikistan-napravil-35-tisyachi-tonn-gumanitarnoy-pomoshi-v-kazahstan-9094b4>
- Камолидинов А. (2012). Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и роль Таджикистана в их решении. https://khovar.tj/rus/2012/10/vodno-energeticheskie-problemy-tsentralnoj-azii-i-rol-tadzhikistana-v-ih-reshenii/?utm_source
- Каримова, Д. (2019). Дипломатические отношения между Таджикистаном и Казахстаном в период независимости. Вопросы политологии, 9(2), 329–336.
- Министерство иностранных дел Республики Таджикистан (2015). Концепция внешней политики Республики Таджикистан. <https://web.archive.org/web/20160408001340/http://mfa.tj/ru/pravovaya-osnova-vp/kontseptciya-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan.html>
- Национальный центр развития высшего образования МНнВО РК (2023). Международное сотрудничество Таджикистана и Казахстана в сфере высшего образования. https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysshego-obrazovaniya?utm_source=chatgpt.com
- Омаров Н.М. (2008). Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек: Илим.
- Ризоев, Ш. Ш. (2012). Ҷамкориҳои мутақобилан судманди Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Ҷумҳурии Қазоқистон. Паёми Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон, (2[50]), 161–167.
- Ризоён, Ш. Ш. (2020). Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан: Монография. Душанбе: Дониш. https://mo.tnu.tj/wp-content/uploads/2021/03/rizojon_monografiya.pdf
- Рустами, С. (2020). Таджикистан – особенности взаимоотношений с государствами Центральной Азии. <https://cyberleninka.ru/article/n/tadzhikistan-osobennosti-vzaimootnosheniy-s-gosudarstvami-tsentralnoy-azii>
- Токаев К. (2002). Қазақстан Республикасының дипломатиясы. Алматы: Жеті Жарғы.

Усубалиев Е., Усубалиев Э. (2002). Проблемы территориального урегулирования и распределения водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии. https://ca-c.org.ru/journal/2002/journal_rus/cac-01/08.usuru.shtml

Шарипов, А. М. (2011). Дипломатические, торгово-экономические и культурные взаимоотношения Таджикистана с Казахстаном (1991–2006 гг.) (Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук). Душанбе.

References

Akorda.kz. (2023). Deklaratsiya o soyuznicheskim vzaimodeystvii mezhdu Respublikoy Kazakhstan i Respublikoy Tadjikistan. <https://www.akorda.kz/ru/deklaraciya-o-soyuznicheskom-vzaimodeystvii-mezhdu-respublikoy-kazahstan-i-respublikoy-tadjikistan-445549>

Proskuryakova, T., & Yu, W. (2023). Optimizatsiya vodno-energeticheskikh svyazey dlya resheniya klimaticheskikh problem v Tsentral'noy Azii. <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/leveraging-water-energy-nexus-tackle-climate-challenges-central-asia>

Tengrinews.kz. (2024). “Istoricheskiy dokument”: Tokaev i Rakhmon podpisali dogovor o soyuznistestve. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/istoricheskiy-dokument-tokaev-rahmon-podpisali-dogovor-545639/

Tnu.tj. (2024). Razvitie nauchno-obrazovatel'nogo sotrudnichestva mezhdu respublikami Tadjikistan i Kazakhstan. <https://tnu.tj/index.php/ru/razvitie-nauchno-obrazovatel'nogo-sotrudnichestva-mezhdu-respublikami-tadjikistan-i-kazahstan/>

Akademiyai millii ilmkhoi Tojikiston. (n.d.). Vzaimootnosheniya Respubliki Tadjikistan i Respubliki Kazakhstan v ramkakh ODKB. <https://amit.tj/ru/vzaimootnosheniya-respubliki-tadjikistan-i-respubliki-kazahstan-v-ramkakh-odkb>

Alimov, B. Kh. (2024). Sotrudnichestvo mezhdu Tadjikistanom i Kazakhstanom – vazhnyy faktor stabil'nosti i protsvetaniya. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-mezhdu-tadjikistanom-i-kazahstanom-vazhnyy-faktor-stabilnosti-i-protsvetaniya>

Alimov, B. Kh., Rakhimov, K. Kh., & Salimzoda, K. Kh. (2024). Strategicheskoe partnerstvo Tadjikistana so stranami SNG: na primere Rossii, Kazakhstana i Uzbekistana. *Postsovetskie issledovaniya*, 7(7), 714–724. <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-tadjikistana-so-stranami-sng-na-primere-rossii-kazakhstana-i-uzbekistana>

Asrorov, I., & Asrorova, Z. (2001). *Ekonomika Tadjikistana v gody nezavisimosti*. Tsentral'naya Aziya i Kavkaz, 109–116.

Borishpolets, K. (2013). Vodno-energeticheskie problemy Tsentral'noy Azii – vozmozhnye puti resheniya. <https://cyberleninka.ru/article/n/vodno-energeticheskie-problemy-tsentralnoy-azii-vozmozhnye-puti-resheniya/viewer>

Bukhari-zade, N. (2015). Vodnye resursy v Tsentral'noy Azii: zavisimaya nezavisimost'. <https://www.fergananews.com/articles/8589>

Kazinform. (2024). Tadjikistan napravil 3,5 tysyachi tonn gumanitarnoy pomoshchi v Kazakhstan. <https://www.inform.kz/ru/tadjikistan-napravil-35-tisyachi-tonn-gumanitarnoy-pomoshi-v-kazahstan-9094b4>

Kamoliddinov, A. (2012). Vodno-energeticheskie problemy Tsentral'noy Azii i rol' Tadjikistana v ikh reshenii. <https://khover.tj/rus/2012/10/vodno-energeticheskie-problemy-tsentralnoy-azii-i-rol-tadjikistana-v-ih-reshenii/>

Karimova, D. (2019). Diplomatische otnosheniya mezhdu Tadjikistanom i Kazakhstanom v period nezavisimosti. *Voprosy politologii*, 9(2), 329–336.

Ministerstvo inostrannykh del Respubliki Tadjikistan. (2015). Kontseptsiya vneshney politiki Respubliki Tadjikistan. <https://web.archive.org/web/20160408001340/http://mfa.tj/ru/pravovaya-osnova-vp/kontseptciya-vneshney-politiki-respubliki-tadjikistan.html>

Natsional'nyy tsentr razvitiya vysshego obrazovaniya MNiVO RK. (2023). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Tadjikistana i Kazakhstana v sfere vysshego obrazovaniya. <https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysshego-obrazovaniya>

Omarov, N. M. (2008). *Gosudarstva Tsentral'noy Azii v epokhu globalizatsii: poiski strategii razvitiya*. Bishkek: Ilim.

Rizoev, Sh. Sh. (2012). Hamkorikhoyi mutaqobilan sudmandi Jumhurii Tojikiston bo Jumhurii Qazokiston. *Payomi Donishgohi davlatii huquq, biznes va siyosati Tojikiston*, (2[50]), 161–167.

Rizoyon, Sh. Sh. (2020). *Natsional'nye interesy vo vneshney politike Respubliki Tadjikistan: Monografiya*. Dushanbe: Donish. https://mo.tnu.tj/wp-content/uploads/2021/03/rizojon_monografiya.pdf

Rustami, S. (2020). Tadjikistan – osobennosti vzaimootnosheniy s gosudarstvami Tsentral'noy Azii. <https://cyberleninka.ru/article/n/tadjikistan-osobennosti-vzaimootnosheniy-s-gosudarstvami-tsentralnoy-azii>

Tokaev, K. (2002). *Qazaqstan Respublikasynyn diplomatiyasy*. Almaty: Zheti Zhargy.

Usubaliev, E., & Usubaliev, E. (2002). Problemy territorial'nogo uregulirovaniya i raspredeleniya vodno-energeticheskikh resursov v Tsentral'noy Azii. https://ca-c.org.ru/journal/2002/journal_rus/cac-01/08.usuru.shtml

Sharipov, A. M. (2011). *Diplomatische, torгово-ekonomicheskie i kul'turnye vzaimootnosheniya Tadjikistana s Kazakhstanom (1991–2006 gg.)* (Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk). Dushanbe.

Информация об авторах:

Түймебаев Жансейит Кансейитович – д. филол. н., профессор, Председатель Правления – Ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: zhanseit.tuimebayev@kaznu.kz).

Хушвахтзода Кобилджон Хушвахт – доктор экономических наук, профессор, Президент Национальной академии наук Таджикистана (Душанбе, Таджикистан, e-mail: tgnu@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Түймебаев Жансейіт Қансейітұлы – филология ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Басқарма Төрағасы – Ректоры (Алматы, Қазақстан, e-mail: zhanseit.tuimebayev@kaznu.kz).

Хушвахтзода Кобилджон Хушвахт – экономика ғылымдарының докторы, профессор, Тәжікстан Ұлттық ғылым академиясының президенті (Душанбе, Тәжікстан, e-mail: tgnu@mail.ru).

Information about the authors:

Tuimebayev Zhanseit – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chairman of the Board – Rector of Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhanseit.tuimebayev@kaznu.kz).

Khushvakhtzoda Kobiljon Khushvakht – Doctor of Economics, Professor, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan, e-mail: tgnu@mail.ru).

Поступила 7 апреля 2025 г.

Принята 27 мая 2025 г.

A.M. Dikanbayeva¹, **M.S. Sarybayev^{2*}**, **R.Y. Utkelbay²**¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan²Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: meiram.sarybaev@narxoz.kz

FRENCH SOFT POWER MODEL AND ITS ADAPTATION IN CENTRAL ASIA: CULTURAL DIPLOMACY, TOURISM, AND NATIONAL BRANDING

This article examines the application of the «soft power» concept using the case of France and analyzes the potential for its adaptation by the countries of Central Asia, taking into account the specific socio-political and cultural contexts of the region. Special attention is given to the key instruments of French soft power, including cultural diplomacy, tourism promotion, educational programs, student exchange initiatives, national branding development, support for creative industries, and the organization of international cultural events. These elements contribute significantly to strengthening France's positive and sustainable image on the global stage. The empirical basis of the study consists of the results of a sociological survey conducted among students, postgraduate students, young professionals, and international relations experts from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Tajikistan. The methodology of the research includes content analysis, comparative analysis, and statistical data processing. The findings reveal that France is primarily perceived in the region as a reliable cultural and educational partner, while its political and economic influence remains relatively limited. The authors conclude that there is a need to diversify the tools of soft power, placing greater emphasis on the expansion of educational partnerships, the development of tourism, support for creative industries, and the strengthening of cultural dialogue. Enhancing these areas could open new prospects for deepening cooperation between France and the countries of Central Asia across multiple sectors.

Key words: soft power, cultural diplomacy, France, Central Asia, national branding, tourism.

А.М. Диканбаева¹, М.С. Сарыбаев^{2*}, Р.Е. Уткелбай²¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: meiram.sarybaev@narxoz.kz

«Жұмсақ күштің» француз моделі және оның Орталық Азиядағы бейімделуі: мәдени дипломатия, туризм және ұлттық брендинг

Бұл мақалада Францияның «жұмсақ күш» тұжырымдамасын қолдану тәжірибесі және оның Орталық Азия елдерінде бейімделу мүмкіндіктері қарастырылады. Зерттеу барысында француз «жұмсақ күшінің» негізгі құралдары, мәдени дипломатия, туризмді алға жылжыту, білім беру бағдарламалары, студенттер алмасу жобалары, ұлттық брендті дамыту, креативті индустрияларды қолдау және халықаралық мәдени шараларды ұйымдастыру, жан-жақты талданады. Бұл бағыттар Францияның халықаралық аренадағы беделін нығайтуға айтарлықтай әсер етеді. Эмпириялық база ретінде Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан және Тәжікстан елдеріндегі студенттер, магистранттар, жас мамандар мен халықаралық қатынастар саласындағы сарапшылар арасында жүргізілген социологиялық сауалнама деректері пайдаланылды. Зерттеуде мазмұндық талдау, салыстырмалы талдау және статистикалық әдістер қолданылды. Нәтижелерге сәйкес, Франция Орталық Азияда көбінесе мәдени және білім беру салаларындағы сенімді серіктес ретінде қабылданады, ал оның саяси және экономикалық ықпалы салыстырмалы түрде шектеулі. Авторлар Францияның аймақтағы ықпалын арттыру үшін «жұмсақ күш» құралдарын әртараптандыру қажеттілігін атап өтеді. Білім беру бағдарламаларын кеңейту, туризмді дамыту, креативті индустрияларды қолдау және мәдени ынтымақтастықты нығайту арқылы Франция мен Орталық Азия елдері арасындағы байланыстарды жаңа деңгейге көтеруге мүмкіндік бар.

Түйін сөздер: жұмсақ күш, мәдени дипломатия, Франция, Орталық Азия, ұлттық брендинг, туризм.

А.М. Диканбаева¹, М.С. Сарыбаев^{2*}, Р.Е. Уткелбай²

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

*e-mail: meiram.sarybaev@narhoz.kz

**Французская модель «мягкой силы» и ее адаптация
в Центральной Азии: культурная дипломатия, туризм
и национальный брендинг**

Статья посвящена исследованию применения концепции «мягкой силы» на примере Франции и анализу возможностей её адаптации странами Центральной Азии с учетом их специфических социально-политических и культурных условий. Особое внимание уделяется инструментам французской «мягкой силы», таким как культурная дипломатия, продвижение туризма, образовательные программы, программы обмена студентами, развитие национального бренда, поддержка креативных индустрий и организация международных культурных мероприятий. Эти элементы способствуют формированию устойчивого и позитивного имиджа Франции на мировой арене. Эмпирическую основу исследования составляют результаты социологического опроса, проведённого среди студентов, аспирантов, молодых специалистов и экспертов в области международных отношений в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане. Методология исследования включает контент-анализ, сравнительный анализ и статистическую обработку полученных данных. Результаты исследования показывают, что Франция воспринимается в регионе прежде всего как культурный и образовательный партнёр, тогда как её политическое и экономическое влияние воспринимается сдержанно. Авторы приходят к выводу о необходимости расширения спектра инструментов «мягкой силы», акцентируя внимание на развитии партнёрских образовательных программ, туризма, поддержке стартапов в сфере креативных индустрий и укреплении культурного диалога. Усиление этих направлений открывает новые перспективы для углубления сотрудничества между Францией и странами Центральной Азии в различных сферах.

Ключевые слова: мягкая сила, культурная дипломатия, Франция, Центральная Азия, национальный брендинг, туризм.

Introduction

In today's globalized world, where competition for international influence continues to grow, countries in Central Asia are increasingly turning to successful examples of soft power to enhance their visibility and reputation abroad. France is widely recognized around the world for its ability to maintain a significant global influence through vibrant cultural exchanges, a well-developed tourism sector, and strategic efforts in shaping its national image.

This research explores the possibility of adapting certain aspects of France's soft power approach to suit the unique context of Central Asia. Special attention is given to practical strategies that could help Central Asian countries enhance their international standing, boost tourism, and strengthen economic attractiveness. Specifically, the study emphasizes how cultural diplomacy can effectively deepen diplomatic relationships, attract foreign investment, and support the economic diversification goals of Central Asian states.

The importance of this study lies in the growing interest among Central Asian nations to transition from economies heavily dependent on natural resources toward models driven by intellectual capital

and cultural heritage. France's extensive experience in cultural policy and regional promotion provides a valuable framework for Central Asia. These insights can guide the development of impactful national branding strategies, helping the region seamlessly integrate into global cultural and economic networks.

Thus, examining the mechanisms behind France's soft power and evaluating their applicability to Central Asia could significantly strengthen the region's international profile. Additionally, it can contribute to crafting a solid model for socioeconomic progress based on leveraging cultural and tourism potentials.

Methodology

The study is based on a comprehensive analysis of theoretical and empirical data covering the concept of «soft power», cultural diplomacy, tourism marketing and national branding. Systematic, comparative and interdisciplinary approaches have been used as a methodological basis to identify key mechanisms for implementing the «soft power» policy in France and assess their adaptability to the conditions of Central Asia.

Research methods include:

Content analysis is the study of scientific publications, strategic documents and official reports related to the French model of «soft power» and its impact on international relations.

The comparative analysis is a comparison of the mechanisms for promoting the national brand and cultural diplomacy in France and Central Asian countries.

The sociological method is to conduct a questionnaire survey among students, undergraduates and specialists in the field of international relations from five Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Kyrgyzstan) in order to identify the perception of French cultural and economic influence in the region.

Statistical analysis is the processing of survey data to identify key trends in attitudes towards French «soft power» in Central Asian countries.

The use of these methods provides a comprehensive analysis of the subject of the study, and also allows us to assess the prospects for adapting the French experience in the context of the socio-economic and cultural characteristics of the region.

Literature review

The study of the soft power phenomenon and its role in international relations has a well-established theoretical foundation. The concept was first introduced by Joseph Nye in the late 20th century and was further elaborated in his works, where he defines soft power as a state's ability to influence other countries through cultural, educational, and diplomatic instruments rather than military or economic coercion (Nye, 2015).

One of the key dimensions of soft power is cultural diplomacy, which has been extensively examined by scholars such as Mark Leonard (2002) and Simon Anholt (2005). They emphasize that national branding and cultural promotion abroad contribute to strengthening a country's international image and enhancing its global influence. In this context, France is considered a successful example of utilizing cultural policy in international relations (Rusakova, 2015).

The French model of soft power is primarily based on the promotion of culture, arts, and education. Studies by S. Foucher (2018) and P. Bourdieu (1984) demonstrate that France's cultural influence is shaped through institutions such as Alliance Française, Campus France, and the Institut Français, as well as through French-language media, the film industry, and gastronomic diplomacy. Analysis in-

dicates that these instruments reinforce France's international presence, enhance its attractiveness as a tourist destination, and facilitate business relations.

National branding and tourism marketing, as integral components of soft power, are widely discussed in the works of Kate Duncan (2014) and Philip Kotler (2019). These authors highlight the importance of regional marketing and strategies for attracting investors and tourists to strengthen a country's national image. Research suggests that France effectively utilizes elements of the creative economy and public-private partnerships in cultural heritage management, positioning itself as a global leader in the tourism industry (Ministère de la Culture, 2022).

Regarding Central Asia, the adaptation of Western soft power models has been explored by Russian and Central Asian scholars. Karimov (2023) analyzes the development of Uzbekistan's national brand in the tourism sector, while Abdullayeva (2022) examines Central Asia's potential for promoting cultural tourism. However, research indicates that the region lacks a coherent national branding strategy and a unified concept of cultural diplomacy, limiting the effectiveness of soft power as a tool for international influence.

Thus, existing academic studies confirm that the successful implementation of soft power policies requires a comprehensive approach, including the development of cultural infrastructure, educational programs, tourism, and digital diplomacy. The French experience may serve as a model for developing effective strategies in Central Asia; however, its adaptation must consider regional specificities and the socio-economic dynamics of the region.

Theoretical Foundations of Soft Power

The concept of soft power was first formulated by American political scientist Joseph Nye in the late 20th century and has since been widely applied in international relations research. According to Nye, soft power is the ability of a state or other actor to influence the behavior of other countries not through military or economic coercion but through the attractiveness of its culture, political values, and foreign policy strategies (Nye, 2015).

The key components of soft power include:

- Culture, encompassing language, arts, traditions, and lifestyle, which contribute to shaping a country's positive image on the international stage.
- Political values, such as democratic institutions, the rule of law, and human rights protection, which can foster trust within the global community.

- Ideas and diplomacy, including participation in international organizations, humanitarian aid, educational programs, and cultural exchanges.

Academic research emphasizes that soft power is not a static category but evolves and transforms in response to the global context. In the 21st century, digital technologies and social media have become crucial tools for the dissemination of soft power, enabling states and non-state actors to promote their culture and values on a global scale (Rusakova, 2015).

France wields soft power with considerable skill. Centuries of cultural heritage form the bedrock of France's global standing, further amplified by a comprehensive framework of educational and cultural entities. Organizations like Alliance Française, Campus France, and Institut Français are key players. They form part of a unified cultural diplomacy strategy, employed strategically to showcase the French national identity internationally. The nation serves as a model; demonstrating how safeguarding cultural legacy, embracing modern nation branding techniques, and actively collaborating with international bodies collectively fortifies a country's global influence (Ministère de la Culture, 2022).

For countries in Central Asia, the potential for developing soft power strategies – notably in the domains of cultural diplomacy and national image-making – is considerable. However, unlike France, the region has yet to formulate an integrated policy framework that harnesses cultural and educational resources as instruments of foreign policy. This aspect emphasizes the criticality of studying the best world practices, transforming them considering the unique socio-political and economic conditions of the Central Asian countries. It is necessary to carefully analyze foreign achievements and adapt them, developing regional approaches that meet the specific socio-political and economic reality of Central Asia.

The French model of soft power

France acts as a leading player, successfully using soft power tools to strengthen its international status. The French model is based on the integration of cultural diplomacy, educational projects, tourism marketing strategies and the formation of a positive national image. These institutions not only provide education but also serve as platforms for deepening bilateral relations with other countries (Ministère de la Culture, 2022).

In addition, tourism is a significant component of France's soft power, playing a key role in shap-

ing its international image. A well-thought-out state policy in the field of cultural heritage attracts a huge number of tourists, introducing them to historical monuments, museums and culinary traditions of the country. The state actively employs public-private partnerships (PPP) to finance the maintenance and restoration of cultural heritage sites, ensuring the continued attractiveness of France as a global tourist destination. Additionally, considerable attention is given to marketing strategies aimed at promoting French culture and tourism abroad (Rusakova, 2015).

France also effectively integrates educational initiatives within its soft power strategy. The country's higher education institutions attract international students by offering a wide range of scholarship programs. Many French universities are ranked among the top global academic institutions and ensure academic mobility through agreements with leading universities worldwide (Campus France, 2023).

The economic dimension of France's soft power is reflected in the significant contribution of cultural and creative industries to the country's GDP. According to official data, in 2022, France's cultural sector generated €47.1 billion, accounting for approximately 2% of the national economy. This figure surpasses the contribution of the automotive industry, highlighting the substantial economic value of culture as a resource. Government support for creative industries, including arts, cinema, and fashion, has established France as a global hub for cultural innovation (Ministère de la Culture, 2024).

The French soft power strategy, by all accounts, is an exemplary example of targeted and effective government action. This approach is based on a balanced combination of different areas: cultural exchanges, work on a positive image of the country, educational projects and tourism development. It is in these areas that France has sent impressive financial investments and organizational capacities. The long-term effect of these efforts is clear in the widespread popularity of France around the world and its enduring cultural influence spanning different regions of the planet.

Central Asia: a region fraught with untapped potential of «soft power»

France is a curious precedent for the Central Asian states aimed at strengthening their influence and increasing their global status. The ability of this country to convert its cultural uniqueness into a diplomatic advantage demonstrates the real effective-

ness of «soft power» provided it is carefully integrated into the political structure of the state, with a clearly formulated strategy for international cooperation. The experience of France can encourage the Central Asian countries to develop more logical and strategic approaches to demonstrate their identity and increase their international prestige.

One of the most significant areas for possible adaptation is cultural diplomacy. Unlike the already established system of cultural institutions and programs operating on behalf of France abroad, most Central Asian countries have yet to develop centralized and long-term strategies to promote their languages, arts and traditions on the world stage. Although there are disparate cultural initiatives in the region, they often lack coherence and international reach. Following the experience of France, Central Asian governments could create specialized cultural centers, support traveling exhibitions, sponsor artists and scientists, and invest in digital platforms that would bring their cultural narratives to a global audience.

Another important domain is national branding and tourism marketing. France has long used its tourism sector as a vehicle for soft power, presenting its culture and values through world-renowned heritage sites, cuisine, fashion, and festivals. Meanwhile, Central Asia, home to the Silk Road, ancient cities, and unique ecological landscapes, has immense potential to do the same. But underinvestment in infrastructure, service quality, and international promotion continues to limit the region's appeal to global travelers. To change this, countries like Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan could draw on the French example of public-private partnerships, regional branding strategies, and tourism-focused diplomacy.

The economic dimension of soft power, especially in the realm of creative industries, remains largely untapped in Central Asia. Unlike in France, where sectors such as film, design, music, and fashion play an important role in the economy, these industries in Central Asia are still in early stages of development. However, with the right support, such as grants for cultural startups, film subsidies, and international creative festivals, the region could turn its artistic heritage into a driver of both cultural influence and economic growth.

France's investment in education and academic exchange is another pillar of its soft power strategy that could be adapted to the Central Asian context. Initiatives such as scholarship programs, international campuses, and bilateral university partner-

ships have helped France build long-term influence across the globe. Central Asian countries could benefit from expanding their own international education programs, encouraging student mobility, and engaging more actively in global academic networks. Implementing these measures would serve the dual purpose of elevating the standards of higher education and fostering stronger diplomatic and cultural connections with nations globally.

Employing French «soft power» initiatives could potentially offer Central Asian countries avenues to enhance their international influence, attract greater investment, and stimulate economic growth. To accomplish these objectives, a collaborative effort among different governmental bodies is essential; specifically, the Ministries of Foreign Affairs, Culture, Education, and Tourism must work in concerts. It is important to establish effective cooperation with representatives of business and civil society. The main task is not just to copy the French experience, but to adapt it to the peculiarities of historical development, cultural values and strategic priorities of the Central Asian countries.

Tourism as a lever of regional marketing

Beyond making a profit, the tourism industry is an effective means of promoting the region and expanding international contacts. Tourism stimulates the inflow of foreign direct investment, helps to create a favorable international image of the country and contributes to the diversification of the economy. In various parts of the world, tourism provides a significant contribution to the formation of GDP, increased employment, and the development of related industries such as transportation, the hotel industry, and the construction sector. The tourism industry in Central Asia, which has not yet reached its full potential, opens broad prospects for strengthening the potential of soft power. With its rich historical heritage and the interweaving of diverse cultures, this region has significant potential to attract foreign tourists, which leads to increased recognition in the world. Strategically thought-out tourism development is a promising catalyst that provides not only economic benefits but also contributes to increasing cultural attractiveness on the world stage.

The French example is a strong proof of effectiveness. The systematic support of the tourism industry, carried out through public investments, thoughtful advertising campaigns and special attention to cultural and historical tourism, has allowed France to form a tourism ecosystem recognized

worldwide. The competent integration of historical sites, world-famous museums and the dynamically developing hospitality sector into a single national identity offers a suitable model for the Central Asian states aimed at achieving similar results. Public-private partnerships (PPPs) play a key role in financing the restoration of monuments, developing tourist routes, and promoting cultural heritage on the international stage (Ministère de la Culture, 2022).

Though there are unique natural and cultural sites, the potential for tourist growth in Central Asia is still underused. Rich historical traditions related to the Silk Road as well as abundant natural resources appropriate for eco-tourism and mountain tourism abound in Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan. Central Asia still has several hurdles in growing its tourism industry even with its wealth of historical and cultural resources. These include poor marketing initiatives, inconsistent service quality, limited worldwide awareness of its tourism potential, and underbuilt infrastructure.

In this sense, the French model offers insightful lessons that might help shape the development of a more efficient tourism policy in Central Asian countries. The following correction options are possible:

- The development of cultural tourism, as well as the expansion of the list of cultural heritage sites. This implies the demonstration of unique national traditions, outstanding sights and places rich in history on the international stage.

- Enhancing the role of the state through policy support, providing investment incentives, stimulating public-private partnerships and implementing specialized programs aimed at improving standards of service in the tourism sector.

- Development of strategic initiatives aimed at brand formation and marketing activities. This area includes: the use of digital technologies, participation in international tourism exhibitions and active interaction with global tour operators to increase the region's recognition and attractiveness for tourists.

Central Asia's national branding

In the modern era, national branding is a key management tool, fulfilling the task of not just international positioning, but attracting investment, stimulating tourism and broadcasting foreign policy goals. More developed countries often achieve this through close cooperation between government agencies and commercial organizations. This synergistic approach ensures that the country's key advantages – cultural, economic, and symbolic – are presented on the world stage.

France is an example of global success. Her constant attention to cultural diplomacy, carefully developed territorial marketing and active promotion of tourism demonstrate the effectiveness. This success highlights the need for continued government involvement in shaping and disseminating a clear national image. In contrast, the Central Asian States, despite their rich cultural background, are just beginning to build similar strategic approaches. According to the National Brand Index developed by Simon Anholt, France is among the leaders in global recognition, largely due to its rich historical and cultural heritage, gastronomic traditions, high quality of life and strong government support for creative industries (Anholt, 2022).

In Central Asia, the process of forming a national brand is still in its infancy. Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan can boast of rich cultural heritage closely related to the history of the Great Silk Road, nomadic civilization and ethnic traditions. Nevertheless, the region is experiencing certain difficulties, including poorly developed marketing approaches, the lack of a clear national branding strategy for entering the international arena, and insufficient government funding for creative industries.

In some Central Asian States, there has been significant progress in creating national branding strategies. For instance, Uzbekistan has actively enhanced its tourism branding by emphasizing its cultural and historical heritage (e.g., Samarkand, Bukhara, Khiva) and attracting international tourists through state initiatives in infrastructure development and visa liberalization (Abdullaeva, 2022). Kyrgyzstan has positioned itself as the «Switzerland of Central Asia» actively promoting eco-tourism, mountain tourism, and the World Nomad Games, which have gained international recognition.

Kazakhstan also holds considerable potential for national brand development, yet its global promotion remains fragmented. In 2012, experts identified the key elements of Kazakhstan's national brand, including the oil industry, international sporting events (e.g., Asian Games, participation in Tour de France), and cultural-humanitarian initiatives (e.g., Assembly of the People of Kazakhstan, the Congress of World Religious Leaders) (Koshenoy, 2012). Despite this, the lack of a unified marketing strategy and insufficient integration into global branding networks are narrowing Kazakhstan's horizons in this area.

For the successful formation of a national brand in Central Asian countries, the following key factors must be considered:

- development of a comprehensive national branding strategy, including marketing, cultural and diplomatic tools;
- promotion of cultural heritage and tourism potential, including active participation in international exhibitions, festivals and cultural exchange programs;
- using digital technologies and social media to increase global brand awareness;
- government support for creative industries such as cinema, design, music and the IT sector, which can become important drivers of the development of a national brand;
- development of international partnerships and integration into global competitiveness indices, which will strengthen the reputation of the countries of the region at the global level.

Thus, the adaptation of the best practices of national branding, including the French model, can contribute to increasing the international competitiveness of Central Asian countries, strengthening their cultural and economic influence, as well as developing tourism and investment attractiveness of the region.

The sociological survey and its analysis

As part of the study, a sociological survey was conducted aimed at identifying the perception of French cultural, economic and political influence in Central Asian countries. The focus was on assessing France's role in the region, the effectiveness of its «soft power» policy, and the prospects for adapting

French experience in the fields of cultural diplomacy, education, and tourism.

Survey methodology

The survey was conducted among students, undergraduates and specialists in the field of international relations, which allowed us to obtain representative data reflecting the opinion of professionally interested groups. The survey involved respondents from five Central Asian countries:

- Uzbekistan – 51 people,
- Kazakhstan – 31 people,
- Turkmenistan – 16 people,
- Tajikistan – 4 people,
- Kyrgyzstan – 4 people.

The survey was conducted in several languages, which ensured the accuracy of the answers and expanded the reach of the target audience.

Survey results and their interpretation

1. Perception of the French presence in the region

To the question «Do you feel French influence in your country?» the answers were distributed as follows:

- 48 respondents (38%) noted that they feel the French presence.,
- 70 respondents (55%) answered negatively.,
- 10 people (7%) found it difficult to answer.

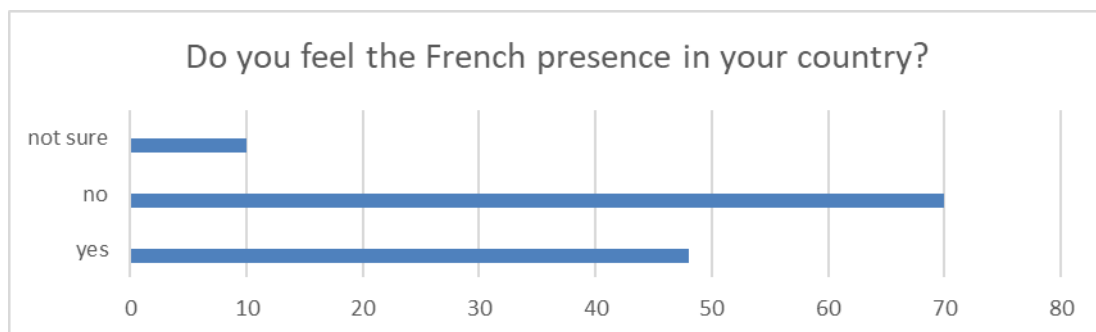

Figure 1 – Perception of French Presence in the Region
Source: made by the authors based on an online survey

These data indicate that France, despite its active participation in international projects, is not perceived by many respondents as a significant actor in the region. This result may be because

the French «soft power» is mainly represented in the cultural and educational sphere and does not cover the broad social and economic strata of the population.

2. Assessment of France-Central Asia Cooperation

Respondents identified the areas where cooperation with France is most noticeable:

- Culture and education – 32 respondents (48%);
- Economy and investment – 18 respondents (27%);
- Political engagement – 10 respondents (15%);

- Other sectors – 6 respondents (10%).

Most respondents (48%) associate France's influence primarily with educational programs and cultural diplomacy, confirming the significance of initiatives such as Campus France and Alliance Française. However, the results suggest that economic and political ties between France and Central Asia are perceived as relatively weak.

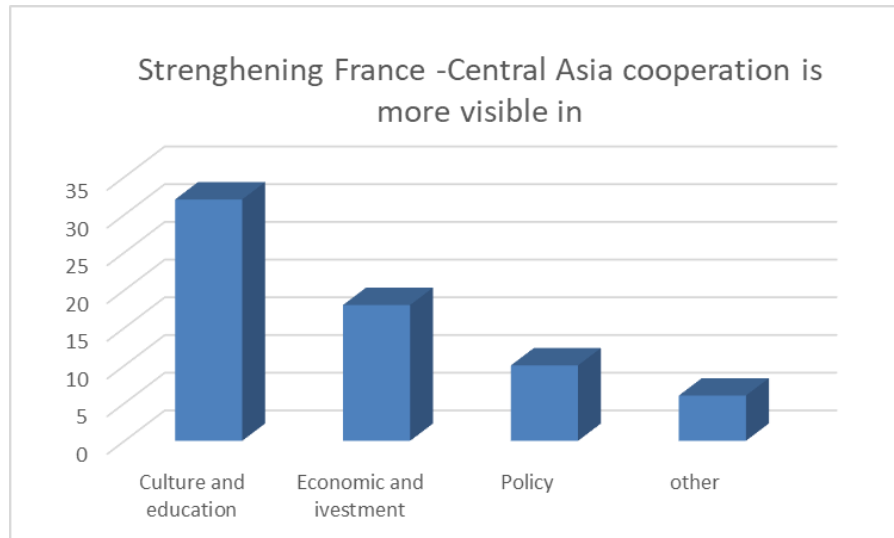

Figure 2 – Assessment of France-Central Asia Cooperation
Source: made by the authors based on an online survey

3. The influence of French «soft power» in the region

To the question «Is France using a soft power strategy in Central Asia?» The respondents gave the following answers:

- 58 people (45%) believe that France actively uses «soft power»;
- 17 people (13%) disagree with this statement;
- 26 people (42%) could not give a definite answer.

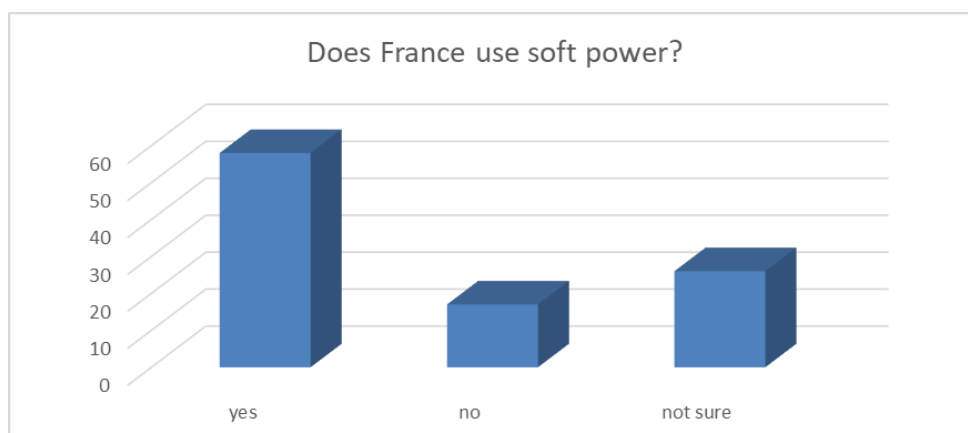

Figure 3 – Perception of French Soft Power in Central Asia
Source: Compiled by the authors based on an online survey

Respondents who support the idea of using «soft power» by France noted that the key instruments of this influence are educational programs, cultural initiatives and diplomatic projects. Those who disagreed with this statement pointed out that French influence in the region is not as pronounced as that of other global actors such as China, Russia and Turkey.

4. Prospective Areas for Cooperation

Respondents were also asked which areas of collaboration with France should be further developed:

- Expansion of educational programs – 67 respondents (65%);
- Development of the tourism industry – 30 respondents (29%);

- Support for cultural initiatives – 24 respondents (23%);

- Economic cooperation and investment – 18 respondents (17%).

The strongest demand (65%) is for educational programs, demonstrating high interest among young professionals and students in academic mobility and cultural exchange with France.

Tourism development (29%) is another significant area, indicating potential for bilateral initiatives in tourism branding and marketing.

Cultural initiatives (23%) remain an important sector, reflecting demand for exchange programs, exhibitions, and Francophone projects.

With just 17%, economic cooperation is at the bottom, indicating that France is not seen as a significant economic ally in the area.

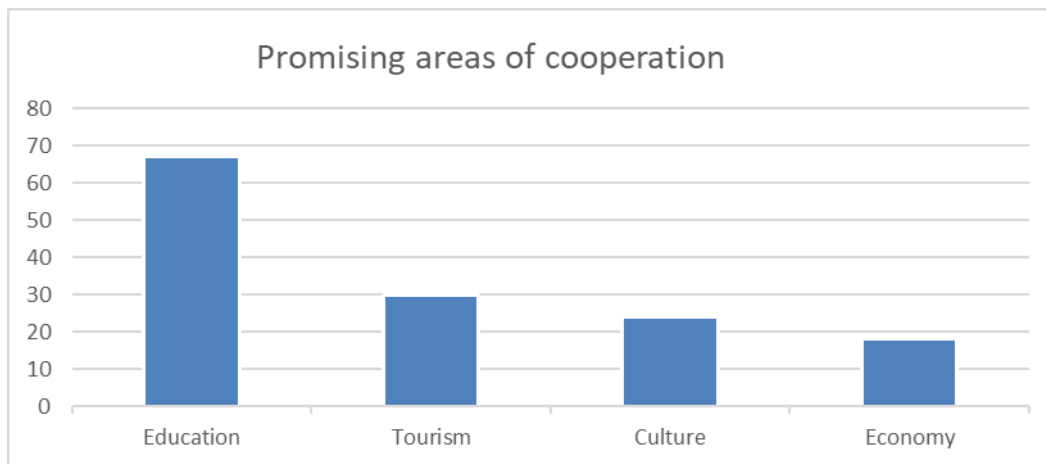

Figure 4 – Prospective Areas for Cooperation

Source: made by the authors based on an online survey

Key Results of the Regional Assessment:

- Across the countries of Central Asia, a prevalent viewpoint holds that France's presence isn't highly visible. This implies that the country's influence through non-coercive means in the region has not yet achieved its maximum effect.

- France is linked more frequently to cultural and educational initiatives compared to its financial or political interactions; this facet of France's engagement is seen in a more favorable light.

- Cooperation in the realm of education surfaced as a sector with considerable potential for expansion, mirroring the strong emphasis on student exchanges and the fostering of intercultural communication.

Detailed study of sociological survey outcomes

Four major questions form the basis of the sociological survey analysis, and results are shown visually. Every part is reviewed in depth here.

1. View of French Impact in Central Asia

- Yes, 48 respondents (38%) confirm French influence;

- No, there is no French influence – 70 respondents (55%);

- Unsure: 10 respondents (7%);

Fifty-five percent of respondents, more than half, do not see French influence in their countries,

hence France is not well known as a major world player in the area.

The fact that France participates in cultural and educational projects may explain why just 38% of respondents recognized the existence of French influence.

According to the survey, 7% of respondents were unsure, indicating a lack of understanding of France's soft power presence in the area.

France's soft power approach in Central Asia seems to be underutilized or focused on certain social sectors, such as the academic world. France must grow its cultural activities, improve diplomatic ties, and broaden its information policy to improve its influence.

2. The places where France is most visibly cooperating

Distribution of Responses:

- Education and culture: 32 replies (48%);
- 18 respondents (27%) mentioned the economy and investment;
- Political engagement – 10 respondents (15%);
- Other industry – six respondents (10%).

The significance of institutions like Campus France and Alliance Française, as well as academic mobility programs, is highlighted by the fact that about half (48%) of respondents primarily link France with culture and education.

A mere 27% acknowledged France's economic impact, indicating either a small amount of French commercial activity in the area or a lack of understanding of economic initiatives.

The least recognized area was political participation (15%), which might suggest France's restricted participation in Central Asian diplomacy.

10% of categorized collaboration falls into the «other» category, which may include cultural endeavors and humanitarian activities that don't fall into the primary categories.

France is mostly viewed as a cultural and educational collaborator, while its economic and political influence is still restricted. France's strategic position in the area might be improved by bolstering economic collaboration and diplomatic interaction.

3. Does France Employ Soft Power in Central Asia?

Distribution of Responses:

- France does indeed use soft power, according to 58 out of 130 respondents (45%);
- France does not employ soft power, according to 13% of the 17 respondents;
- 26 (42%) of survey participants were unsure;

The fact that 45% of respondents feel that France uses soft power in the area supports the nation's cultural and educational involvement.

A lack of understanding of France's efforts was shown by the 42% of respondents who were unsure.

The fact that just 13% of people think France does not employ soft power suggests that cultural, educational, and humanitarian initiatives continue to have some effect.

Although France uses soft power tactics, its influence is still inconsistent. Raising public knowledge and awareness of French activities in Central Asia requires improving marketing and communication tactics.

4. Future Areas of Collaboration with France

Distribution of Responses:

- 67 respondents (65%) said there was an increase in educational opportunities;
- 30 respondents (29%) said that the tourist sector is growing;
- Funding for cultural projects – 24 respondents (23%);
- Economic cooperation and investment – 18 respondents (17%).

Analysis:

Education (65%) was identified as the most highly demanded area for cooperation, reflecting strong interest in academic mobility, scholarships, and collaborations with French universities.

Tourism (29%) was also seen as a promising area, which aligns with the region's rich cultural heritage and tourism potential.

Cultural initiatives (23%) remain a notable sector, indicating continued demand for exchange programs, exhibitions, and Francophone projects.

Economic cooperation (17%) ranked lowest, suggesting that respondents do not view France as a key economic partner in the region.

To deepen cooperation with Central Asia, France should not only expand educational programs but also actively develop the tourism sector, cultural projects, and economic initiatives.

General Conclusions from Survey Analysis

France is primarily perceived as a cultural and educational partner, while its influence in other fields (economy and politics) remains weak.

Tourism and national branding in Central Asia present strong potential for collaboration with France but require more active promotion.

Approximately 42% of respondents are unaware of France's soft power presence, indicating a need to enhance marketing campaigns and diplomatic engagement.

France can expand its influence through investments in creative industries, digital diplomacy, and public-private partnerships in tourism and culture.

Recommendations

- strengthen France's diplomatic and economic presence in the region.
- develop a comprehensive strategy to promote French cultural and educational initiatives in Central Asia.
- encourage greater involvement of the private sector and French business initiatives in regional projects.
- launch targeted marketing campaigns to increase awareness of France's cooperation opportunities in Central Asia.

The survey results provide valuable insights into strengthening bilateral ties and creating more successful soft power tactics in the area.

Suggestions Based on Research Results

The following recommendations may be made after analyzing the French soft power model, its reception in Central Asian nations, and the data from the sociological study:

- Create national cultural diplomacy organizations modeled after the Alliance Française and Institut Français, whose mission would be to spread national culture, language, and customs overseas. Develop a national branding strategy that includes marketing positioning for Central Asian countries as attractive destinations for tourism, education, and investment.
- enhance participation in international cultural and educational initiatives, such as exchange programs, exhibitions, film festivals, and tourism forums;
- create a unified tourism brand for central asia, like france's strategy of promoting itself as a cultural and gastronomic hub of europe;
- implement public-private partnership (ppp) mechanisms in the tourism sector to develop infrastructure, improve service quality, and attract international investors;
- establish international tourist routes (e.g., the great silk road), incorporating historical and natural landmarks across multiple countries in the region;
- strengthen the use of digital marketing to promote national tourism products through social media, online platforms, and international travel agencies;
- in line with campus france initiatives, boost the number of scholarship programs available to students and scholars from central asia;

- establish joint research initiatives and dual-degree programs with the top institutions in the world;

- to increase access to french educational materials, introduce distance learning and digital education programs;
- raising awareness of french «soft power» in the region.

Given that more than 50% of respondents do not feel a French presence in the region, it is recommended to strengthen information campaigns promoting French cultural, educational and investment initiatives in Central Asia.

To develop diplomatic cooperation, including holding joint cultural events, festivals and exhibitions, which would contribute to strengthening bilateral relations.

5. Promote the growth of creative industries like design, cinema, fashion, and digital technologies, which have the potential to be a crucial element of national branding and soft power.

Actively implement French experience in the development of the cultural sector as an economic resource, including grant systems, tax incentives, and investment programs for creative entrepreneurs.

The adaptation of the French soft power model can serve as an effective tool for Central Asian countries in enhancing their international image, attracting tourists and investors, and developing cultural diplomacy. The successful implementation of these measures requires a comprehensive inter-agent approach that includes government support, active business participation, and the utilization of modern marketing technologies.

Conclusion

In the context of global competition for international influence, the strategy of soft power has become a crucial tool for strengthening states' positions on the world stage. France, with its centuries-old traditions of cultural diplomacy, demonstrates a successful model of leveraging cultural, educational, and tourism potential as a means of shaping a positive national image and attracting foreign investment.

This study has shown that Central Asian countries possess significant potential for implementing soft power mechanisms; however, their utilization remains limited at this stage. The analysis of the French experience and the results of the sociological survey have identified several key areas requiring active development:

Strengthening national branding and territorial marketing to enhance the international recognition of the region's countries.

Developing cultural diplomacy through the establishment of institutions like Alliance Française, the organization of international festivals, and the expansion of cultural exchange programs.

Expanding educational programs, including academic mobility, joint university projects, and digital education initiatives.

Promoting the tourism industry through public-private partnerships, the preservation and promotion of historical and cultural heritage, and the creation of international tourist routes.

Supporting creative industries as a key driver of economic development and a unique cultural asset for the Central Asian countries.

The results of the sociological survey showed that the French influence in the region is still not sufficiently noticeable, but interest in French educational and cultural programs among Central Asians is high. This confirms the need for France's more active participation in the region, as well as the adaptation of its experience by Central Asian countries to form effective international positioning strategies.

Thus, the application of the principles of the French «soft power» model in Central Asia can contribute not only to strengthening the international image of the region, but also to economic diversification, attracting investments and creating a sustainable system of cultural and educational interaction at the international level. However, the successful implementation of these initiatives requires a long-term strategic approach, comprehensive reforms and interstate cooperation.

References

- Anholt, S. (2005). *Nation Branding: A practical guide to building a country's reputation*. Palgrave Macmillan.
- Bourdieu, P. (1984). *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Harvard University Press.
- Foucher, S. (2018). *La diplomatie culturelle française: Stratégies et perspectives*. L'Harmattan.
- Leonard, M. (2002). *Public diplomacy*. Foreign Policy Centre.
- Nye, J. S. (2015). *Soft power: The means to success in world politics*. PublicAffairs.
- Rusakova, O. F. (2015). *Soft power: theory, resources, discourse*. Ekaterinburg: Publishing House «Discourse-Pi».
- Abdullaeva, M. (2022). Sozdanie turisticheskogo brenda Uzbekistana: Vozmozhnosti i vyzovy. CABAR Asia. <https://cabar.asia/wpcontent/uploads/2022/08/Policy-Brief-Turism-ru-upd.pdf>
- Campus France. (2023). *Mobilité étudiante et coopération universitaire*. <https://www.campusfrance.org>
- Karimov, A. (2023). Formirovanie natsional'nogo brenda Uzbekistana v oblasti turizma. Uzbekistan – strategiya 2030 s tochi ki zreniya molodykh uchenykh: ekonomika, politika i pravo. <https://inlibrary.uz/index.php/strategy-2030-youngscientists/article/view/28708>
- Dikanbayeva, A.M., Sarybayev, M.S. (2024). Soft power tools in Central Asia: towards a closer relationship with France. *French Politics* 22, 64–81. <https://doi.org/10.1057/s41253-023-00235-y>
- Koshenov, A. (2012). Eti desyat brendov sozdali imidzh Kazakhstanu. *Tengrinews.kz*. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/eti-desyat-brendov-sozdali-imidj-kazahstanu-216095
- Ministère de la Culture. (2022). *Économie de la culture en France: Rapport annuel 2022*. <https://www.culture.gouv.fr>
- Official Website of the President of Uzbekistan. (2024). President held a dialogue with youth. <https://president.uz/ru/lists/view/7357>
- Ranking.kz. (2022). Uroven' prestupnosti v stranakh Tsentral'noy Azii: Analiticheskiy obzor. <https://ranking.kz>
- Sheraliev, M. Z., & Dzhurabaeva, M. G. (2022). Put' razvitiya Respubliki Uzbekistan na primere «Tsifrovogo Uzbekistana 2030». *Zien Journal of Social Sciences and Humanities*, 7, 7-9.
- Tengrinews.kz. (2023). Chto zhdet Kazakhstan, kogda spros na neft' rukhnet iz-za global'nogo potepleniya. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/jdet-kazakhstan-spros-neft-ruhnet-iz-za-globalnogo-446843
- UNESCO. (2022). Kul'turnye i tvorcheskije industrii v Tadzhikistane: Fakty i tsifry. <https://www.unesco.org>
- Inform.kz. (2023). Chto takoe kreativnaya industriya i kak yeyo razvivat' v Kazakhstane? <https://www.inform.kz/ru/chto-takoe-kreativnaya-industriya-i-kak-ee-razvivat-v-kazahstane-5d9d0a>

Information about the authors:

Dikanbayeva Assiya Maratovna – PhD student at the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: a.dykanbaeva@mail.ru).

Sarybayev Meiram Seisenbayevich (corresponding author) – PhD, Associate Professor at Narxoz University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: meiram.sarybaev@narxoz.kz).

Utkelbay Rysbek Yerlanuly – Master of Social Sciences, Narxoz University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: u.rysbek@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Диканбаева Асия Маратовна – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының докторанты (Алматы, Қазақстан, e-mail: a.dykanbaeva@mail.ru)

Сарыбаев Мейрам Сейсенбаевич (корреспондент-автор) – PhD, Нархоз университетінің қауымдастырылған профессоры (Алматы, Қазақстан, e-mail: teiram.sarybaev@narхоз.kz)

Уткелбай Рысбек Ерланұлы – әлеуметтік ғылымдар магистрі, Нархоз университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: u.rysbek@gmail.com).

Информация об авторах:

Диканбаева Асия Маратовна – докторант кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: a.dykanbaeva@mail.ru).

Сарыбаев Мейрам Сейсенбаевич (корреспондент-автор) – PhD, ассоциированный профессор, Университет Нархоз (Алматы, Казахстан, e-mail: teiram.sarybaev@narхоз.kz).

Уткелбай Рысбек Ерланұлы – магистр социальных наук, Университет Нархоз (Алматы, Казахстан, e-mail: u.rysbek@gmail.com).

Previously sent February 27, 2025.

Re-registered March 11, 2025.

Accepted May 30, 2025.

T.D. Sokolova* , **E.V. Karaseva**

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

*e-mail: tdsokolova@hse.ru

**ART AS A TOOL OF CULTURAL DIPLOMACY
AND THE PART OF CREATIVE INDUSTRY:
CASE STUDY OF SOUTH KOREA**

In the context of rapidly changing global political and economic dynamics, the study of the interplay between culture, communication, and global transformations is becoming increasingly relevant. In recent years, particular attention has been paid to issues related to cultural diplomacy and soft power as tools of state influence on the international stage. This article explores approaches to analyzing cultural diplomacy through the lens of contemporary theoretical and methodological frameworks, including concepts of cultural identity, intercultural dialogue, and globalization challenges.

The purpose of this study is to identify the specific features of cultural diplomacy in the context of transforming international relations and to assess its influence on shaping the image of a state in global public opinion. The article analyzes the mechanisms of cultural communication, the role of cultural institutions, and the interaction between official structures and civil society in promoting national cultural agendas.

The methodological foundation of this research is based on interdisciplinary approaches, including comparative analysis, discourse analysis, and case study methods. The study draws on both domestic and international sources, examining the experiences of various countries in the field of cultural diplomacy, including the activities of institutions such as the British Council, Goethe-Institut, and Institut Français, among others.

The practical significance of the study lies in the fact that the conclusions and recommendations developed by the authors can be used in the formulation of national cultural policy strategies, as well as in educational and analytical contexts. Furthermore, the research contributes to a deeper understanding of culture as a resource for sustainable development and intercultural dialogue.

Thus, the presented article contributes to the academic discourse on cultural diplomacy, highlighting its potential as an effective tool of international communication in the era of global transformations.

Key words: South Korea, museum studies, cultural diplomacy, creative industries, soft power.

Т.Д. Соколова*, Е.В. Карасева

«Экономика жоғары мектебі» Ұлттық зерттеу университеті,

Мәскеу, Ресей Федерациясы

*e-mail: tdsokolova@hse.ru

**Өнер мәдени дипломатияның құралы және креативті индустрияның
бір бөлігі ретінде: Оңтүстік Корея мысалында**

Қазіргі уақытта жаһандық саяси-экономикалық жағдайдың жылдам өзгеруі мәдениет, коммуникация және жаһандық трансформациялар арасындағы өзара байланысты зерттеудің өзектілігін арттырып отыр. Соңғы жылдары мәдени дипломатия мен жұмсақ күш мәселелері, яғни мемлекеттердің халықаралық аренадағы ықпал ету құралдары ретінде қарастырылуы ерекше назарға алынуда. Осы мақалада мәдени дипломатияны заманауи теориялық-әдістемелік негіздер арқылы талдаудың тәсілдері қарастырылады. Атап айтқанда, мәдени сәйкестік, мәдениеттер диалогы және жаһандану сын-қатерлері сияқты ұғымдарға мән беріледі.

Зерттеудің мақсаты – халықаралық қатынастардың трансформациялану жағдайында мәдени дипломатияның ерекшеліктерін анықтау және оның мемлекет бейнесін халықаралық қоғамдастықтың санасында қалыптастыруға әсерін бағалау. Мақалада мәдени коммуникация механизмдері, мәдени мекемелердің рөлі, сондай-ақ ұлттық мәдени күн тәртібін ілгерілетуде ресми құрылымдар мен азаматтық қоғам арасындағы өзара әрекет талданады.

Зерттеудің әдіснамалық негізі – салыстырмалы талдау, дискурстық талдау және кейс-стади сияқты пәнаралық тәсілдер. Жұмыста мәдени дипломатия саласындағы әртүрлі елдердің тәжірибесі, соның ішінде Британ кеңесі, Гёте институты, Француз институты сияқты ұйымдардың қызметі қарастырылған. Отандық және шетелдік дереккөздер пайдаланылған.

Зерттеудің практикалық маңызы – авторлар ұсынған қорытындылар мен ұсыныстар ұлттық мәдени саясат стратегияларын әзірлеуде, сондай-ақ білім беру және талдау салаларында пайдалануға болады. Сонымен қатар, бұл зерттеу мәдениетті орнықты даму мен халықтар арасындағы диалогтың маңызды ресурсы ретінде тереңірек түсінуге үлес қосады.

Осылайша, мақала мәдени дипломатия туралы ғылыми дискурстың дамуына үлес қосып, оны жаһандық өзгерістер дәуіріндегі тиімді халықаралық коммуникация құралы ретінде ашады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Корея, мұражайтану, мәдени дипломатия, жасампаз индустриялар, жұмсақ күш.

Т.Д. Соколова*, Е.В. Карасева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

*e-mail: tdsokolova@hse.ru

Искусство как инструмент культурной дипломатии и часть креативной индустрии: на примере Южной Кореи

В условиях стремительно меняющейся мировой политико-экономической обстановки актуальность исследования взаимосвязей между культурой, коммуникацией и глобальными трансформациями возрастает. Особое внимание в последние годы уделяется вопросам, связанным с культурной дипломатией и мягкой силой как инструментами влияния государств в международной арене. В данной статье рассматриваются подходы к анализу культурной дипломатии сквозь призму современных теоретико-методологических рамок, включая концепты культурной идентичности, диалога культур и глобализационных вызовов.

Целью исследования является выявление особенностей функционирования культурной дипломатии в условиях трансформации международных отношений, а также определение степени её влияния на формирование образа государства в мировом общественном мнении. В рамках работы анализируются механизмы культурной коммуникации, роль культурных институтов, а также взаимодействие между официальными структурами и гражданским обществом в продвижении национальной культурной повестки.

Методологической основой исследования служат междисциплинарные подходы, включающие методы сравнительного анализа, дискурсивного анализа и кейс-стади. Используются как отечественные, так и зарубежные источники, охватывающие опыт различных стран в сфере культурной дипломатии, в том числе деятельность таких организаций, как Британский Совет, Институт Гёте, Французский институт и др.

Практическая значимость работы заключается в том, что выводы и предложения, сформулированные авторами, могут быть использованы при разработке стратегий государственной культурной политики, а также в образовательных и аналитических целях. Кроме того, исследование может способствовать более глубокому пониманию роли культуры как ресурса устойчивого развития и диалога между народами.

Таким образом, представленная статья делает вклад в развитие научного дискурса о культурной дипломатии, раскрывая её потенциал как эффективного инструмента международной коммуникации в эпоху глобальных изменений.

Ключевые слова: Южная Корея, музееведение, культурная дипломатия, креативные индустрии, мягкая сила.

Introduction

Seoul, the capital of the Republic of Korea, has emerged as a vibrant hub for artists, driven by the government's active development of the cultural sector. Currently, the primary trends in the art world are centered in this city, capturing global attention. According to the 2022 report from the Paradise Cultural Foundation, the trade volume generated by Korea's art sector exceeded one trillion Korean won (approximately \$782 million) and has shown consistent revenue growth each year (SNU Business School, Korea Arts Management Service, and

Paradise Cultural Foundation, 2022). Recent media reports indicate a significant increase in demand for the Korean arts industry, with the number of visitors to art festivals and fairs rising by 76% in 2022 compared to the previous year (Hwang, 2022). Additionally, revenue from fairs, exhibitions, and biennales during the first half of 2022 accounted for 58% of the total revenue for the entire year of 2021 (Hwang, 2022). The substantial development of the Korean art sector offers rich opportunities for academic research.

The present research endeavors to pursue the following interrelated objectives:

- To conduct a comprehensive analysis of the evolution of the Korean art scene over the period from 2013 to 2023, identifying key shifts in institutional practices, aesthetic trends, and international engagement.

- To examine the multifaceted impact of Korea's cultural diplomacy strategies and the broader creative industry on the development and international positioning of the national art sector.

- To address the existing gap in academic and policy-oriented knowledge concerning the role of government support for the arts, particularly in the context of its deployment as a strategic tool for cultural diplomacy and the construction of national identity and image abroad.

- To investigate the dynamic transformation in the dissemination of Korean art through major institutional platforms such as museums, international art fairs, and auction houses, highlighting new modalities of cultural circulation and audience engagement.

- The central research questions guiding this inquiry include the following:

- In what ways has the role of Korean visual arts within the framework of cultural diplomacy and the creative industries evolved over the last decade?

What are the concrete and conceptual effects of sustained government support on the structure, output, and world reception of the Korean art sector since 2013?

How does contemporary Korean art participate in building and marketing the national brand, and to what extent does it help disperse Korean cultural values and aesthetics on the international level?

Preliminary findings highlight the rising strategic appeal of the South Korean government in the field of the visual arts as a political instrument and an economic opportunity. Since 2013, the internationalization of the Korean art scene and its institutionalization have vastly entered the policy agenda of the nation. This research wishes to contribute to both theoretical and practical by providing insights concerning cultural policy, soft power, and artistic production. Furthermore, it may serve as a comparative reference for scholars and policymakers seeking to adapt aspects of the Korean experience to the development of cultural diplomacy and creative industry strategies in other national contexts.

Methodology

This paper primarily focuses on visual arts, including paintings, ceramics, and sculpture, as well as the channels through which they are disseminat-

ed, such as museums, art fairs, and auction houses. "Art" is defined as "the product and practice of painting, sculpture, and printmaking" (Markowitz 1994, 55), and also as something that "demonstrates excellence of skill and achievement in realizing significant aesthetic goals" (Davies 2015, 375-384).

The research design adopted in this study follows a two-phase mixed-methods approach, integrating both theoretical inquiry and empirical investigation to ensure analytical depth and methodological rigor.

Beginning from the theoretical research, the case is thoroughly looked into with South Korea's being taken as a prototype for the whole process: intersection of cultural policy, making art, and international engagement. This epoch contains:

- Collecting and systematizing information from international media outlets, including well-known newspapers and niche online art forums. These sources provide critical reviews and reports on Korean art exhibitions, installations, and events held abroad, thus giving clues about the reception of Korean visual culture among the world.

- A deep inquiry into the annual industrial surveys issued by the Korean Art Management Service from 2013 to 2021, as these reports set a base with intense detail metrics concerning structural development, economic performance, and policy-channelled transformations within the Korean art world for almost one decade.

The second phase of the research is grounded in qualitative empirical inquiry and involves conducting semi-structured interviews with professionals who possess expert knowledge in Korean art, creative industries, cultural diplomacy, and nation branding. Three interviews were conducted with the following individuals:

- Expert One: A distinguished scholar in Korean studies, holding a PhD in Art History. This expert is the author of several monographs and academic publications on Korean art history and is also actively engaged in public intellectual discourse through lectures and cultural outreach.

- Expert Two: A researcher and practitioner with the academic title of Candidate of Art History and membership in the Moscow Union of Artists. Their work spans the fields of visual communication, design theory, and territorial branding, with publications addressing contemporary media, visual semiotics, and the cultural dimensions of mass communication.

- Expert Three: An associate professor affiliated with the Faculty of World Economy and International Affairs, whose scholarly contributions focus on public and cultural diplomacy, educational di-

plomacy, intangible cultural heritage, and strategies of national image-making and branding in international relations.

This dual-method design allows for a comprehensive and multifaceted examination of the research topic by triangulating theoretical frameworks with lived expertise and institutional perspectives.

Approaches to theorizing

For the theoretical framework, this paper employs the concepts of Soft Power, Cultural Diplomacy, Nation Branding, and Communication Theory. Korea effectively utilizes cultural diplomacy and soft power to shape its national brand. According to Simon Anholt, a strong product-encompassing business, culture, education, and more—originating from a well-regarded country serves as a key investment that shapes its national brand (Anholt, 2011). The arts are a vital indicator for assessing nation branding, as they are reflected in the “Culture and Heritage” dimension of the hexagon presented by Anholt. This cultural dimension includes parameters such as cultural exchanges, demand for cultural products, art sales, and the overall dissemination and appeal of cultural tools (Nömm, 2006). Therefore, the effectiveness of visual arts as a component of Korea’s national brand will be evaluated using these indicators.

Communication Theory serves as the foundation for examining cultural messages within museum studies. Museums play a crucial role in translating information about a society’s history and traditions while engaging a broader audience. They function as communicators and can be viewed as tools for employment and political engagement (Hooper-Greenhill, 2000, 9-31). Hooper-Greenhill suggests that communication should be understood as a culture, defined by Raymond Williams as a part of “social life that constructs meanings” (Hooper-Greenhill, 2000, 21). The author argues that museums, as communicators, shape public perceptions and are essential for audience engagement in the contemporary world.

Horta further developed the idea of studying museum communication through a semiotic lens. He demonstrated that museums equip visitors with the necessary tools to engage in the learning process and appreciate culture. Thus, museums and other cultural institutions are not merely educational spaces; they also serve as venues for social interaction facilitated by communication, which occurs through accompanying texts, curator presentations,

the overall atmosphere, and visitors’ openness to information (Horta, 2015).

Horta also stressed that in order to fully understand the communication and semiotics of museums, it is necessary to consider them in the context of social, political and economic processes. Communication theory is closely intertwined with issues of cultural diplomacy and national branding, therefore it underlies the formation of cultural narratives in the international arena. In this context, art, as an element of the creative industry, plays a key role in shaping a unique national image and translating meanings, which is crucial for the successful promotion of the country’s image in the international arena.

The interplay of cultural diplomacy and branding is, in this view, bound closely to communication theory, as the intertwining of all three yields a more effective analysis of national images and strategies.

With cultural diplomacy and national branding standing at the conceptual core of this study, these are interconnects of the mass communication field. They certainly depend on the media for strategic dissemination of cultural narratives and symbolic images, which shape perception and create national images. Thus, the practice of cultural communication theory in the study of visual art under cultural diplomacy and creative economy is a beneficial analytical tool for allowing a more ingrained analysis of the functions of artistic expression as a form of communication in the international arena. Integrating the theoretical viewpoint not only enriches the spectrum of interpretation offered by the study but also provides fresh opportunities for further inquiry into the cultural products, such as visual arts, in producing soft power, negotiating cultural identities, and mobilizing national values across space and culture. This in turn enables the research to share in some of the symbolic-linguistic grounding of Korean art today at the global level instead of solely institutional, economic, or market-based analyses.

Korean Art’s Evolution and Spread Throughout the Creative Industries

This study uses data from the Korean Art Management Service’s (KAMS) annual surveys, which are made publicly available on the Ministry of Culture, Sports, and Tourism’s (MCST) official website, to examine the structural and economic changes that have occurred in the Korean art market over the last ten years. These surveys offer a trustworthy and consistent summary of the major variables influencing the national art scene.

Art galleries, auction houses, and art fairs are the three main institutional categories that are the focus of this analysis in the Korean art industry. The following qualitative and quantitative indicators were looked at for each category: Indicators of audience engagement and public interest include the number of operating institutions, which reflects structural expansion or contraction; the number of employees, which serves as a proxy for the sector's professionalization and labor capacity; the number of visitors (excluding auction houses, where such data is typically unavailable); the total value of artworks sold, which measures market vitality and investment activity; and the total number of artworks sold, which provides insight into the volume and circulation of artistic production.

A more accurate understanding of how the Korean art sector has changed in tandem with more general developments in the creative industries is made possible by the study's systematic review of these variables over a ten-year period, which reveals patterns of growth, stagnation, or decline. Furthermore, a more nuanced evaluation of the art's varying popularity in Korea and its economic importance in both domestic and international contexts is made possible by this longitudinal analysis.

Art Galleries. Examination of the field of Art Galleries from 2013-2021 shows substantial growth from 432 to 598 galleries (Korea Arts Management Service, 2014-2022). Galleries gained 73.64% in workforce from 1,151 to 1,563 employees (Korea Arts Management Service, 2014-2022). In the first instance, from a yearly visitor count of 2,002,191 visitors in 2013 the next year saw the visitor count drop to 1,237,853 visitors (Korea Arts Management Service, 2016). However, by 2021, visitor numbers rebounded to 1,562,637, the highest since 2016. The volume of artworks sold surged by 42.83%, increasing from 9,869 to 23,042 works sold (Korea Arts Management Service, 2014-2022). Sales revenue also rose significantly, from \$143,941.69 to \$232,539.87 (Korea Arts Management Service, 2014-2022). In 2013, foreign buyers accounted for 14.7% of sales (Korea Arts Management Service, 2020), while in 2021, they represented 8.8%, with foreign commercial organizations contributing an additional 1.7% (Korea Arts Management Service, 2023).

Auction Houses. Statistics regarding Korean auction houses reveal that the number of auction houses remained stable at 11 from 2013 to 2021, although it fluctuated in previous years (Korea Arts Management Service, 2023). Over the decade, the number of employees in auction houses increased by 39.62% (Korea Arts Management Service, 2014-2022). The number of artworks sold reached 26,000 in 2021, marking a 62.83% increase from 2013. Despite a temporary decline in revenue from 2019 to 2020, total sales value rose from \$43,822 in 2013 (Korea Arts Management Service, 2020) to \$250,477 in 2021 (Korea Arts Management Service, 2023), representing an 82.5% increase over the nine-year period. In 2013, foreign clients constituted 36.4% of auction house clientele, ranking fifth (Korea Arts Management Service, 2020), while in 2021, individual foreign buyers moved up to third place with 12.0% (Korea Arts Management Service, 2023).

Art Fairs. The statistics on art fairs in Korea indicate a rise in the number of domestic art fairs from 35 to 65, despite a decline in 2020 due to the COVID-19 pandemic (Korea Arts Management Service, 2023). The number of employees in this sector increased by 31.12%, from 234 to 752, creating more job opportunities. Annual visitor numbers ranged from 700,000 to 950,000, with 2021 recording 774,000 visitors, surpassing pre-COVID figures. The peak attendance was in 2016, with 942,000 visitors (Korea Arts Management Service, 2017). In 2021, 54,000 artworks were sold, reflecting a 28.45% increase compared to 15,373 works sold in 2013 (Korea Arts Management Service, 2023). Sales revenue rose from \$49,102 in 2013 (Korea Arts Management Service, 2020) to \$139,843 in 2021, the highest in nine years and a 64.89% increase over 2013 (Korea Arts Management Service, 2023). Although visitor numbers in 2013 were higher than in 2021, the total profit from sold artworks was greater in 2021.

In the last ten years, the Korean art market has noticeably revived: more galleries have opened, there have been more auctions and art fairs. All this indicates a growing interest in art and the fact that this sector has serious economic potential, including its shadow part. This dynamic shows that the art market in Korea is becoming an increasingly important part of not only the cultural, but also the economic life of the country.

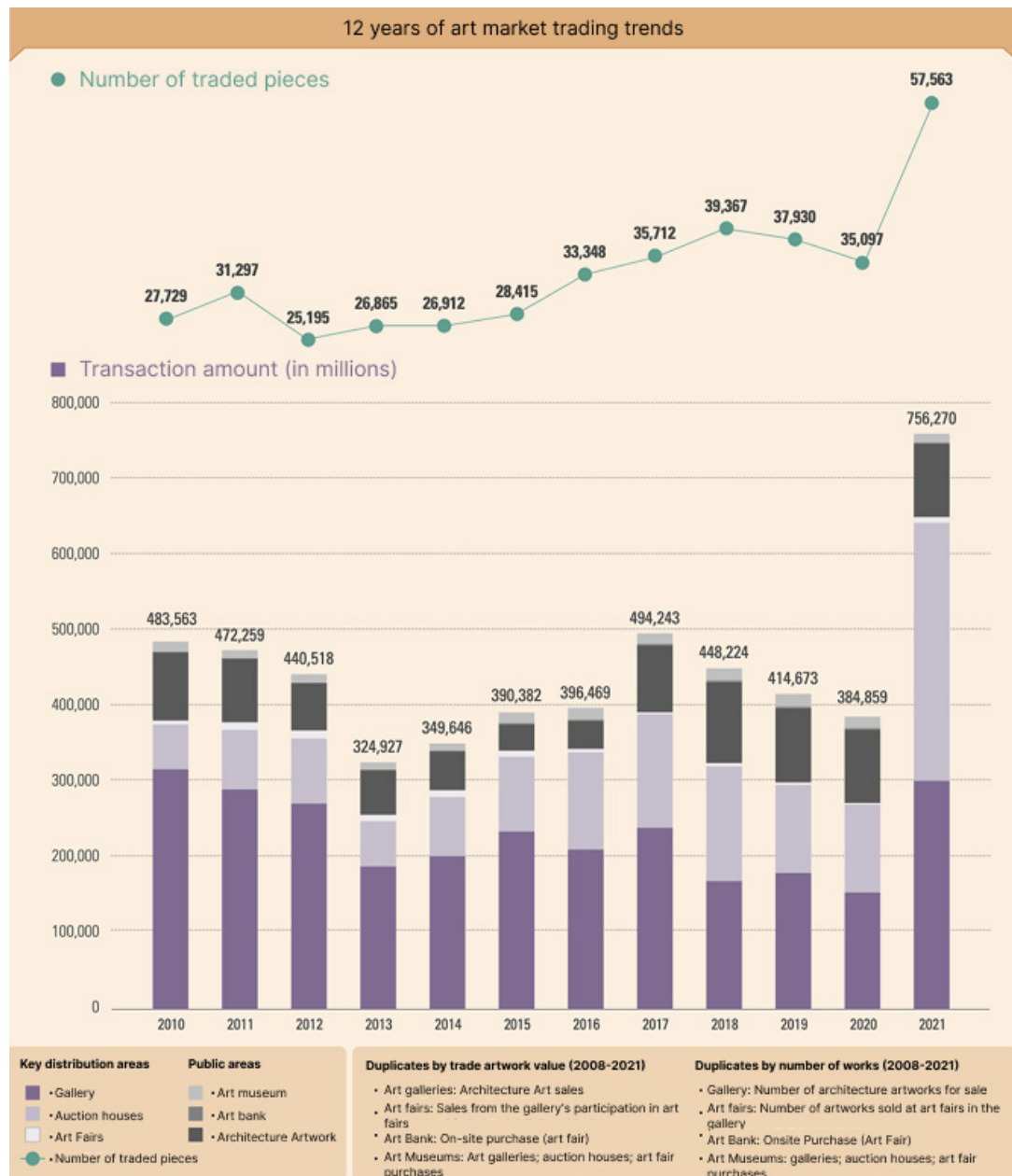

Figure 1 – Trends in the volume of transactions on the art market over 12 years
Source: Korea Art Management Survey; 2023, Korea Arts Management Service, 2023

Korean Art Management Service (KAMS) – through the 2022 annual survey, an annual survey of the year 2021, finds two indicators which summarize the many strides made in the art market of Korea from 2013-2021, and that cement the growth that was both qualitative and quantitative and reflected structural changes in the art market and its development, informed by overall evolution of the art market in a constantly shifting cultural, economic, and policy environment. The first graph illustrates a remarkable increase in the total number

of transactions, which more than doubled, rising by 53.33% (Korea Arts Management Service, 2023, 2). The second graph presents the overall transaction sum, revealing that in 2013, art galleries dominated the trade, generating 188,123 million won (approximately \$136,482), followed by auction houses at 59,216 million won (\$42,956), and art fairs at 8,407 million won (\$6,097). The total transaction sum for 2013 amounted to 255,746 million won (approximately \$185,358) (Korea Arts Management Service, 2023, 2).

By the end of 2021, trade channel indicators revealed a marked increase in the total value of art transactions within South Korea, signaling a period of accelerated growth in the national art market. According to data from the KAMS 2022 survey, art galleries reported total sales of 300.772 billion KRW (approximately \$218.1 million USD), while auction houses experienced a dramatic 82.5% year-on-year increase, reaching 338.463 billion KRW (approximately \$245.4 million USD). Collectively, these figures contributed to a total transaction volume of 646.545 billion KRW (approximately \$469 million USD) for the year 2021 (Korea Arts Management Service, 2023, 2). Overall, the art industry in Korea reached its highest point in a 12-year history since 2013, indicating robust job creation, active cultural dissemination, and increased investment in the arts sector, positioning it as a vital component of the creative industries.

Contribution to Cultural Diplomacy and Nation Branding. The arts play a crucial role in cultural diplomacy by facilitating a communication process through which recipients gain insights about a country via its artworks. The Korean government is exhibiting domestic artworks in foreign museums to boost the international recognition and promotion of Korea. One area the state and large corporations (i.e. chaebols) focused on promoting Korea, was the distribution of Korean art. The availability of Korean art in international auctions and exhibits is a key benchmark for the increasing international popularity of Korean artists and their work. For example, In 2019, Korean works were exhibited only in Hong Kong. In 2020, Korean works were exhibited in Tokyo, New York, and London, (among others). In 2020, there were also 69 solo exhibits and 93 group exhibits featuring Korean artists (A Team, 2022).

Korean chaebols have almost always provided significant support in getting Korean artists' work around the globe. Notable examples that illustrate the growing institutional and corporate investment in the promotion and dissemination of Korean art include several high-profile initiatives and partnerships.

The Samsung Leeum Museum of Art, located in Seoul, stands as a prominent cultural institution that houses an extensive collection spanning both traditional Korean artworks and contemporary pieces, thereby serving as a vital bridge between Korea's artistic heritage and its modern creative expression.

In the international arena, Korean corporations have increasingly positioned themselves as patrons of cultural diplomacy. For instance, in 2017, Amore-Pacific, a leading South Korean beauty and cosmet-

ics conglomerate, made a significant donation of \$667,000 to the British Museum to support the acquisition of Korean artworks. Similarly, major domestic retailers such as Shinsegae and the CJ Group have emerged as important actors in the global art ecosystem, actively investing in the international promotion of Korean cultural assets (Chow, 2022).

One of the most striking examples of effective cultural cooperation was the long-term partnership between Hyundai Motor Company and the Los Angeles County Museum of Art (LACMA), which began in 2013. Thanks to this alliance, significant projects have been implemented, such as the scholarship program "Art + Technology and Korean Art" and the large-scale exhibition "Beyond: the Art of Korean Writing" in 2019 (Chow, 2022). As LACMA CEO Michael Govan noted, South Korea today is perceived not just as a cultural brand, but as a source of deep knowledge and artistic dialogue. This was greatly facilitated by the high quality and growing international recognition of Korean art. Such initiatives demonstrate that Korean art has become an important tool for cultural diplomacy and global engagement. Through them, Korea not only forms its national image, but also shares its cultural heritage, creating an educational and awareness-raising platform on the world stage.

This approach helps cultivate a positive image of Korea, even among those with limited knowledge of the country. Research indicates that exposure to a nation's cultural products fosters a favorable perception of that nation (Shapkin and Varpahovskis, 2024, 73).

Another avenue for enhancing cultural diplomacy is through collaborations with renowned European and American brands at Korean art exhibitions. For example, Chanel participated in one of the largest Asian art fairs in Korea, FRIEZE, while Bottega Veneta collaborated with Korean artist Kang Seokyeong for an exhibition at the Leeum Museum of Art (Kim, 2023).

Fellowship Programs also play a vital role in supporting cultural diplomacy. The National Museum of Korea (NMK) has played a pivotal role in advancing the global visibility of Korean culture by initiating programs that support both Korean studies and museum-related academic and curatorial practices abroad.

In 2022, the National Museum of Korea (NMK), following its strategy of cultural diplomacy and strengthening international relations, launched the "Overseas Korean Gallery Support Program", an initiative aimed at promoting Korean art on the world stage ("2022 National Museum of Korea (NMK)

Supports Overseas Korean Galleries”, 2022). The main goal of the program is to expand the presence of Korean culture in museums and galleries around the world by strengthening institutional partnerships, providing curatorial and financial assistance for the creation or development of Korean exhibitions, as well as stimulating scientific exchange in the field of Korean art and museology. Through this initiative, NMK highlights its broader mission to promote a deep and multi-layered understanding of Korea’s cultural and historical heritage in a global context.

The Korean Ministry of Culture, Sports and Tourism (MCST) and the Korea Foundation have significantly contributed to maintaining a consistent presence of Korean arts at the Metropolitan Museum of Art. Observers note that this presence serves not only cultural purposes but also political ones, as Korean sections in Asian art displays are often overshadowed by Chinese and Japanese representations. Thus, there is a pressing need to enhance the visibility of Korean culture to international audiences (Dobrzynski, 2016). Consequently, Korea is clearly intent on establishing its presence on the global art scene through direct engagement with major international galleries.

Government support for the creative industry in South Korea

During the reign of President Park Geun-hye (2013-2017), the cultural and creative industries took a central place in the national development strategy, which marked an important turning point in recognizing them as key drivers of economic growth. This approach meant a departure from traditional models and a transition to a new economic paradigm based on the use of cultural capital, technological innovations and the creative potential of the country.

A key step in the implementation of this course was the adoption in 2013 of the “Action Plan for the Creative Economy and measures to create an ecosystem of the creative economy.” This strategic document provided for the comprehensive integration of Korean cultural values with advanced technologies and modern communication platforms. Its main goal was to stimulate entrepreneurship, create new jobs and increase the country’s global competitiveness.

Thus, the state policy in the field of culture and creative industries during this period acquired a systematic and proactive character, contributing to strengthening the role of art and innovation as

integral elements of the national economy and the global image of South Korea.

By embedding the arts within the broader logic of economic planning, the Park administration redefined the role of culture – from a soft power tool alone to a strategic sector with tangible economic outcomes, aligning cultural production with stated goals for innovation and sustainable development. This initiative sought to enhance the country’s global capabilities by fostering technological advancements alongside cultural development and supporting small and medium-sized enterprises. As a result of these efforts, Korea ranked first in the Bloomberg Innovation Index in both 2015 and 2017 (Coy, n.d.).

In 2013, the Framework Act on Culture was enacted, which included provisions for cultural promotion, support for creators, and the assurance of citizens’ cultural rights. Notably, Article 8 of this act (Korea Law Translation Center, 2013) mandates that the government publish a “fundamental plan” for promoting Korean culture every five years.

The subsequent Moon Jae-in administration (2017-2022) recognized the cultural sector’s potential as a tool for attracting tourism and emphasized the need for regulations governing the art trade (Kim, 2021, 105). In 2018, the administration of President Moon Jae-in launched the policy initiative “Culture Vision 2030 – Culture with People,” which emphasized cultural diversity, artistic autonomy, and creativity as foundational principles for Korea’s cultural development.

Concurrently, the Seoul Metropolitan Government introduced the “Artist Life Stabilization Fund Support,” providing annual financial assistance to artists adversely affected by the cancellation of cultural events. Further reinforcing support during the COVID-19 pandemic, the government implemented the “Emergency Support for Artists Affected by COVID-19” program, which offered vital aid to artists facing economic hardships (World Cities Culture Forum, n.d.).

This program also funded numerous online artistic initiatives, creating a more sustainable environment for the art industry and benefiting over 10,000 artists in Seoul.

The onset of the pandemic in 2020 prompted many Korean museums to shift toward digital platforms to maintain public engagement. This transition was characterized by the introduction of English subtitles in video lectures and virtual exhibition tours, significantly enhancing accessibility for a global audience (Park, 2020). To further support artists and institutions during this period, the gov-

ernment launched educational programs focused on facilitating the digital publication of artworks, alongside initiatives aimed at boosting ticket sales through discounts and financing for public art projects designed to offset financial losses experienced by artists (Chang, 2020).

Looking ahead, the business plan for 2023-2024 demonstrates the comprehensive efforts of the South Korean government to promote K-culture on the world stage, with special attention being paid to art as the “driving force of new K-culture” (Ministry of Culture, Sports and Tourism, New York).

Among the key measures are reducing ticket prices for cultural events, developing new strategies for the global dissemination of Korean culture, intensifying international cultural exchanges, and using cultural projects to solve social problems. An important place in the plan is the support of youth initiatives and the integration of artificial intelligence technologies into the cultural sphere.

Special attention is paid to the support of small and medium-sized enterprises operating in the field of culture and art. They are provided with measures to reduce credit rates and simplify procedures related to copyright registration, which is aimed at stimulating entrepreneurial activity and strengthening the creative sector.

Thus, the plan reflects South Korea’s desire not only to maintain its leadership in the field of cultural exports, but also to make culture an instrument for sustainable development and social progress.

The Ministry of Foreign Affairs of Korea actively contributes to cultural diplomacy by organizing exhibitions within Korean diplomatic missions worldwide, showcasing Korean artworks in embassies and Korean Cultural Centers to reinforce the visibility of Korean art as a national brand (Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea, n.d.).

Fiscal commitment to cultural development is demonstrated by the consistent increase in the annual budget for cultural events and creative content. For 2024, the Ministry of Culture, Sports and Tourism (MCST) planned a budget increase of 3.17% compared to the previous year, including a dedicated allocation of 4.7 billion won (approximately \$3.42 million USD) to promote Korean art abroad (A Team, 2023).

In 2023, as a result of negotiations between the Korean Art Management Service and the Ministry of Culture, Sports and Tourism (MCST), a law on the promotion of Art was adopted. This regulatory act was an important step towards the institutionalization of the art industry, providing legal protection for the intellectual property of artists and consolidat-

ing art as an integral part of the country’s cultural policy (A Team, 2023).

It is also worth emphasizing that the Government’s growing attention to the development of culture, accompanied by active legislative initiatives and support for creative professionals, has produced tangible results. Over the past decade, the number of museums, art fairs and cultural events in the country has increased significantly, and the employment rate in this sector has increased significantly.

Such measures not only strengthen the cultural rights of citizens, but also contribute to the wider dissemination of art in various regions of the country. The increased accessibility of cultural initiatives has led to an increase in the number of visitors and an expansion of the international audience. As a result, art increasingly confidently occupies the position of one of the priorities of state policy and is perceived as a valuable resource for social and economic development.

Interview results

Three expert interviews confirmed the key points of the theoretical analysis, highlighting the gradual evolution of Korean cultural diplomacy and the strengthening of its role as a “Cultural Center” (in the words of the third expert). However, despite the expanding cultural influence, experts noted that its direct impact on political dynamics remains difficult to pinpoint.

The emergence of a new cultural niche

The first and second experts emphasized that over the past decade, Korea has been actively looking for alternative ways of cultural influence, realizing the inevitable decline in popularity of K-pop. According to the first expert, “Korea already understood that someday K-pop would come to an end.” This strategic foresight has allowed Seoul to refocus and strengthen its position as a sustainable creative hub with a growing global demand for cultural products.

The sharp growth of the art market in 2021

Particular attention was paid to the surge of activity in the fine arts market in 2021. The COVID-19 pandemic weakened Beijing’s position as a regional art center, and Korea quickly occupied the vacant niche. The first expert noted that the country actively took advantage of the moment by resuming major international exhibitions immediately after the restrictions were lifted, thereby securing the status of a new center for contemporary art in the region.

Popularity factors

The first expert identified two key factors that

contributed to the growing interest in Korean art. Firstly, celebrities and influential figures such as BTS group leader Kim Namjoon played an important role, whose open support of Korean artists and participation in exhibitions inspired a young audience. Secondly, collectors have increased their attention to the works of young Korean artists, in which they see long-term investment potential.

Branding and image

The second and third experts pointed out that South Korea uses an integrated approach to national branding, combining tangible and intangible assets. High-quality products – from technology to cosmetics – are combined with the recognition of the country's expertise in these areas. This allows foreign visitors to get to know the positive image of Korea through its art in practice, enhancing their perception both at the image level and at the level of real experience.

Adapting the Korean experience

Discussing the possibilities of applying the Korean model in other countries, the second expert suggested that adapting strategies for organizing creative industries could help other countries bridge the gap between tangible and intangible cultural products. The integration of culture into everyday life and its connection with national branding is seen as a useful and reproducible example.

The third expert noted that the success of the Korean model is largely due to systemic government support. He stressed the importance of regularly updating the cultural strategy, including through structured five-year plans developed by the Ministry of Culture, Sports and Tourism (MCST).

The Future of Visual Art

Although experts agreed that it is too early to consider visual art as the main element of a national brand, they noted positive trends and the potential for its development. The established institutional framework and growing international interest allow us to expect that fine arts will become an important component of Korea's cultural identity in the future.

In conclusion, it is worth noting that the interviews confirmed South Korea's significant progress in the development and international integration of visual art. Despite the fact that the influence of this sector at the global level is still being formed, the trends of recent years indicate its steady growth and growing recognition. This creates the prerequisites for further strengthening the position of Korean art in the global cultural space.

Conclusion

From 2013 to 2023, the Korean visual arts sector underwent a remarkable transformation, becoming an important element of the country's cultural diplomacy and creative economy. Thanks to targeted government support, art has gradually taken its place at the center of the cultural agenda. However, despite the dynamic development, the influence of the sector in the international arena remains limited, especially in the context of national branding and the contribution of creative industries to the economy.

The last decade has been marked by a significant revision of cultural policy and an increase in public and international interest in Korean art. The Government has developed and implemented a number of strategies aimed at promoting culture both inside and outside the country. Art has received the status of one of the priority areas within the framework of the concept of "New Culture", which indicates a rethinking of its role in national development.

Statistics confirm these changes: the number of art galleries has increased, the audience has expanded, employment in the sector has increased, which together has led to an increase in sales and income. These indicators allow us to characterize the past period as productive for the popularization of Korean visual art.

An analysis of key policy initiatives shows that the state has played a crucial role in creating conditions for creative development and cultural exchange. The support of artists, the institutional recognition of art, and the promotion of international cooperation have helped strengthen the country's cultural infrastructure.

In terms of forming a national brand, Korean art has become part of a broader cultural promotion strategy. However, in terms of recognition, it is still inferior to other forms of Korean cultural exports, such as K-pop or cinema. The goal for the future is to raise the prestige of Korean fine art and consolidate it in the global cultural imagination as an expression of national identity.

The results of this study are particularly relevant in the context of the current stage of cultural policy development (2023) and open up promising areas for further research. As Korean art continues to gain weight, it is necessary to conduct a regular analysis of its contribution to social, cultural and economic processes, both in a national and international context.

The application of communication theory in the study of cultural diplomacy and national branding tools has proved to be productive. This theoretical

framework allows for a deeper understanding of how the country's image is shaped through visual art – in particular, through exhibitions in foreign museums. Further study of the semiotic aspect of art as a channel of intercultural communication and diplomacy is particularly promising.

Despite the progress made, the Korean visual arts sector still has many stages to go through on

its way to full-fledged international recognition. Its further development will depend on continued government support, a sound strategy for cultural promotion, and deep integration into global cultural and diplomatic processes. Only under these conditions will Korea be able to strengthen its position on the world cultural map, using art as an important tool of national influence and self-expression.

References

- Anholt, Simon. 2011. "Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations." Semantic Scholar. <https://doi.org/10.4337/9780857930842.00027>
- AP News. 2021. "South Korea Economy Shrank in 2020 for 1st Time in 22 Years." March 4, 2021. <https://apnews.com/article/south-korea-consumer-spending-coronavirus-pandemic-financial-markets-financial-crisis-45f14bb7018e4d223503c72613832117>
- Britannica, T. Editors of Encyclopedia. n.d. "Art." Encyclopedia Britannica. Accessed January 2, 2024. <https://www.britannica.com/art/visual-arts>
- Chang, Dong-woo. 2020. "S. Korea to Inject 156.9 Billion Won in Arts Sector Hit by COVID-19." Yonhap News Agency, July 8, 2020. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200708005300315>
- Chow, Vivienne. 2022. "'Promoting Korean Soft Power Is the Most Important': How Korean Corporations Are Bringing Their Country's Art to the World's Museums." Artnet News, November 6, 2022. <https://news.artnet.com/art-world/korean-companies-art-sponsorships-2022-2197021>
- Coy, Peter. n.d. "The Bloomberg Innovation Index." Bloomberg. Accessed April 18, 2024. <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>
- Davies, Stephen. 2015. "Defining Art and Artworlds." *The Journal of Aesthetics and Art Criticism* 73:375-384. https://www.researchgate.net/publication/289629992_Defining_Art_and_Artworlds
- Dobrzynski, Judith H. 2016. "All That Korean Art Is There for a Reason." *The New York Times* (New York), March 17, 2016. <https://www.nytimes.com/2016/03/17/arts/design/all-that-korean-art-is-there-for-a-reason.html>
- Garnham, Nicholas. 2005. "From Cultural to Creative Industries." *International Journal of Cultural Policy* 11 (1): 15-29. <https://doi.org/10.1080/10286630500067606>
- GOV.UK. n.d. "DCMS Sector Economic Estimates Methodology." GOV.UK. Accessed January 4, 2024. <https://www.gov.uk/government/publications/dcms-sectors-economic-estimates-methodology/dcms-sector-economic-estimatesmethodology#:~:text=DCMS%20has%20proposed%20a%20definition,the%20centre%20of%20the%20industry>
- Grincheva, Natalia. 2013. "Cultural Diplomacy 2.0: Challenges and Opportunities in Museum International Practices." *Museum and Society* 11 (1): 39-49. <https://doi.org/10.29311/mas.v11i1.221>
- Hicks, Colin. 2007. "Wealth from Creativity: Insights and Strategies for the Future of International Cultural Relations." *Futures* 39 (10): 1223-33. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2007.05.002>
- Hoogwaerts, Leanne. 2016. "Museums, Exchanges, and Their Contribution to Joseph Nye's Concept of 'Soft Power.'" *Museum and Society* 14 (2): 313-322. <https://doi.org/10.29311/mas.v14i2.645>
- Hooper-Greenhill, Eilean. 2000. "Changing Values in the Art Museum: Rethinking Communication and Learning." *International Journal of Heritage Studies* 6, no. 1 (January): 9-31. <https://doi.org/10.1080/135272500363715>
- Horta, Maria de Lourdes Parreiras. 2015. "Museum Semiotics: A New Approach to Museum Communication." University of Leicester. https://figshare.le.ac.uk/articles/thesis/Museum_semiotics_A_new_approach_to_museum_communication_/10188413
- Hwang, Dong-hee. 2022. "Korea's Art Market Boom Continues in 2022." *The Korea Herald*, July 10, 2022. <https://www.korea-herald.com/view.php?ud=20220710000219>
- Kim, Eun-jung. 2023. "Luxury fashion brands blend into bustling Korean art scene." Yonhap News Agency, September 7, 2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230907002800315>
- Kim, Hak-Hee. 2007. "The Creative Economy and Urban Art Clusters: Locational Characteristics of Art Galleries in Seoul." *Journal of the Korean Geographical Society* 42, no. 2 (January): 258-79. <https://www.koreascience.or.kr/article/JAKO200727500199612.page>
- Kim, Sumi. 2020. "Curating Culture, Exhibiting Nation: The Development of South Korea's Cultural Diplomacy and Korean Exhibitions in 'universal' Museums." University of Leicester. <https://doi.org/10.25392/leicester.data.13317635.v1>
- Kim, Taeyoung. 2021. *The State's Roles in the Development of Cultural Industries: Korean Cultural Industry Policies from 1993 to 2021*. N.p.: SIMON FRASER UNIVERSITY
- Korea Arts Management Service. 2014-2022. *미술시장 실태조사*. [Art Market Report]. N.p.: Korea Arts Management Service.
- Korea Arts Management Service. 2016. "2015 미술시장 실태조사(2014년 기준). [2015 Art Market Report (Based on 2014)]." Ministry of Culture, Sports and Tourism.

- Korea Arts Management Service. 2017. “2014 미술시장 실태조사(2013년 기준). [2014 Art Market Report (Based on 2013)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2017. “2016 미술시장 실태조사(2015년 기준). [2016 Art Market Report (Based on 2015)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2018. “2017 미술시장 실태조사(2016년 기준). [2017 Art Market Report (Based on 2016)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2019. “2018 미술시장 실태조사(2017년 기준). [2018 Art Market Report (Based on 2017)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2019. “2019 미술시장 실태조사(2018년 기준). [2019 Art Market Report (Based on 2018)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2020. “2014 미술시장 실태조사 (2013년 기준). [2014 Art Market Report (Based on 2013)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2023. “2021 미술시장 실태조사(2020년 기준). [2021 Art Market Report (Based on 2020)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism. https://www.mcst.go.kr/kor/s_policy/dept/deptView.jsp?pSeq=1893&pDataCD=0406000000&pType=02.
- Korea Arts Management Service. 2023. Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Arts Management Service. 2023. “2022 미술시장 실태조사(2021년 기준). [2022 Art Market Report (Based on 2021)].” Ministry of Culture, Sports and Tourism.
- Korea Law Translation Center. 2013. “Framework Act On Culture.” Korea Law Translation Center. https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=59628&type=part&key=17
- Lee, Hye-Kyung. 2014. “Politics of the ‘Creative Industries’ Discourse and Its Variants.” *International Journal of Cultural Policy* 22 (3): 438-55. <https://doi.org/10.1080/10286632.2014.991783>
- Lee, Jiyeon. 2014. “The Impact of Globalisation on Korean Contemporary Art since 1989.” *Academia*. https://www.academia.edu/41831644/The_Impact_of_Globalisation_on_Korean_Contemporary_Art_since_1989
- Markowitz, Sally. 1994. “The Distinction between Art and Craft.” *The Journal of Aesthetic Education* 28:55. https://www.academia.edu/17135069/The_Distinction_Between_Art_and_Craft_1994
- Ministry of Culture, Sports and Tourism. n.d. “2024 Policy Implementation Plan of the Ministry of Culture, Sports and Tourism.” Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea. Accessed April 20, 2024. <https://www.mcst.go.kr/english/policy/businessPlan.jsp>.
- Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. n.d. “Exhibitions at Overseas Missions: Cultural Diplomacy Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea.” Exhibitions at Overseas Missions | Cultural Diplomacy Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Accessed April 18, 2024. https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_22824/contents.do
- Nömm, Heidi Marie. 2006. “The Image of Sweden. A Study of the Swedish Embassy’s Nation Branding and Public Diplomacy in Germany.” UPPSALA University. <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:131381/FULLTEXT01.pdf>.
- Park, Boram. 2020. “Museums Go Online in Time of Self-Quarantine over Coronavirus.” Yonhap News Agency, March 12, 2020. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200312008500315>
- Proniaeva, Viktoriia E., and O. Fedchenko. 2021. “Non-verbal Communication.” *The Management of Procedure-Induced Anxiety in Children*, (May). <https://www.semanticscholar.org/paper/Non-verbal-Communication-Проняева-Проняева/401e7a0661ee62261fd21f9c180c493316f4b70a>
- Shapkin, Artyom, and Eriks Varpahovskis. 2024. “Graphic Arts (Manga) as a Component of Japanese Cultural Diplomacy Determining Russian and Kazakhstani Consumers’ Behavioral Intentions and Perceived Country Image of Japan.” *International Relations and International Law Journal* 107 (3): 61-67. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v107.i3-05>
- SNU Business School, Korea Arts Management Service, and Paradise Cultural Foundation. 2022. “Korea Art Market 2022.” 파라다이스문화재단 [Paradise Cultural Foundation]. <https://pcf.or.kr/data/board/10/929/35d62b1f53a348d5a48b0da603e2a36b.pdf>.
- Sohn, Yul. 2012. “‘Middle Powers’ Like South Korea Can’t Do Without Soft Power And Network Power.” *Global Asia* 7, no. 3 (September). https://www.globalasia.org/v7no3/cover/middle-powers-like-south-korea-cant-do-without-soft-power-and-network-power_yul-sohn.
- A Team. 2022. “Annual Survey on the Korean Art Market Released.” K-Art Now, January 31, 2022. <https://k-artnow.com/annual-survey-on-the-korean-art-market-released/>
- A Team. 2023. “South Korean Government Increases Budget for Art Promotion and Introduces Artist’s Resale Right.” K-Art Now, December 25, 2023
- “2022 National Museum of Korea (NMK) Overseas Korean Galleries Support Program.” 2022. National Museum Of Korea. <https://www.museum.go.kr/site/eng/archive/united/18304>
- Wakabayashi, Daisuke, and Victoria Kim. 2023. “What to Know About the Chaebol Families That Dominate South Korea’s Economy.” *The New York Times* (New York), December 24, 2023. <https://www.nytimes.com/2023/12/18/business/chaebol-south-korea.html>
- Walden, Lauren. 2019. “Cultural Diplomacy and Internationalism in Regional Art Institutions.” *Visual Studies* 34 (4): 350-63. <https://doi.org/10.1080/1472586X.2020.1715242>
- World Cities Culture Forum. n.d. “Creative Resilience: Seoul’s Initiatives to Support Artists during the Pandemic.” World Cities Culture Forum. Accessed April 20, 2024. <https://worldcitiescultureforum.com/city-project/seoul-urgent-support-for-artists>

Information about the authors:

Tatiana Dmitrievna Sokolova – PhD, Associate Professor at the School of Communications, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation, e-mail: tdsokolova@hse.ru).

Ekaterina Vasilievna Karaseva – Researcher at the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation, e-mail: ekaterina1rus@gmail.com).

Сведения об авторах:

Соколова Татьяна Дмитриевна – PhD, доцент Школы коммуникаций факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация, e-mail: tdsokolova@hse.ru).

Карасева Екатерина Васильевна – научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация, e-mail: ekaterina1rus@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Соколова Татьяна Дмитриевна – PhD, Ұлттық зерттеу университеті «Жоғары экономика мектебі» Ұлттық зерттеу университеті коммуникациялар мектебінің қауымдастырылған профессоры (Мәскеу, Ресей Федерациясы, e-mail: tdsokolova@hse.ru).

Карасева Екатерина Васильевна – зерттеуші, Ұлттық зерттеу университеті «Жоғары экономика мектебі» (Мәскеу, Ресей Федерациясы, e-mail: ekaterina1rus@gmail.com).

Previously sent February 27, 2025.

Re-registered March 10, 2025.

Accepted May 30, 2025.

2-бөлім
**АЙМАҚТАНУДЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 2
**CURRENT ISSUES
OF REGIONAL STUDIES**

Раздел 2
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

Sh.M. Zhandossova¹, **M.M. Nurov^{2*}**,
Zh.Z. Kuanyshbayeva³

¹Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan

²Turan University, Almaty, Kazakhstan

³Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: markhabbatnur@gmail.com

GLOBAL TRENDS AND LOCAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF MODERN CIVIL SOCIETY

This study examines the complex dynamics of civil society development in the modern world, characterized by the interaction of global trends and local features. The work is devoted to a comprehensive analysis of the evolution of institutions of civic participation in the context of a changing system of international relations. The purpose of the research is to identify and scientifically analyze the systemic relationships between global trends and local trajectories of civil society development. The work is aimed at identifying key global trends in the development of civil society, conducting a comparative analysis of regional models of civic participation and studying the impact of digitalization on the transformation of forms of civic engagement. The research methodology is based on an interdisciplinary approach integrating theoretical concepts and methods of political science, sociology and international relations. Systematic, comparative, institutional and constructivist approaches are used, as well as methods of content analysis. The main results of the study demonstrate ambiguous and contradictory trends in the development of civil society, due to the dialectic of global and local. The key mechanisms of adaptation of universal models of civic participation to specific socio-cultural and political contexts, as well as the impact of global crises on the institutional development of civil society in various regional contexts, have been identified. The value of the research lies in systematizing knowledge about the transformation of traditional forms of civic engagement under the influence of digitalization and globalization, as well as in identifying new opportunities for transnational cooperation between non-state actors in a changing international environment.

Key words: civil society, globalization, digitalization, transnational cooperation, civic engagement.

Ш.М. Жандосова¹, М.М. Нуров^{2*}, Ж.Ж. Қуанышбаева³

¹ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан

²«Тұран» университеті, Алматы, Қазақстан

³Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: markhabbatnur@gmail.com

Қазіргі азаматтық қоғам дамуының әлемдік тенденциялары мен жергілікті ерекшеліктері

Бұл зерттеу жаһандық трендтер мен жергілікті ерекшеліктердің өзара әрекеттесуімен сипатталатын қазіргі әлемдегі азаматтық қоғам дамуының күрделі динамикасын қарастырады. Жұмыс халықаралық қатынастардың өзгермелі жүйесі контекстіндегі азаматтық қатысу институттарының эволюциясын жан-жақты талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – жаһандық трендтер мен азаматтық қоғам дамуының жергілікті траекториялары арасындағы жүйелік қатынастарды анықтау және ғылыми талдау. Жұмыс азаматтық қоғам дамуының негізгі жаһандық үрдістерін айқындауға, азаматтық қатысудың өңірлік модельдеріне салыстырмалы талдау жүргізуге және цифрландырудың азаматтық белсенділік нысандарының трансформациясына әсерін зерттеуге бағытталған. Зерттеу әдістемесі саяси ғылымның, әлеуметтанудың және халықаралық қатынастардың теориялық тұжырымдамалары мен әдістерін біріктіретін пәнаралық тәсілге негізделген. Жүйелік, салыстырмалы, институционалдық және конструктивистік тәсілдер, сондай-ақ мазмұнды талдау әдістері қолданылады. Зерттеудің негізгі нәтижелері жаһандық және жергілікті диалектикадан туындаған азаматтық қоғамның дамуындағы екіұшты және қарама-қайшы тенденцияларды көрсетеді. Азаматтық қатысудың әмбебап модельдерін нақты әлеуметтік-мәдени және саяси контекстерге бейімдеудің негізгі тетіктері, сондай-ақ жаһандық дағдарыстардың әртүрлі аймақтық контексттердегі азаматтық қоғамның институционалдық дамуына әсері анықталды. Жүргізілген зерттеудің құндылығы цифрландыру мен жаһанданудың ықпалымен азаматтық белсенділіктің дәстүрлі нысандарын трансформациялау туралы білімді

өзгермелі халықаралық орта жағдайында мемлекеттік емес акторлардың трансұлттық ынтымақтастығы үшін жаңа мүмкіндіктерді анықтау болып табылады.

Түйін сөздер: азаматтық қоғам, жаһандану, цифрландыру, трансұлттық ынтымақтастық, азаматтық белсенділік.

Ш.М. Жандосова¹, М.М. Нуров^{2*}, Ж.Ж. Куанышбаева³

¹Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан

²Университет «Туран», Алматы, Казахстан

³Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

*e-mail: markhabbatnur@gmail.com

Глобальные тенденции и локальные особенности развития современного гражданского общества

В данном исследовании рассматривается сложная динамика развития гражданского общества в современном мире, характеризующаяся взаимодействием глобальных трендов и локальных особенностей. Работа посвящена комплексному анализу эволюции институтов гражданского участия в контексте меняющейся системы международных отношений. Целью исследования является выявление и научный анализ системных взаимосвязей между глобальными трендами и локальными траекториями развития гражданского общества. Работа направлена на определение ключевых глобальных тенденций развития гражданского общества, проведение сравнительного анализа региональных моделей гражданского участия и исследование влияния цифровизации на трансформацию форм гражданской активности. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, интегрирующем теоретические концепции и методы политической науки, социологии и международных отношений. Применяются системный, сравнительный, институциональный и конструктивистский подходы, а также методы контент-анализа. Основные результаты исследования демонстрируют неоднозначные и противоречивые тенденции в развитии гражданского общества, обусловленные диалектикой глобального и локального. Выявлены ключевые механизмы адаптации универсальных моделей гражданского участия к специфическим социокультурным и политическим контекстам, а также влияние глобальных кризисов на институциональное развитие гражданского общества в различных региональных контекстах. Ценность проведенного исследования заключается в систематизации знаний о трансформации традиционных форм гражданской активности под влиянием цифровизации и глобализации, а также в выявлении новых возможностей для транснационального сотрудничества негосударственных акторов в условиях меняющейся международной среды.

Ключевые слова: гражданское общество, глобализация, цифровизация, транснациональное сотрудничество, гражданская активность.

Introduction

The development of civil society in the modern world is characterized by ambiguous and contradictory trends that require a comprehensive scientific understanding. The dialectic of global and local in the evolution of institutions of civic participation creates a unique research context that allows us to identify both universal patterns and specific trajectories of the development of civic initiatives in various socio-cultural and political conditions. The relevance of this issue is due to the increasing role of non-state actors in the system of international relations, the transformation of traditional models of civic participation under the influence of digitalization and globalization, as well as the aggravation of contradictions between universalist concepts of civil society and their local interpretations.

In modern scientific discourse, the systemic interrelationships between global trends and local tra-

jectories of civil society development, as well as the mechanisms of adaptation of universal models of civic participation to specific socio-cultural and political contexts, have not been sufficiently studied. There is a lack of a holistic understanding of how digitalization and new communication technologies are transforming traditional forms of civic engagement and creating new opportunities for transnational cooperation between non-state actors. The impact of global crises (the COVID-19 pandemic, climate change, and geopolitical instability) on the institutional development and functional capabilities of civil society in various regional contexts has not been sufficiently studied.

The object of this research is civil society as a multidimensional socio-political phenomenon and a subject of international relations. The subject of the research is global trends and local features of the development of institutions and practices of civil society in the modern world.

The purpose of the research is to identify and scientifically analyze the systemic relationships between global trends and local trajectories of civil society development in the context of the transformation of international relations. To achieve this goal, the following tasks have been set:

- To identify the main global trends in the development of civil society in the modern world.
- To conduct a comparative analysis of regional models and institutional forms of civil society.
- To investigate the impact of digitalization on the transformation of forms of civic engagement and mechanisms of transnational interaction.

The methodological basis of the research is an interdisciplinary approach that integrates theoretical concepts and methods of political science, sociology, and international relations. The work uses systematic, comparative, institutional and constructivist approaches, methods of content analysis.

The practical significance of the work is determined by the possibility of using its results to improve strategies for the development of civil society, optimize the mechanisms of interaction between international organizations and non-governmental actors, as well as to develop educational programs on the issues of civil society and international relations.

Materials and methods

The methodological basis of the research is an interdisciplinary approach that allows integrating theoretical concepts and methods of political science, sociology and international relations for a comprehensive analysis of global trends and local features of the development of civil society. This approach provides a multidimensional consideration of the object of research, considering political, social and cultural factors.

A systematic approach is used to conceptualize civil society as a complex dynamic system operating in interaction with the state, the market, and the private sector. This method made it possible to identify the structural components of civil society, to determine the nature of the links between them and the mechanisms of their functioning in various socio-political contexts, as well as to trace the evolution of civil society as an integrated system under the influence of global processes.

The comparative method is used to compare the models of civil society development in different regions of the world (Western Europe, North America, Central and Eastern Europe, East Asia, the Middle East and North Africa). The use of this method made it possible to identify general patterns

and regional features of the formation of civil institutions, the variability of forms of civic engagement and strategies for interaction with government agencies, which contributed to the formation of a typology of civil society models in the modern world.

The constructivist approach is used to analyze the processes of civil identity formation, interpret value orientations and discursive practices of civil society actors. The use of this method has made it possible to trace the influence of cultural traditions, historical memory and dominant narratives on the construction of models of civic participation, as well as to identify mechanisms for legitimizing the activities of civic organizations in various socio-cultural contexts.

The use of these methods has made it possible to carry out a comprehensive analysis of the phenomenon of civil society in its global and local dimensions, to identify a variety of factors determining the trajectories of the development of civil institutions in various socio-political contexts. The integration of interdisciplinary, systemic, comparative, and constructivist approaches provided the methodological basis for conceptualizing civil society as a multilevel dynamic system characterized by structural variability and functional specificity depending on historical, cultural, and political conditions. This methodological strategy contributed to the identification of universal trends and regional patterns of civil society development, which made it possible to form a typology of models of civic engagement and mechanisms of interaction between civil structures and the state. Of heuristic value is the possibility of an analytical reconstruction of the processes of institutionalization of civil society in the context of global transformations and local features, identifying factors that contribute to or hinder the effective implementation of civil potential in various countries and regions of the world.

Literature review

The study of the development of civil society in the modern world is a multifaceted field located at the intersection of political science, sociology and international relations. Edwards (2019) defines civil society as a space of collective action based on common interests, goals, and values, structurally separated from the state, the market, and the private sphere. According to Habermas' concept, updated in the works of Flyvbjerg (2006), civil society functions as a public sphere in which citizens can discuss public issues and influence the formation of public opinion.

Analyzing the regional features of the development of civil society, Linz and Stepan (1996) identify various models of interaction between civil society and the state, depending on the historical, cultural and political context. In Western Europe and North America, a study by Putnam (2000) shows that civil society is characterized by a high level of social capital and a well-developed infrastructure of civic participation. The research of Inglehart and Welzel (2011) demonstrates the connection between the post-materialist values characteristic of post-industrial societies and the activity of civic participation.

In the context of the post-communist countries of Central and Eastern Europe, Howard (2009) identifies specific problems of civil society formation related to the legacy of the authoritarian past and the weakness of democratic traditions. Linetsky's research (2007) shows that in these countries, civil society often faces the problem of «dual transformation» – the need to simultaneously build democratic institutions and a market economy. Analyzing the dynamics of civil society development in Russia, Irkhin (2009) notes the existence of hybrid forms of civic engagement combining elements of formal and informal participation.

In East Asian countries, according to Rachinskaya-Spivakova's research (2021), the formation of civil society is influenced by Confucian traditions and specific models of interaction between the state and society. Wang's study (2024) demonstrates how a strong civil society in South Korea has facilitated the democratic transition and subsequent consolidation of democracy. In the case of China, as Zaitsev (2020) notes, despite the authoritarian political regime, certain elements of civil society are developing, especially in the provision of social services and environmental protection.

Analyzing the countries of the Middle East and North Africa, Vallionatos (2013) emphasizes the influence of religious traditions and tribalism on the formation of civil society. The events of the Arab Spring, as Kadirova's study (2020) shows, demonstrated the potential of civil society in mobilizing mass protests, but also revealed its structural weaknesses in the post-revolutionary period.

The conducted literary review demonstrates the versatility and complexity of the development of civil society in the modern world, due to regional specifics, historical context and socio-cultural determinants. Civil society as a space of collective action and the public sphere exhibits significant variability in institutional forms and functional characteristics depending on the political regime, the level of economic development and national traditions.

The data obtained make it possible to conceptualize civil society as a dynamic system that evolves under the influence of multiple factors and has significant transformational potential, realized to varying degrees depending on the institutional and cultural context.

Results and discussion

In the modern world, the processes of globalization and regional integration create new conditions for the development of civil society, transforming its structure, functions and mechanisms of interaction with government institutions. The formation of civil society is influenced by a complex set of factors, including historical and cultural traditions, socio-economic conditions, political regimes and the international situation. Recent decades have been characterized by a significant increase in the role of non-state actors in international relations, which has led to the emergence of the concept of a global civil society integrating local civil initiatives into transnational networks. Despite global trends towards the unification of the principles of functioning of civil institutions, regional and national specifics continue to determine the specifics of their development in various parts of the world.

The digitalization of public life has created unprecedented opportunities to mobilize civic engagement, form new communities, and expand the boundaries of the public sphere. However, technological innovations not only contribute to the democratization of public participation, but also generate new risks related to information security, manipulation of public opinion, and digital inequality. These contradictions actualize the need for a comprehensive analysis of global trends and local features of the development of modern civil society, considering its increasing influence on international relations.

The influence of international norms and regimes on national models of civil society is becoming an increasingly important factor in their evolution, creating a framework for the activities of local organizations and movements. The processes of democratization that began in the last quarter of the XXth century contributed to the expansion of the space of civic engagement in many regions of the world, but their results turned out to be ambiguous and depended on many contextual factors. These processes were especially difficult in post-socialist countries, where civil society was formed almost from scratch in the context of systemic socio-economic and political transformations. In countries with established

democratic traditions, there are processes of reconfiguration of civil society associated with the crisis of traditional forms of representation and the emergence of new models of civic participation.

An analysis of the local features of the development of civil society is impossible without considering the specifics of political regimes that define the framework of civic engagement and the possibility of influencing the decision-making process. In authoritarian and hybrid regimes, civil society often functions with limited autonomy and is subject to various forms of Government control. Cultural and religious factors play a significant role in shaping value orientations and patterns of civic behavior, determining the specifics of interaction between different segments of society. The historical legacy of colonialism, imperialism, and other forms of dependent development continues to influence the structure and functions of civil society in developing countries, creating specific patterns of interaction between international donors, local NGOs, and government institutions. The financial dependence of many civil society organizations on international donors raises problems of sustainability of their activities and compliance with local needs and context. In the context of growing geopolitical tensions, civil society is increasingly becoming an arena of «soft power» and ideological rivalry between global and regional powers.

Thus, modern civil society is a complex and multidimensional phenomenon that develops under the influence of the dialectical interaction of global trends and local features. Its further evolution will be determined by its ability to adapt to the changing conditions of the international environment, while maintaining its autonomy and ability to articulate the interests of various social groups.

Structural transformation of civil society in the context of globalization

In recent decades, civil society has indeed undergone a significant transformation. The 68% increase in the number of international NGOs over 15 years reflects not only quantitative growth, but also a qualitative change in civic engagement, which increasingly transcends national borders. The differences between the American and European models of civil society development have deep historical and cultural roots. In the United States, the model of self-organization with minimal government intervention corresponds to liberal traditions and a culture of individualism, where civic initiatives often arise from below and exist primarily through private donations and volunteer participation. In EU

countries, more structured interaction with government institutions reflects the continental European tradition, where the state has historically played a more active role in public life. The practice of state financing of NGOs and their inclusion in decision-making processes through formalized consultation mechanisms is widespread here. These different approaches form different models of civil society's influence on political processes and social change (Tarrow, 2023).

Research shows the formation of hybrid organizational structures in countries with developed democracies, combining formal and informal elements. An analysis of funding models for civic initiatives in Germany, France, and the United Kingdom demonstrates a trend towards diversifying sources of support, including government grants, private donations, and crowdfunding (Khayretdinova and Zubenko, 2018). Japan and South Korea are developing a special model of corporate volunteerism as a mechanism for strengthening civil society, which differs significantly from Western approaches (Tolstokulakov, 2022). This variability highlights that the development of civic institutions considers the cultural and historical characteristics of each region. The diversification of financial sources ensures greater sustainability and independence of civic initiatives. Corporate volunteerism in East Asian countries demonstrates the possibility of integrating business structures into the development of civil society.

The study of modern transformations of civil society demonstrates significant changes in the scale, forms of organization and mechanisms of functioning of civil institutions. The significant quantitative growth of international non-governmental organizations testifies to the globalization of civic engagement that transcends national borders and forms a transnational space of civic interaction. A comparative analysis of the American and European models of civil society development points to the deep conditioning of institutional forms and practices by historical trajectory, cultural traditions and features of the political system. While the American model is characterized by a predominance of bottom-up initiatives and reliance on private donations, the European model is characterized by more formalized interaction with government agencies and the integration of civil society organizations into political decision-making processes.

The trend towards the formation of hybrid organizational structures combining formal and informal elements reflects the adaptability of civil society to modern challenges and the need for more flexible

and effective mechanisms for influencing socio-political processes. The diversification of sources of financing for civic initiatives is a factor in strengthening their autonomy and sustainability, ensuring relative independence from individual donors. The East Asian experience of developing corporate volunteerism as a mechanism for strengthening civil society demonstrates the variability of ways to integrate various sectors of society into civic engagement processes and confirms the importance of taking regional specifics into account when analyzing global trends. In general, the modern development of civil society is characterized by a multi-vector nature, a combination of universal trends and local features, and the formation of new institutional practices adapted to specific socio-cultural and political contexts.

Civil society and social solidarity: regional models

Social solidarity as a fundamental constitutive element of civil society demonstrates a significant variability in the forms of institutionalization in various socio-cultural contexts. A comparative analysis of volunteerism systems (2018) in the USA and France reveals a dichotomy of approaches: the American model is characterized by the prevalence of personal initiative and minimization of government regulation, while the French system is integrated into state mechanisms of social policy. Volunteerism systems in the Nordic countries are characterized by a high degree of institutionalization and integration into social security structures, which corresponds to the general model of the welfare state.

In East Asian societies, mainly in South Korea and Japan, volunteer practices are often formed within the framework of corporate social responsibility, demonstrating a close correlation with labor collectives as primary agents of socialization (Kim, 2018). Empirical studies have documented the differentiation of motivational patterns of volunteers: in Western countries, individualistic axiological attitudes of self-realization are dominant, while in Latin America and Africa, motives of collective solidarity and community identity prevail.

The analysis of statistical data demonstrates a universal tendency to intensify volunteer activity during crisis periods in all geographical areas, however, the modality of this activity is determined by the cultural and institutional characteristics of specific societies. Comparative studies of charity systems in the United States and Great Britain explicate differences in fiscal incentives and legal

regulation that constitute divergent models of philanthropic practices (Toropova and Shcherbachenko, 2020). The mechanisms of social solidarity formation in modern societies show significant variability depending on prevailing cultural patterns, historical development trajectories and the specifics of political and economic institutions.

The analysis of social solidarity as a fundamental constitutive element of civil society demonstrates the variety of forms of its institutionalization in various socio-cultural contexts. Comparative studies of volunteerism and charity systems from a global perspective reveal the divergence of models of civic engagement due to the specifics of historical development, political and economic institutions. The identified dichotomy of approaches between the liberal American model based on personal initiative and the continental European system with a high degree of state participation reflects fundamental differences in the conceptualization of the relationship between the individual, society and the state.

The East Asian model of volunteerism, integrated into corporate structures, illustrates an alternative way of developing social solidarity practices. Empirical evidence indicates a significant differentiation of motivational patterns of volunteer activity in different regions of the world, correlating with the dominant value systems. The observed universal intensification of volunteerism during periods of social crisis confirms the functional importance of mechanisms of social self-organization in the context of the dysfunction of formal institutions. The variability of charity systems, manifested in differences in legal regulation and fiscal incentives, demonstrates the influence of the institutional environment on the formation of philanthropic practices. Thus, the mechanisms of constructing social solidarity are a complex socio-cultural phenomenon determined by a complex of historical, political, economic and axiological factors.

Civil society and political change: a comparative analysis of effectiveness

The relationship between the development of civil society and political transformations demonstrates significant regional differences. In Eastern European countries, civil society movements have played a key role in democratic transitions, shaping the political agenda and controlling power. The study shows that in Latin American countries, civil society often develops in conditions of polarization and ideological confrontation, which affects its structure and effectiveness (Diakova, 2024).

A comparative analysis of the political transformations in Tunisia and Egypt demonstrates the varying degree of influence of civil society organizations on the results of the «Arab Spring»: while in Tunisia a strong civil society contributed to democratic transit, in Egypt its structural weakness led to the restoration of authoritarian practices (Farah, 2023). These studies show that the effectiveness of civil society's influence on political processes correlates with the level of its institutionalization and the degree of independence from the state. In the context of democratization, civil society is becoming a key factor in political stability and the effectiveness of reforms. The experience of countries with economies in transition demonstrates that successful democratic transits are characterized by the active participation of civil society structures in the political process.

An analysis of the development of civil society in Central Asian countries demonstrates that external financing of civic initiatives without considering the local context can reduce their legitimacy and effectiveness (Kuznetsova, 2006). Modern research confirms that sustainable democracy requires a balance between a strong civil society and effective State institutions.

Civil society and digital authoritarianism: new challenges

The spread of digital authoritarianism creates new challenges for the development of civil society in various regions of the world. The study demonstrates that in countries with authoritarian tendencies, surveillance and control technologies significantly limit the space for civic engagement. A comparative analysis of the situation in Russia and China shows different models of technological regulation of the civil space: if preventive control and censorship prevail in China, then in Russia there is a combination of legal restrictions and selective repression (Prilepsky, 2021).

An interesting contrast is the adaptation strategies of civil society activists in Belarus (Rudnik, 2023) and Myanmar (Ryng et al., 2023), where various techniques of digital resistance and circumvention of blockages are being developed. In the context of digital authoritarianism, the role of international solidarity and cross-border support for civil initiatives is increasing. Data analysis shows a correlation between the decline of civil liberties and the expansion of digital surveillance practices in more than 65 countries around the world.

A comparison of legislative restrictions on the activities of NGOs in Egypt, India, and Hungary

demonstrates different strategies for institutional pressure on civil society organizations (Bromley et al., 2019). The changing nature of digital control requires constant adaptation of civil resistance strategies and protection of digital rights. Technological innovations are used both as a tool of suppression and as a means of protecting civil liberties, creating a complex dynamic of digital confrontation. Of particular concern is the global export of surveillance technology from authoritarian countries to developing democracies. Effective counteraction to digital authoritarianism requires coordination of efforts by civil society, the technology sector and international organizations.

Conclusion

The study revealed that modern civil society is undergoing a period of intense transformation under the influence of globalization, digitalization and geopolitical changes. An analysis of global trends shows that non-state actors are becoming increasingly important in international relations, forming alternative channels of diplomacy and channels of influence on global processes. Information and communication technologies have radically changed the possibilities of civil mobilization, creating unprecedented conditions for cross-border cooperation and solidarity.

It is revealed that the development of civil society occurs unevenly in different regions of the world, reflecting the peculiarities of the historical, cultural, and socio-political context. The effectiveness of civic institutions as a factor of democratization and development directly depends on their institutional maturity, autonomy, and rootedness in the national traditions of social self-organization. Financial sustainability remains one of the key challenges for civil society organizations, requiring the diversification of sources of support and the development of a culture of private philanthropy.

Modern global crises, including the COVID-19 pandemic, climate change and rising geopolitical tensions, have become a serious challenge for civil society, but at the same time have demonstrated its adaptability and importance in solving complex problems. Of particular concern is the trend towards stricter government regulation of non-profit organizations in many countries, which poses risks to the space of civic engagement.

The study confirms that the involvement of civil society in global governance processes significantly increases the legitimacy and effectiveness of international institutions. At the same time, the problem

of the lack of representation of global civil society requires targeted efforts to increase the participation of representatives of developing countries and marginalized groups in international forums and processes.

The results of the study allow us to formulate a system of recommendations:

- International organizations are encouraged to improve the mechanisms for the inclusion of civil representatives in decision-making processes.

- Educational and research institutions should expand training programs for specialists in the non-profit sector and deepen the study of the effects of civic participation.

- It is important for media and digital platforms to promote a culture of civil dialogue and counteract information manipulation.

- Promising areas for further research are the study of the impact of digitalization on the transformation of forms of civic participation, the analysis of the relationship between the development of civil

society and the quality of democratic institutions, as well as the study of the role of civil actors in building more equitable models of international interaction. Of particular interest is the study of new forms of transnational solidarity in the context of fragmentation of global space.

The conducted research shows that, despite the variety of challenges, civil society remains a key factor in the democratization of international relations and the promotion of universal human values on a global scale. Its further development requires the consolidated efforts of all interested actors, from international organizations and States to local communities and individual citizens.

This research has been funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR27195711 «Socio-political processes in Kazakhstan (1980-2020): the experience of democratization and the formation of a Fair state»).

References

- Bromley, P., Schofer, E., & Longhofer, W. (2019). Contentions over World Culture: The Rise of Legal Restrictions on Foreign Funding to NGOs, 1994–2015. *Social Forces*. P. 1–38.
- Diakova, L.V. (2024). Civil society in Latin America and the world: the experience of discussion // *Latinskaia Amerika*.
- Edwards, M. (2019). *Civil Society*, 4th Edition. Polity Press..
- Farah, B. (2023). A comparative analysis of Tunisia and Egypt's transitions to democracy. University of Ottawa.
- Flyvbjerg, B. (2006). Rationality and Power. // *Sociological Studies*, Moscow: Russian Academy of Sciences, vol. 1. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2278274>
- Kim, S. E. (2018). Corporate social responsibility in East Asia: a comparative approach // *International Review of Public Administration*, 23(9), 1–15.
- Linz, J., & Stepan, A. (1996). Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. The Johns Hopkins University Press.
- Putnam, R. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. NY: Simon & Schuster.
- Prilepskiy, V. V. (2021). Civil society in modern Russia: problems of formation and development // *State and municipal management scholar notes*, 2(2), 195–200.
- Rudnik, A. (2023). Digital transformation trends in Belarusian democratic resistance // *Analytical report*, 32 p.
- Ryng, J., Guicherd, G., Al Saman, J., Choudhury, P., & Kellett, A. (2022). Internet Shutdowns // *The RUSI Journal*, 167(4-5), 50–63. // <https://doi.org/10.1080/03071847.2022.2156234>
- Tarrow, S. (2023). Comparing Social Movement Participation in Western Europe and the United States: Problems, Uses, and A Proposal for Synthesis // *International Journal of Mass Emergencies & Disasters*, 4(2), 145–170.
- Wang, Z., Li, Y., & Min, K. (2024). The Role and Impact of Korean Civil Society in the Development Process of Democratization in Korea // *Solovyov Studies ISPU* 72(7), pp. 90–101.
- Валлионатос, С. (2013). Арабское гражданское общество на перепутье демократизации // *Neighbourhood Policy Paper*, pp. 1–12.
- Зайцев, А. В. (2020). Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае // *Мир русскоговорящих стран*, 1 (3). 35–46.
- Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство.
- Ирхин Ю. В. (2009). Гражданское общество в современной России: особенности, проблемы и тенденции развития. // *Социология власти*, 7, 16–28.
- Кадирова Г. Ш. (2020). «Арабская весна» как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу // *Государственное управление. Электронный вестник*, 81, 163–181.
- Кузнецова, С. И. (2006). Гражданское общество в центральной Азии и Закавказье // *Социальные и гуманитарные науки*.

Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал, 4, 76–85.

Линецкий, А. В. (2007). Институты гражданского общества в общественных трансформациях: теория и практика посткоммунистических стран // ПОЛИТЭКС, 4, 123–135.

Рачинская-Спивакова, Ю. О. (2021). Сферы эффективного взаимодействия асеан с гражданским обществом Юго-Восточной Азии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2, 91–98.

Толстокулаков, И. А. (1998). Гражданское общество в стране. К вопросу о его формировании // Россия и АТР, 3, 93–102.

Торопова, А. Е., Щербаченко, П. С. (2020). Сравнительная характеристика благотворительной деятельности в западных странах и России // E-Scio, 8 (47). // <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnaya-harakteristika-blagotvoritelnoy-deyatelnosti-v-zapadnyh-stranah-i-rossii>

Хайретдинова, Э. М., Зубенко, В. А. (2018). Источники и формы финансирования инновационной деятельности в Германии // Мир новой экономики, 12(1), 124–131.

Ховард, М. М. (2009). Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / пер. с англ. И. Е. Кокарева. – Москва: Аспект Пресс. – 190 с.

References

Bromley, P., Schofer, E., & Longhofer, W. (2019). Contentions over World Culture: The Rise of Legal Restrictions on Foreign Funding to NGOs, 1994–2015. *Social Forces*, P. 1–38.

Diakova, L. V. (2024). Civil society in Latin America and the world: the experience of discussion. *Latinskaya Amerika*. <https://doi.org/10.31857/s0044748x24100083>

Edwards, M. (2019). *Civil Society* (4th ed.). Polity Press.

Farah, B. (2023). A comparative analysis of Tunisia and Egypt's transitions to democracy. University of Ottawa.

Flyvbjerg, B. (2006). Rationality and Power. *Sociological Studies*, 1. Russian Academy of Sciences. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2278274>

Howard, M. M. (2009). Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope [The weakness of civil society in post-communist Europe] (I. E. Kokareva, Trans.). Aspect Press.

Inglehart, R., & Welzel, C. (2011). Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change, and democracy: The sequence of human development]. Novoe Izdatel'stvo.

Irkhin, Y. V. (2009). Civil society in modern Russia: Features, problems, and development trends. *Sotsiologiya Vlasti*, (7), 16–28.

Kadirova, G. Sh. (2020). The «Arab Spring» as an attempt at democratization of the Middle East in the Western model. *State Administration. Electronic Bulletin*, (81), 163–181.

Khadretidnova, E. M., & Zubenko, V. A. (2018). Sources and forms of financing innovation activities in Germany. *World of New Economy*, 12(1), 124–131.

Kim, S. E. (2018). Corporate social responsibility in East Asia: A comparative approach. *International Review of Public Administration*, 23(9), 1–15.

Kuznetsova, S. I. (2006). Civil society in Central Asia and the Caucasus. *Social and Humanitarian Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental Studies and African Studies*, (4), 76–85.

Linz, J., & Stepan, A. (1996). Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. The Johns Hopkins University Press.

Linetsky, A. V. (2007). Civil society institutions in social transformations: Theory and practice of post-communist countries. *Politeks*, (4), 123–135.

Putnam, R. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon & Schuster.

Prilepskiy, V. V. (2021). Civil society in modern Russia: Problems of formation and development. *State and Municipal Management Scholar Notes*, 2(2), 195–200.

Rachinskaya-Spivakova, Y. O. (2021). Effective areas of ASEAN's interaction with civil society in Southeast Asia. *Bulletin of the Baltic Federal University Named After I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*, (2), 91–98.

Rudnik, A. (2023). Digital transformation trends in Belarusian democratic resistance (Analytical report, 32 p.).

Ryng, J., Guicherd, G., Al Saman, J., Choudhury, P., & Kellett, A. (2022). Internet shutdowns. *The RUSI Journal*, 167(4-5), 50–63. <https://doi.org/10.1080/03071847.2022.2156234>

Tarrow, S. (2023). Comparing social movement participation in Western Europe and the United States: Problems, uses, and a proposal for synthesis. *International Journal of Mass Emergencies & Disasters*, 4(2), 145–170.

Tolstokulakov, I. A. (1998). Civil society in the country: On the issue of its formation. *Russia and the Asia-Pacific Region*, (3), 93–102.

Toropova, A. E., & Shcherbachenko, P. S. (2020). Comparative characteristics of charitable activities in Western countries and Russia. *E-Scio*, (8/47). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnaya-harakteristika-blagotvoritelnoy-deyatelnosti-v-zapadnyh-stranah-i-rossii>

Vallionatos, S. (2013). Arab civil society at a crossroads of democratization. *Neighbourhood Policy Paper*, 1–12.

Wang, Z., Li, Y., & Min, K. (2024). The role and impact of Korean civil society in the development process of democratization in Korea. *Solovyov Studies ISPU*, 72(7), 90–101.

Zaitsev, A. V. (2020). Civil society and deliberative democracy in China. *Mir Russkogovoryashchikh Stran*, 1(3), 35–46.

Information about the authors:

Sholpan Zhandossova – PhD, Associate Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE RK (Almaty, Kazakhstan, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).

Markhabbat Nurov (corresponding author) – PhD, Turan University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: markhabbatnur@gmail.com).

Zhazira Kuanyshbayeva – PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: kuanyshbayeva.kz@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Жандосова Шолпан Мұлықимановна – PhD, қауымдастырылған профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының Бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).

Нуров Мархаббат Мешиитбекович (корреспондент-автор) – PhD, «Тұран» университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: markhabbatnur@gmail.com).

Қуанышбаева Жазира Жайлаубековна – PhD, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: kuanyshbayeva.kz@gmail.com).

Информация об авторах:

Жандосова Шолпан Мұлықимановна – PhD, ассоциированный профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (Алматы, Казахстан, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).

Нуров Мархаббат Мешиитбекович (корреспондент-автор) – PhD, Университет «Тұран» (Алматы, Казахстан, e-mail: markhabbatnur@gmail.com).

Қуанышбаева Жазира Жайлаубековна – PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан, e-mail: kuanyshbayeva.kz@gmail.com).

Previously sent March 31, 2025.

Re-registered April 6, 2025.

Accepted June 5, 2025.

М.А. Симонова , **Ж.В. Пузанова** ,
Т.И. Ларина*

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
Москва, Российская Федерация
*e-mail: larina-ti@rudn.ru

АНАЛИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ КАЗАХСТАНА В ПЕРСПЕКТИВЕ ОБМЕНА ОПЫТОМ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ЕАЭС (НА ПРИМЕРЕ РФ)

Современные социально-политические процессы и трансформация образовательных систем стран ЕАЭС актуализируют задачу взаимного обмена лучшими практиками в сфере высшего образования, которые выступают элементами «мягкой силы» в международных отношениях. В контексте евразийской интеграции анализ опыта реализации магистерских программ Казахстана, являющегося стратегическим партнером России, представляется особо значимым. Фокус на опыте Казахстана обусловлен его ключевой ролью в ЕАЭС, тесными историческими, экономическими связями с Россией и масштабной академической мобильностью между странами. Казахские магистерские программы демонстрируют растущую конкурентоспособность, что подтверждается их включением в международные рейтинги. В статье приводится анализ опыта реализации магистерских программ ведущих вузов Казахстана (трех государственных и двух частных), проведенный командой Российского университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, на основе открытых источников и интервью с представителями администрации.

Описаны особенности государственной политики Казахстана в сфере высшего образования в условиях евразийской интеграции и глобальных вызовов, представлены наиболее выдающиеся магистерские программы, показаны особенности приема, специфика разработки, реализации и экспертизы образовательных программ, аспекты трудоустройства выпускников.

Проанализировав полученные данные, авторы составили ряд рекомендаций, которые могли бы быть реализованы в российских вузах (на примере РУДН) для повышения качества магистерских программ и углубления образовательного сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, ЕАЭС, магистратура, высшее образование, образовательная интеграция, обмен опытом, лучшие практики, международные отношения.

M.A. Simonova, Zh.V. Puzanova, T.I. Larina*
Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia
*e-mail: larina-ti@rudn.ru

Analysis of Kazakhstan's Master's Program Implementation Experience with a View to Sharing Best Practices Among EAEU Members (Using Russia as an Example)

Modern socio-political processes and the transformation of the educational systems of the EAEU countries actualize the task of mutual exchange of best practices in the field of higher education, which act as elements of “soft power” in international relations. Within the context of Eurasian integration, the analysis of the experience of implementing master's programs in Russia's strategic partner – Kazakhstan is particularly significant. The focus on Kazakhstan's experience is due to its key role in the EAEU, close historical and economic ties with Russia, and large-scale academic mobility between the countries. Kazakh master's programs demonstrate growing competitiveness, evidenced by their inclusion in international rankings.

The article provides an analysis of the experience of implementing master's programs at leading universities in Kazakhstan (three state and two private), conducted by a team from the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, based on open sources and interviews with administration representatives.

The article describes the features of Kazakhstan's state policy in higher education amid Eurasian integration and global challenges, presents the most outstanding master's programs, shows the specifics of admission, development, implementation, and examination of educational programs, and aspects of graduate employment.

After analyzing the data, the authors have developed a number of recommendations that could be implemented at Russian universities (using RUDN University as an example) to improve the quality of master's programs and deepen educational cooperation within the EAEU framework.

Key words: Russia, Kazakhstan, EAEU, magistracy, Higher education, educational integration, experience sharing, best practices, international relations.

М.А. Симонова, Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина*

Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті (РҮДН),
Мәскеу, Ресей Федерациясы

*e-mail: larina-ti@rudn.ru

Қазақстандағы магистратура бағдарламаларын іске асыру тәжірибесін ЕАЭО елдері арасындағы тәжірибе алмасу аясында талдау (РФ мысалында)

Қазіргі заманғы әлеуметтік-саяси үдерістер және ЕАЭО елдерінің білім беру жүйелерін трансформациялау халықаралық қатынастарда «жұмсақ күш» элементтері ретінде әрекет ететін жоғары білім беру саласындағы үздік тәжірибелермен өзара алмасу міндетін өзектендіреді. Еуразиялық интеграция аясында Ресейдің стратегиялық серіктесі болып табылатын Қазақстанның магистрлік бағдарламаларын іске асыру тәжірибесін талдау аса маңызды болып көрінеді. Қазақстанның тәжірибесіне назар аудару оның ЕАЭО-дағы басты рөліне, Ресеймен тығыз тарихи, экономикалық байланыстарға және елдер арасындағы ауқымды академиялық ұтқырлыққа байланысты. Қазақстандық магистрлік бағдарламалар бәсекеге қабілеттіліктің артып келе жатқанын көрсетеді, бұл олардың халықаралық рейтингтерге енгізілуімен расталады.

Мақалада Патрис Лумумба атындағы Ресей Халықтар Достығы университетінің зерттеушілерімен ашық дереккөздер және әкімшілік өкілдерімен сұхбат негізінде жүргізген Қазақстанның жетекші жоғары оқу орындарының (үш мемлекеттік және екі жеке) магистрлік бағдарламаларын іске асыру тәжірибесіне талдау жасалынады.

Еуразиялық интеграция және жаһандық сын-тегеуріндер жағдайында Қазақстанның жоғары білім саласындағы мемлекеттік саясатының ерекшеліктері сипатталған, аса көрнекті магистрлік бағдарламалар ұсынылған, қабылдау ерекшеліктері, білім беру бағдарламаларын әзірлеу, іске асыру және сараптау ерекшеліктері, түлектерді жұмысқа орналастыру аспектілері көрсетілген.

Алынған деректерді талдай отырып, авторлар магистрлік бағдарламалардың сапасын арттыру және ЕАЭО шеңберіндегі білім беру ынтымақтастығын тереңдету үшін ресейлік жоғары оқу орындарында (РҮДН мысалында) жүзеге асырылуы мүмкін бірқатар ұсыныстар жасады.

Түйін сөздер: Ресей, Қазақстан, ЕАЭО, магистратура, жоғары білім, білім беру интеграциясы, тәжірибе алмасу, үздік тәжірибелер, халықаралық қатынастар.

Введение

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Казахстан и Россия являются ключевыми партнерами и инициаторами интеграционных процессов, объединенными необходимостью решения общих задач, включая гармонизацию систем высшего образования. Образование давно является инструментом «мягкой силы». Используя образование как «мягкую силу» государства претендуют на копирование (в основном) экономических достижений более развитых стран и укрепление политических альянсов, но зачастую не хотят, чтобы население

было «очаровано» иностранными ценностями, культурой и внешней политикой (Varpahovskis, Kuteleva, 2023). Подобная ситуация однако не столько характерна для равных партнеров ЕАЭС, в частности для Казахстана и России.

По замечанию О.В. Савиной и В.Н. Канаровой, Россия и Казахстан являются родоначальниками интеграционных процессов на постсоветском пространстве и объединены необходимостью решения общих проблем коллективно для достижения лучшего результата (Savina, Kanarova, 2023). Образование – одна из основных сфер данного сотрудничества. Казах-

стан в 2022 году возглавлял топ стран-лидеров по количеству студентов, которые обучаются в России, их численность составила 61 тысячу человек (Минобрнауки, 2022). В РУДН – самое большое землячество студентов из Казахстана, поэтому для этого вуза фокус на изучение опыта Казахстана взят не случайно. Взаимный обмен опытом между странами ЕАЭС является важным ресурсом развития. Казахстан сегодня демонстрирует значимые успехи в развитии магистратуры, что делает его опыт ценным для изучения и адаптации в российских условиях.. «Для России углубление сотрудничества с Казахстаном в сфере науки и образования важно с точки зрения сохранения позиций русского языка и культуры в Центральной Азии, укрепления авторитета страны в данном регионе, защиты своих национальных интересов» (Savina, Kanarova, 2023).

Российские вузы реализуют многоуровневую систему подготовки высшего образования. Современные авторы признают необходимость перенимать эффективный зарубежный опыт, учитывая социокультурную специфику (Ruban, 2020). Целью данной статьи является анализ казахстанского опыта реализации магистерских программ с точки зрения его потенциала для обмена лучшими практиками между членами ЕАЭС, и формулирование на этой основе конкретных рекомендаций для российских вузов (на примере РУДН), способствующих повышению качества и конкурентоспособности магистерского образования в рамках евразийской интеграции.

Литературный обзор

В силу специфики статьи, направленной на выявление потенциала для обмена опытом в контексте международных отношений, вместо обзора литературы далее подробнее приведем основные характеристики современного образования в Казахстане и их возможную релевантность для РФ.

Образование в Казахстане развивается в условиях сложного баланса между евразийской интеграцией, ориентацией на глобальные стандарты (включая европейские) и национальными приоритетами. Выделяются следующие тенденции в развитии образования: углубление интеграции с европейским образовательным про-

странством, оптимизация высшей школы путём сокращения числа вузов и создания лиг вузов, расширение академической свободы, увеличение доступа к высшему образованию малообеспеченным слоям населения, усиление контроля над выполнением условий образовательных грантов, открытие филиалов ведущих международных вузов в Республике, повышение качества и престижа высшего образования и его приближение к условиям рынка (Burangulov, 2023).

Прежде всего, стоит рассмотреть политику в области образования, которую проводит Казахстан, и отметить ее двойственность. Двойственность политики Казахстана в области образования выражается в прямой ориентации на ЕС и европейские стандарты качества, о чем пишет, например, Е.В. Шукушева (Shukusheva, 2022). В то же время нельзя отрицать сильную связь и партнерство с евразийскими партнерами, в частности с Россией.

А.М. Погорельская, Е.Ф. Троицкий, В.С. Пакулин, анализируя периоды интернационализации образования Казахстана, выделяют несколько ключевых точек: с 1990-х реализовывалась модель импорта высшего образования, где доминирующим направлением стала Россия, с 2010 году реализуется курс на включение в европейское образовательное пространство, при сохранении доминирования России, в 2022 году предпринят форсированный курс на интернационализацию, характеризующийся дистанцированием Казахстана от России и во многом конкуренцию за студентов из Центральной Азии (Pogorelskaya, Troitskiy, Pakulin, 2024).

Эта динамика формирует уникальный контекст для анализа опыта, релевантного странам ЕАЭС, сталкивающимся с аналогичными вызовами глобализации и поиском баланса между интеграцией и суверенитетом.

В настоящее время вузы Казахстана достигли определенных и вполне явных успехов. Э.Р.Бурангулов отмечает, что в 2020 году казахские дипломы приобрели отметку в приложении, которая официально отражает соответствие качества высшей школы Казахстана европейским стандартам, что повышает престиж казахстанских вузов и способствует интернационализации (Burangulov, 2022).

QS World University Rankings – один из самых престижных мировых рейтингов, отражаю-

щих качество образования в вузах. В 2022 году 12 вузов Казахстана вошли в лучшую тысячу, в 2023 – 16 вузов, в 2024 году уже 21 вуз Казахстана попал в *список* (QS World University Rankings, 2024). При этом Казахский национальный университет им. аль-Фараби все годы занимает первую строчку среди всех казахских вузов, но с 2023 за год опустился с 150 места на 230, что все же является высокой позицией.

Методология исследования

В Казахстане для изучения опыта был определен ряд ведущих вузов: три государственных вуза (национальные исследовательские университеты: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (КазНУ) и Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ); профильный педагогический вуз Казахский Национальный педагогический вуз имени Абая (КазНПУ) и 2 частных вуза (Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ) и Esil университет).

В каждом вузе с представителем администрации были проведены интервью по неструктурированной анкете, включающей 7 блоков:

- Абитуриенты, работодатели, студенты.
- Процедура обучения по основным образовательным программам (ООП).
- Содержание ООП.
- Материально-техническое обеспечение ООП.
- Кадровое обеспечение ООП.
- Маркетинг, реклама.
- Ценовая политика и финансирование.

Исследование выполнено командой из РУДН им. Патриса Лумумбы. В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход. Данные, полученные по вузам, аккумулированы для представления общей картины, однако специфичный опыт выделен отдельно.

Результаты и дискуссия

Наиболее востребованные и популярные магистерские программы в вузах Казахстана

Вузам было предложено назвать ряд магистерских программ, которые либо наиболее востребованы (большой конкурс), либо инновационные (только что открыты и востребованы),

либо рентабельны (высокая стоимость и спрос), либо высокорейтинговые (входят в международные рейтинги).

В КазНПУ им. Абая названы высокорейтинговые программы: «Дошкольное обучение и воспитание»; «Подготовка педагогов биологии»; «Подготовка педагогов русского языка и литературы»; «Подготовка педагогов иностранного языка»; «Подготовка кадров по специальной педагогике»; «Право».

В КБТУ также указали высокорейтинговые программы: в рамках направления «Менеджмент и управление» – «Менеджмент» и «Экономика»; в рамках направления «Информационные технологии» – «Вычислительная техника и программное обеспечение», «Математическое и компьютерное моделирование» и «Mathematics & Economics»; в рамках направления «Электротехника и автоматизация» – «Автоматизация и управление», «Горное дело и добыча полезных ископаемых» и «Нефтегазовое дело».

ЕНУ продемонстрировал рекордные успехи среди казахстанских вузов, включенных в топ-100 предметного рейтинга. В первую сотню вошли 3 предметные области ЕНУ – «Современные языки» – 88 позиция, «Лингвистика» – 94 место и по предмету «Гостеприимство и управление отдыхом» университет удержал свою прошлогоднюю позицию в диапазоне 51-100. Высокие результаты достигнуты благодаря значительно улучшенным показателям по количеству цитирований на одну публикацию и репутации среди работодателей. ЕНУ также вошел в топ-200 мирового рейтинга по предметам «Искусство и Дизайн» (150 место), «Английский язык и литература» (топ 101-150), «Философия» (топ 151-200), «Право и юриспруденция» (топ 151-200) и «Политика и международные исследования» (топ 151-200).

Esil Университет входит в топ-10 среди вузов Республики по направлению «Бизнес, управление и право»; топ-10 среди вузов Республики по направлению «Здравоохранение и социальное обеспечение (медицина)» (Независимое агентство аккредитации и рейтинга, 2024).

Государственная политика Республики Казахстан в сфере систем образования включает в себя и учитывает несколько важных аспектов – Единое национальное тестирование (ЕНТ), демографический фактор, закон о статусе педагога, закон о науке, национальные рейтинги и Про-

граммы для студентов, педагогов (стажировки, двойные дипломы, международная стипендия «Болашак»).

Государственная политика определяет подходы к доступности и качеству высшего образования Республики Казахстан. Она определяется основными нормативными документами:

- Приказ об утверждении критериев классификации высших учебных заведений (6 ноября 2015 г. № 628) (Министерство образования и науки РК, 2015);

- Закон «О некоторых вопросах высших учебных заведений Минобрнауки РК» от 11 октября 2019 года №752 (Правительство РК, 2019), регламентирующий смену рядом государственных вузов правового статуса и преобразование в некоммерческое акционерное общество со 100% участием государства в уставном капитале, что означает, что ректоры стали еще и председателями правления (как правило). Частные вузы имеют статус акционерных обществ.

- Закон о науке (Республика Казахстан, 2011) регулирует общественные отношения в области науки и научно-технической деятельности, определяет основные принципы и механизмы функционирования и развития национальной научной системы Республики Казахстан.

- Закон о статусе педагога (Республика Казахстан, 2019) определяет статус педагога, устанавливает права, социальные гарантии и ограничения, обязанности и ответственность педагога. В нем признается особый статус педагога, обеспечивающий условия для осуществления им профессиональной деятельности: высокая зарплата, особенно в регионах, льготы – ипотека; прохождение стажировки по международной стипендии «Болашак» (подготовка, переподготовка и повышении квалификации кадров и специалистов для приоритетных секторов экономики страны) для поддержания и повышения профессиональных навыков. Педагогу государственных организаций по основному месту работы устанавливается доплата за: степень доктора философии (PhD), доктора по профилю – в размере 17-кратного месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего финансового года; ученую степень кандидата наук – в размере 17-кратного месячного расчетного показателя, доктора наук – в размере 34-кратного

месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего финансового года; ведение внеурочных спортивных занятий – в размере ста процентов от базового должностного оклада. Педагогу, осуществляющему профессиональную деятельность в государственной организации среднего образования, а также в методическом кабинете, по основному месту работы устанавливается доплата за степень магистра по научно-педагогическому направлению в размере 10-кратного месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего финансового года. Стимулируется участие в рейтингах, разработаны национальные рейтинги вузов (Атамекен и ряд др.)

Важно отметить, что данная политика формируется и реализуется в условиях активного участия Казахстана в евразийской интеграции и поиска своего места в глобальном образовательном пространстве

Единое Национальное Тестирование (ЕНТ), которое является аналогом российскому Единому государственному экзамену (ЕГЭ), открывает доступ в первую очередь к бакалаврским программам после школы.

Демографический фактор характеризуется резким увеличением населения, высоким процентом молодежи. К 2030 году ожидается что «численность населения в возрасте от 0 до 14 лет достигнет значения 6,55 млн чел., тогда как в возрасте от 15 до 59 лет – 14,68 млн чел., при этом численность населения в возрасте 60+ лет ожидается на уровне 4,37 млн чел. Таким образом, в течение 20 лет (2030–2050 гг.) ожидается увеличение численности населения юношеского возраста (от 0 до 14 лет) на 680 000 чел. В то же время количество взрослого населения от 15 до 59 лет увеличится на 2,4 млн чел» (Spankulova, Chulanova, Nurmakhanova, Kangalakova, 2022). Такой рост юношеского возраста актуализирует развитие системы образования.

Опыт Казахстана в централизованном регулировании (реестр программ, критерии обновления/закрытия, стимулирование педагогов) может быть предметом обсуждения при разработке аналогичных механизмов гармонизации в рамках ЕАЭС, учитывая национальные особенности каждой страны

Условия приема абитуриентов. Поступление абитуриентов происходит по грантовому конкурсу с учетом набранных баллов по ЕНТ (уровень бакалавриата) и Комплексного тестирования (КТ – уровень магистратуры). Максимальный балл по ЕНТ – 140, пороговое (минимальное) значение определяет Министерство науки и высшего образования Казахстана, в случае комплексного тестирования пороговой балл и дополнительные испытания в праве устанавливать сам вуз.

Отдельно следует отметить положительную практику осуществления набора на программу магистратуры Казахстанско-Британского технического университета, программы которого отвечают всем критериям: программы являются наиболее востребованными (большой конкурс), инновационными (только что открыты и востребованы), рентабельными (стоимость обучения – в 2,5 раза выше по Республике) и высокорейтинговыми (в республиканских, международных рейтингах). Все программы имеют международную сертификацию, обучение только на английском языке. Вуз реализует конкурс видеороликов для будущих магистрантов в целях повышения интереса к высшему образованию и поддержки талантливой молодежи среди студентов и выпускников университетов. Победители конкурса получают гранты и скидки на обучение в КБТУ: 1 место – 100% грант на весь период обучения; 2 место – 75% скидка на весь период обучения; 3 место – 50% скидка на весь период обучения.

Подобные инновационные подходы к привлечению абитуриентов (конкурсы видеороликов) могли бы быть адаптированы и в российских вузах, особенно для привлечения студентов из стран ЕАЭС.

В КазНУ им. Аль-Фараби прием на магистерские программы открыт круглый год, абитуриент может сдать экзамены онлайн в любое время, а договор будет заключен в случае успешного прохождения вступительных испытаний после очного собеседования.

Разработка, реализация и экспертиза образовательных программ. Разработка образовательных программ. В Казахстане существует Единый национальный реестр образовательных программ (по вузам), который ведет Министерство науки и высшего образования Казахстана (Единый национальный реестр образователь-

ных программ, 2024). В разработке программ задействованы: ВУЗ (факультет/кафедра), работодатель (представители реального сектора экономики и/или национальной промышленной палаты), а также студенты. Доступ к реестру образовательных программ открыт для всех жителей Казахстана, учебный план каждой программы также размещается в Реестре.

Создание Единого национального реестра образовательных программ с открытым доступом – это практика, потенциально полезная для обмена информацией, повышения прозрачности и сближения образовательных стандартов между вузами стран ЕАЭС. Привлечение работодателей и студентов к разработке программ – важный опыт для усиления практико-ориентированности, актуальной для всего евразийского рынка труда.

Экспертиза образовательных программ. Осуществляют экспертизу образовательных программ не менее 3-х экспертов (их определяет Министерство науки и высшего образования Казахстана). Для вуза предоставляется возможность доработки (устранение замечаний экспертов в достаточно короткие сроки – 2-3 недели). Если образовательная программа получает отрицательную рецензию, то, соответственно, вузу отказывают в размещении образовательной программы в реестре и вуз не имеет право открывать данную образовательную программу.

Контроль за реализацией образовательных программ осуществляет Министерство науки и высшего образования Казахстана, которое отслеживает следующие тенденции:

- Образовательные программы обновляются ежегодно, но не более, чем на 30%;
- Если образовательная программа обновляется на 31 и более %, меняется название программы (подается как новая образовательная программа);
- При отсутствии набора 2-3 года подряд программа закрывается, вуз может инициировать закрытие;
- Если в течение 4-5 лет образовательная программа не обновляется, ее могут закрыть (Министерство науки и высшего образования);
- Если образовательная программа закрывается, вуз не может открыть ее на протяжении 5 лет.

В связи с вышеизложенным, вузы заинтересованы не менее, чем 1 раз в 2-3 года обновлять

образовательные программы, следить за вносимыми изменениями и самим закрывать их в случае недостаточного набора или низкой эффективности реализации.

Реализация образовательных программ. Необходимо отметить, что в Казахстане реализуется только очная и вечерняя (в некоторых случаях) форма обучения. Рентабельность образовательных программ в магистратуре – 5-7 человек. Если поступает меньше обучающихся, даже если слушатель – единственный, программа все равно реализуется. Условия создания образовательных программ едины для всех вузов (и государственных, и частных).

Жесткие, но прозрачные правила экспертизы и контроля за реализацией (ограничения на обновление, обязательное закрытие при отсутствии набора или обновления) обеспечивают высокие стандарты качества и востребованности программ. Этот опыт управления качеством представляет значительный интерес для образовательных систем стран ЕАЭС.

Типы магистратур. В казахских вузах выделяют два типа магистратур: 1) профильная магистратура со сроком обучения 1 и 1,5 года; 2) научно-педагогическая магистратура со сроком обучения 2 года.

Профильная магистратура носит более прикладной характер, все дисциплины нацелены на углубление профессиональной подготовки специалистов. Обучение в профильной магистратуре можно совмещать с работой при обязательном условии посещения занятий.

Если абитуриенты в дальнейшем планируют заниматься научно-исследовательской деятельностью и преподаванием, то им необходимо поступить в магистратуру научно-педагогического направления, так как в образовательных планах данного направления больше часов выделяется на научно-исследовательскую работу, на дисциплины педагогического направления. В дальнейшем, после получения степени «магистра» по научно-педагогическому направлению, возможно продолжить обучение и поступить в докторантуру PhD.

Вместе с тем, если закончить профильную магистратуру, можно «добрать» кредиты по педагогике и другим дисциплинам научно-педагогического цикла и получить дополнение к диплому для занятий научно-исследовательской, либо преподавательской деятельностью.

В ряде вузов открыты полиязычные магистратуры (казахский, русский и английский языки одновременно). Очень востребованы 2-х дипломные программы на уровне магистратуры.

Разделение на профильную (1-1.5 года) и научно-педагогическую (2 года) магистратуру представляет интерес для РФ, обсуждающей оптимизацию сроков обучения и усиление практической ориентации программ.

Трудоустройство. В Казахстане студент, получивший образование за счет бюджетных средств, обязан отработать в течение 3 лет. Есть ряд специальностей (педагогические, медицинские, сельскохозяйственные и ветеринарные), по которым отработка должна быть строго по специальности, в то время как для других специальностей такого требования нет. Если студент продолжает обучение, то отрабатывать грант он не должен. Обязательно проводится мониторинг трудоустройства выпускников через финансовый центр Республики Казахстан. Таким образом отслеживается работа по специальности, отрабатываются гранты.

В КазНПУ им. Абая существует Центр карьеры; в КБТУ – Центр карьеры и трудоустройства; в КазНУ им. Аль-Фараби – Центр карьеры и профессионального развития, который обеспечивает привлечение работодателей к проведению различных мероприятий на базе университета с целью информирования обучающихся и выпускников КазНУ о возможностях трудоустройства и профессиональных стажировок. В ЕНУ действуют Отдел карьеры и бизнес-партнерства, в Esil функционирует Центр карьеры.

Отдел карьеры и бизнес-партнерства каждого вуза предоставляет информацию об актуальных вакансиях посредством Телеграмм-канала.

В вузах Казахстана:

- Для работодателей предоставляются возможности разместить свои вакансии на начальные, средние и топовые позиции для студентов и выпускников, а также информацию о стажировках и программах набора молодых специалистов на сайтах вузов;

- Работодатели осуществляют поиск кандидатов на вакансии с использованием баз данных отделов (центров) карьеры и бизнес-партнерства;

- Работодатели могут проводить встречи и презентации для студентов;

- Компании участвуют в Ярмарке вакансий, проводят рекрутинговые мероприятия;

- Вузы предоставляют возможность работодателям выступить с образовательными лекциями по вопросам построения карьеры.

Система мониторинга трудоустройства выпускников, обучавшихся на гранте, и связь центров карьеры вузов с работодателями – опыт, представляющий взаимный интерес для стран ЕАЭС в контексте повышения эффективности использования бюджетных средств и ответственности программ запросам рынка труда.

Заключение

В условиях глобальной турбулентности, перестройки международных альянсов и усиления конкуренции в сфере «мягкой силы», образовательное сотрудничество России и Казахстана как ядра ЕАЭС приобретает ключевое значение для сохранения общего культурно-образовательного пространства и геополитической стабильности в регионе. Несмотря на сложности внешнеполитического контекста, включая давление третьих сторон и диверсификацию международных связей Казахстана (Davydova, Kargapolova, 2022), масштабная академическая мобильность и общие структурные вызовы (демографические сдвиги, потребность в практико-ориентированных кадрах, цифровизация) создают устойчивую платформу для взаимовыгодного обмена опытом.

Современная система международных отношений, характеризующаяся переходом к полицентричности и поиском новых моделей сотрудничества вне западных институтов, делает опыт Казахстана в построении конкурентоспособной магистратуры особенно релевантным для России и других стран ЕАЭС. Учет казахстанских практик (строгий контроль качества, гибкие форматы программ, интеграция с работодателями) может стать важным ресурсом для оптимизации российского высшего образования и укрепления его позиций на евразийском рынке образовательных услуг в условиях санкционного давления и конкуренции за студентов Центральной Азии.

На основе проведенного анализа сформулированы следующие рекомендации для российских вузов (в первую очередь РУДН), на-

правленные не только на повышение качества магистратуры, но и на укрепление образовательной интеграции в ЕАЭС:

- Внедрить механизмы регулярного обновления и контроля качества магистерских программ (по аналогии с казахстанским реестром и правилами обновления/закрытия), что повысит прозрачность и облегчит взаимное признание программ в ЕАЭС.

- Создать открытый реестр образовательных программ с учебными планами как инструмент повышения доступности информации и основы для сопоставления программ в рамках ЕАЭС.

- Изучить и адаптировать опыт Казахстана по внедрению коротких (1-1.5 года) практико-ориентированных магистерских программ и полиязычных программ, как потенциально востребованных форматов для совместных образовательных инициатив в ЕАЭС.

- Рассмотреть возможность реализации программ МВА через магистратуру и развития программ второго высшего образования (2 года) как альтернативы/дополнения магистратуры, способствуя тем самым созданию гибких траекторий обучения, актуальных для рынков труда стран ЕАЭС.

- Усилить координацию маркетинга магистерских программ на уровне университета и наладить обмен лучшими практиками продвижения (включая инновационные, как конкурсы видеороликов) между вузами стран ЕАЭС.

- Развивать центры карьеры по образцу казахстанских вузов для усиления связи с работодателями и мониторинга трудоустройства, что важно для оценки эффективности программ в масштабах ЕАЭС.

Реализация данных рекомендаций не только повысит привлекательность магистерских программ в российских вузах для иностранных абитуриентов (особенно из стран Глобального Юга и СНГ), но и создаст практические предпосылки для углубления образовательной интеграции в ЕАЭС как ответа на фрагментацию глобального образовательного пространства и санкционное давление; развития совместных программ – ключевого инструмента сохранения общего научно-образовательного пространства и противодействия «утечке мозгов» в условиях геоэкономической конкуренции; расшире-

ния академической мобильности внутри ЕАЭС, укрепляющей людские и культурные связи как основу геополитической стабильности региона; взаимного признания квалификаций – критически важного элемента для формирования конкурентоспособного евразийского рынка труда в эпоху технологического суверенитета.

В контексте перехода к многополярному миру и усиления борьбы за влияние в Центральной Азии, эти меры позиционируют ЕАЭС как центр притяжения для иностранных студентов, альтернативный западным моделям, и усиливают роль России как гаранта образовательного сотрудничества на евразийском пространстве.

Литература

- QS World University Rankings. (2024). QS World University Rankings 2024: Kazakhstan. <https://www.universityrankings.ch/en/results/QS/2024?ranking=QS&year=2024®ion=&q=Kazakhstan>
- Varpahovskis E., Kuteleva A. (2023) Does Soft Power Make Authoritarian Regimes Import Universities? Framing Analysis of Discourses Around Transnational Higher Education Institutions in Kazakhstan// The Routledge Handbook of Soft Power. Pp. 356-367.
- Бурангулов, Э. Р. (2022). Государственная политика в сфере высшего образования в современном Казахстане: особенности и тенденции развития. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 1(74), 64–67. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_64
- Давыдова, Ю. А., & Каргаполова, Е. В. (2022). Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции. Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 16(2), 51–60. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-51-60>
- Единый национальный реестр образовательных программ. (2024). [data.egov.kz](https://data.egov.kz/datasets/view?index=preestr3). <https://data.egov.kz/datasets/view?index=preestr3>
- Министерство образования и науки Республики Казахстан. (2015, 6 ноября). Об утверждении критериев классификации высших учебных заведений (Приказ № 628). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012285>
- Минобрнауки. (2022, July 8). Казахстан лидирует по количеству студентов в российских вузах. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53842/>
- Независимое агентство аккредитации и рейтинга. (2024). Esil University. <https://vipusknik.kz/institutions/university/esil-university>
- Погорельская, А. М., Троицкий, Е. Ф., & Пакулин, В. С. (2024). Интернационализация системы высшего образования в Казахстане (2022–2023 гг.): преемственность курса или смена ориентиров? Высшее образование в России, 33(1), 68–86. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-68-86>
- Правительство Республики Казахстан. (2019, 11 октября). О некоторых вопросах высших учебных заведений (Постановление № 752). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000752>
- Республика Казахстан. (2011, 18 февраля). О науке (Закон № 407-IV). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000407>
- Республика Казахстан. (2019, 27 декабря). О статусе педагога (Закон № 293-VI ЗПК). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000293>
- Рубан, Л. С. (2020). Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 20(2), 416–429. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-416-429>
- Савина, О. В., & Канарова, В. Н. (2023). Сотрудничество России и Казахстана в области науки и образования. Постсоветский материк, 1(37), 60–69. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_60
- Спанкулова Л.С., Чуланова З.К., Нурмаханова М., Кангалакова Д.М. Оценка параметров будущей демографической ситуации в Казахстане // Society and Security Insights.- 2022. – Т.5. – № 4. – С. 50–69. DOI: 10.14258/ssi (2022)4-03.
- Шукушева Е.В. Сотрудничество Казахстана и ЕС в сфере образования: новые вызовы и измерения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5-1. С. 1095-1097. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kazahstana-i-es-v-sfere-obrazovaniya-novye-vyzovy-i-izmereniya> (дата обращения: 30.07.2024)

References

- QS World University Rankings. (2024). QS World University Rankings 2024: Kazakhstan. <https://www.universityrankings.ch/en/results/QS/2024?ranking=QS&year=2024®ion=&q=Kazakhstan>
- Varpahovskis, E., & Kuteleva, A. (2023). Does soft power make authoritarian regimes import universities? Framing analysis of discourses around transnational higher education institutions in Kazakhstan. In The Routledge Handbook of Soft Power (pp. 356–367).

- Burangulov, E. R. (2022). Gosudarstvennaya politika v sfere vysshego obrazovaniya v sovremennom Kazakhstane: osobennosti i tendentsii razvitiya [State policy in higher education in modern Kazakhstan: Features and development trends]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 1(74), 64–67. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_64
- Davydova, Yu. A., & Kargapolova, E. V. (2022). Sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana kak vektor evraziyskoy integratsii [Russia–Kazakhstan cooperation as a vector of Eurasian integration]. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 16(2), 51–60. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-51-60>
- Edinyy natsional'nyy reyestr obrazovatel'nykh programm. (2024). *data.egov.kz*. <https://data.egov.kz/datasets/view?index=nreestr3>
- Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan. (2015, November 6). Ob utverzhdenii kriteriev klassifikatsii vysshikh uchebnykh zavedeniy (Prikaz № 628) [On the approval of classification criteria for higher education institutions]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012285>
- Minobrnauki. (2022, July 8). Kazakhstan lideriruet po kolichestvu studentov v rossiyskikh vuzakh [Kazakhstan leads in the number of students in Russian universities]. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53842/>
- Nezavisimoe agentstvo akkreditatsii i reytinga. (2024). Esil University. <https://vipusnik.kz/institutions/university/esil-university>
- Pogorelskaia, A. M., Troitskii, E. F., & Pakulin, V. S. (2024). Internatsionalizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya v Kazakhstane (2022–2023 gg.): preemstvennost' kursa ili smena orientirov? [Internationalization of the higher education system in Kazakhstan (2022–2023): Policy continuity or a change of direction?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33(1), 68–86. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-68-86>
- Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2019, October 11). O nekotorykh voprosakh vysshikh uchebnykh zavedeniy (Postanovlenie № 752) [On certain issues of higher education institutions]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000752>
- Respublika Kazakhstan. (2011, February 18). O nauke (Zakon № 407-IV) [On science (Law No. 407-IV)]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000407>
- Respublika Kazakhstan. (2019, December 27). O statuse pedagoga (Zakon № 293-VI ZRK) [On the status of a teacher]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000293>
- Ruban, L. S. (2020). Komparativnyy analiz rossiyskoy i zapadnoy sistemy obrazovaniya i podgotovki nauchnykh kadrov [Comparative analysis of the Russian and Western systems of education and research training]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 20(2), 416–429. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-416-429>
- Savina, O. V., & Kanarova, V. N. (2023). Sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v oblasti nauki i obrazovaniya [Russia–Kazakhstan cooperation in science and education]. *Postsovet'skiy materik*, 1(37), 60–69. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_60
- Spankulova, L. S., Chulanova, Z. K., Nurmakhanova, M., & Kangalakova, D. M. (2022). Otsenka parametrov budushchey demograficheskoy situatsii v Kazakhstane [Assessment of parameters of future demographic situation in Kazakhstan]. *Society and Security Insights*, 5(4), 50–69. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)4-03](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)4-03)
- Shukusheva, E. V. (2022). Sotrudnichestvo Kazakhstana i ES v sfere obrazovaniya: novye vyzovy i izmereniya [Kazakhstan–EU cooperation in the field of education: New challenges and dimensions]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, 5(1), 1095–1097. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kazahstana-i-es-v-sfere-obrazovaniya-novye-vyzovy-i-izmereniya>

Информация об авторах:

Симонова Мария Александровна – д.и.н., доцент, директор Учебно-научного института сравнительной образовательной политики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва, Российская Федерация, e-mail: simonova-ma@rudn.ru).

Пузанова Жанна Васильевна – д.и.н., профессор, заведующая социологической лабораторией, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва, Российская Федерация, e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Ларина Татьяна Игоревна (автор-корреспондент) – к.с.н., доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва, Российская Федерация, e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Симонова Мария Александровна – т.ғ.д., доцент, Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті Салыстырмалы білім беру саясаты оқу-ғылыми институтының директоры (РУДН) (Мәскеу, Ресей Федерациясы, e-mail: simonova-ma@rudn.ru).

Пузанова Жанна Васильевна – т.ғ.д., профессор, Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университетінің әлеуметтану зертханасының меңгерушісі (РУДН) (Мәскеу, Ресей Федерациясы, e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Ларина Татьяна Игоревна (корреспондент-автор) – ә.ғ.к., Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университетінің әлеуметтану кафедрасының доценті (РУДН) (Мәскеу, Ресей Федерациясы, e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Information about the authors:

Simonova Maria Alexandrovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Educational and Scientific Institute of Comparative Educational Policy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation, e-mail: simonova-ma@rudn.ru).

Puzanova Zhanna Vasilyevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Sociological Laboratory, Peoples' Friendship University of Russia Patrice Lumumba (RUDN University) (Moscow, Russian Federation, e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Larina Tatiana Igorevna (corresponding author) – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russian Federation (RUDN University) (Moscow, Russia, e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Поступила 15 апреля 2025 г.

Принята 2 июня 2025 г.

Г. Муминова Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан
e-mail: mmg2070@mail.ru

ПЕРЕСМОТР РОЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мировой геополитический ландшафт трансформировался после событий конца XX века. Это был период прекращения существования биполярной системы. Происходит смена традиционных парадигм и их трансформация. Структура межгосударственных отношений, взаимосвязанность внутри- и внешнегосударственной деятельности, их включенность в региональные и мировые процессы усложняют мировую систему в целом. Мы становимся свидетелями беспрецедентной напряженности в мире, которая обрела геополитический характер.

Такого рода процессы не обошли и Европейский Союз (ЕС). Сущность и специфика функционирования Европейского союза и политических процессов в нём в условиях глобализирующегося мира также характеризуются быстрой сменой ситуации в социальной, экономической, энергетической, политической и др. сферах. Так как долгое время континент находится в условиях стратегической неопределённости, в состоянии всестороннего кризиса, ЕС предстоит переосмыслить свое мировоззрение, свои приоритеты и стратегию политики. В этих условиях сложного периода для Европы важное геополитическое значение обретает регион Центральной Азии, как мост между Европой и Азией.

Стремясь укрепить свое влияние в регионе Европейский Союз формирует подходы к взаимодействию с Центральной Азией, предусматривающие развитие сотрудничество в широком контексте. ЕС стремится включать в повестку отношений в регионе Афганистан, чтобы способствовать «усилиям по стабилизации в соседских отношениях в Центральной Азии. Предпринята попытка проанализировать причины неэффективности стратегий, факторы, повлиявшие на пересмотр своих позиций Евросоюзом в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, Стратегия для Центральной Азии, демократизация, Афганистан, интересы ЕС, соперничество держав.

G. Muminova

University of World Economy and Diplomacy (UWED), Tashkent, Uzbekistan
e-mail: mmg2070@mail.ru

Reassessment of the European Union's Role in Central Asia

The global geopolitical landscape has undergone a transformation since the events of the late 20th century, marking the end of the bipolar system. Traditional paradigms are being replaced and transformed. The structure of intergovernmental relations, the interconnectedness of domestic and foreign policy, and their integration into regional and global processes have complicated the global system as a whole. We are witnessing an unprecedented level of global tension that has taken on a distinctly geopolitical character.

These processes have not bypassed the European Union (EU). The nature and specificity of the EU's functioning and its political processes in a globalizing world are also marked by rapid changes in the social, economic, energy, and political spheres. As the continent has long been in a state of strategic uncertainty and multifaceted crisis, the EU is now compelled to reconsider its worldview, its priorities, and its political strategy. In this complex period for Europe, the region of Central Asia is gaining significant geopolitical importance as a bridge between Europe and Asia.

Pursuing its interests in the region, the EU has been developing strategies for Central Asia that outline its relations not only with the five Central Asian republics (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Tajikistan, and Uzbekistan), but also seek to incorporate Afghanistan into the regional agenda. This is aimed at supporting efforts to stabilize the EU's neighborhood in Central Asia. This paper attempts to analyze the reasons behind the ineffectiveness of previous strategies and the factors that influenced the EU's reassessment of its position in the Central Asian region.

Key words: European Union, Central Asia, EU Strategy for Central Asia, democratization, Afghanistan, EU interests, great power rivalry.

Г. Муминова

Әлемдік экономика және дипломатия университеті, Ташкент, Өзбекстан
e-mail: mmg2070@mail.ru

Еуропалық Одақтың Орталық Азиядағы рөлін қайта қарау

XX ғасырдың соңындағы оқиғалардан кейін әлемдік геосаяси ландшафт өзгеріске ұшырады. Бұл кезең екіпөлүсті жүйенің жойылуымен сипатталды. Дәстүрлі парадигмалар ауысып, түрлене бастады. Мемлекетаралық қатынастар құрылымы, ішкі және сыртқы саясаттың өзара байланысы, олардың өңірлік және жаһандық үдерістерге араласуы бүкіл әлемдік жүйені күрделендірді. Біз бұрын-соңды болмаған, геосаяси сипат алған әлемдік шиеленістің куәсі болып отырмыз.

Мұндай үдерістер Еуропалық Одақты (ЕО) да айналып өткен жоқ. Жаһандану жағдайындағы Еуропалық Одақтың қызмет етуінің мәні мен ерекшеліктері әлеуметтік, экономикалық, энергетикалық, саяси және басқа салалардағы жағдайлардың тез өзгеруімен сипатталады. Құрлық ұзақ уақыт бойы стратегиялық белгісіздік пен жан-жақты дағдарыс жағдайында болғандықтан, ЕО өз дүниетанымын, басымдықтарын және саяси стратегиясын қайта қарауға мәжбүр. Осы күрделі кезеңде Еуропа үшін Орталық Азия өңірі Еуропа мен Азия арасындағы көпір ретінде маңызды геосаяси мәнге ие болуда.

Еуропалық Одақ аймақтағы өз мүдделерін көздей отырып, Орталық Азия бойынша стратегиялар әзірлеуде. Бұл стратегияларда ЕО-ның Орталық Азияның бес мемлекетімен (Қазақстан, Қырғызстан, Түрікменстан, Тәжікстан және Өзбекстан) қарым-қатынастары ғана емес, сонымен қатар Ауғанстанды да аймақтық күн тәртібіне енгізу қарастырылған. Бұл шара Орталық Азиядағы көршілес мемлекеттер арасындағы қарым-қатынастарды тұрақтандыруға бағытталған. Осы зерттеуде стратегиялардың тиімді болмау себептері және Еуропалық Одақтың Орталық Азиядағы саясаттарын қайта қарауға ықпал еткен факторлар жан-жақты талданады.

Түйін сөздер: Орталық Азияға арналған стратегия, Ауғанстан, демократияландыру Еуропалық Одақ, ЕО мүдделері, державалар бәсекелестігі, Орталық Азия.

Введение

Система международных отношений переживает серьезную трансформацию. Контуры современного миропорядка определяются противоречивым набором факторов, действующих как в сторону многополярности, так и в направлении новой биполярности. Число субъектов на международной арене продолжает расти, при этом формы и направления их сотрудничества приобретают все более сложный и многогранный характер. Соперничество ведущих держав, таких как США, ЕС, РФ, КНР и др. в глобальном масштабе и их геополитическая конкуренция принимает зачастую жесткие формы.

Главная геополитическая задача указанных государств – это установление контроля над центральной частью Евразийского пространства. С геоэкономической точки зрения, приоритетом является обладание доступом к природным ресурсам и ключевым транспортным маршрутам региона. Это и становится источником очагов нестабильности, где пересекаются стремление к удержанию, укреплению или расширению сфер влияния, а также попытки минимизировать политические риски и издержки (Чжоу Цзюнь, 2017).

Центральная Азия на протяжении веков играла роль стратегического перекрестка Ев-

разийского пространства. В современных реалиях ее значимость значительно возрастает как в геополитическом, так и в геоэкономическом измерениях. Этот регион охватывает около 10% площади Азии и располагается в самом центре Евразии. Однако, Центральная Азия не имеет выхода к Мировому океану. Центральная Азия соприкасается с государствами мусульманского мира на юге, с Европой на западе, а с Российской Федерацией на севере. Ее геополитическая ценность обусловлена тем, что регион служит важным звеном в системе межконтинентальных коммуникаций, связывающих Ближний Восток и Азию с Европой. Так и срочно стратегическое значение Центральной Азии подчеркивает исторический аспект пролегание на данной территории Великого Шелкового пути. (Чжоу Цзюнь, 2017). Это повышает его роль в развитии международной транспортной и торговой инфраструктуры на Евразийском континенте. Дополнительным фактором стало начало реализации стратегической китайской инициативы «Один пояс – один путь», реформы президента Узбекистана Шавката Мирзиёева, частью которых является придание нового импульса региональному сотрудничеству, заставляет таких глобальных акторов, как Россия и Китай, США и ЕС проявлять к ЦА особое внимание.

Методы

При помощи системного подхода, которые позволяют фиксировать изменения в международных отношениях, характеризующихся трансформационными процессами, и влияющие на поведение государств при разработке своей внешнеполитической стратегии, исследованы попытки переосмысления Европейским Союзом своего мировоззрения, своих приоритетов и стратегии в регионе ЦА.

Методом геополитического анализа представлен краткий анализ эпохи разрушения и де-структуризации биполярной системы международных отношений. Произошедшие серьезные изменения в геополитической картине мира нашли отражение на политической карте. Появились новые независимые государства. Эти изменения коснулись и Центральной Азии, где ключевой задачей стало формирование собственной системы внешнеполитических связей.

Осуществлён политологический анализ современных политических процессов и явлений в сфере взаимодействия двух регионов – ЕС и ЦА, анализ научной литературы, освещающей вопросы европейской внешней политики, роли ЕС в мире. Также мы стремились выявить основные черты политики ЕС в отношении Центральной Азии, ее уязвимые места и степень новизны обновленного стратегического подхода.

С целью более глубокого исследования роли и места Европейского Союза в регионе Центральной Азии в представленной статье предпринята попытка рассмотреть и проанализировать текущую ситуацию в системе взаимоотношений между ЕС и странами ЦА региона.

При проведении этого исследования мы занимались критическим анализом соответствующей литературы, относящейся к проблеме исследования.

Мы рассмотрели множество соответствующих источников и материалов, относящихся к нашему исследованию, в частности, мы тщательно изучили данные из интернет-СМИ, отчеты ведущих аналитических центров, научные статьи и исследования центральноазиатских, российских, европейских и др. зарубежных ученых.

Собранные для нашего исследования данные предоставляют информацию относительно проблемы исследования.

Литературный обзор

Изучению европейской проблематики, также проблематики касательно роли, места Европейского Союза в мировой политике и мировой экономике посвящено множество исследований.

На начальных этапах своего формирования Европейский союз в международном пространстве предстал в качестве коллективного, принципиально нового игрока глобального управления. Но сегодня он находится в состоянии системного кризиса, что создаёт опасность фрагментации ЕС. Это также мешает Союзу действовать как единое целое и стать важным глобальным игроком. В своём нынешнем виде он остаётся экономическим и политическим гигантом, не имеющим реальной жёсткой силы (Э.Байраклы, 2020).

Столкнувшись одновременно с рядом серьезных кризисов, Европейский Союз находится в наиболее сложном этапе в истории своей интеграции. Среди данных кризисов выделяются ухудшение финансовых и экономических показателей, ухудшение отношений с россиянами вследствие конфликта в Украине. Особенно важно отметить, что иммиграционный кризис и ухудшения диалога с Москвой проходили практически синхронно. При этом степень влияния каждого из этих факторов на европейскую интеграцию является различной. (Арбатова Н.К., 2017).

Причины кризисных ситуаций, в которых находится, ЕС на современном этапе некоторые исследователи объясняют как состояние ЕС в своеобразной «точке бифуркации», что во многом обусловлено расшатанными механизмами его функционирования. Выявляются актуальные факторы движения Европейского союза по пути стратегической автономии с учётом его истории. Формируется новая политическая архитектуры на пространстве объединения (Громыко А.А., 2022).

Существует большое количество прогнозов по поводу дальнейшего существования Евросоюза. Чтобы быть одним из главных центров современного мира, Евросоюз должен стать более сплоченным, а также значительно повысить эффективность своей внешней политики. Одновременно ему предстоит решать серьезные внутренние проблемы (Буторина О.В., 2009).

Также эксперты высказывают мнение о том, что западноевропейская интеграция заверши-

лась в контексте холодной войны и популярного мирового порядка. Ее сменила новая фаза – европейская интеграция, осуществляющаяся в условиях кардинально изменившейся глобальной и общеевропейской геополитической реальности (Борко Ю., 2016).

Касательно европейской политики в Центральной Азии экспертами высказываются мнения, что пересмотр внешнеполитической стратегии политики Европейского союза, включая его подход к Центральной Азии – это новый геополитический поворот. Используя постколониальную перспективу, которая рассматривает колониальное наследие как фундаментальный фактор формирования современных международных отношений, а также метод дискурс-анализа, становится возможным прояснить влияния геополитических процессов. В частности можно определить, каким образом концепт коллективности, выдвинутый в качестве одного из ключевых приоритетов в регионе в условиях изменяющейся геополитической реальности, влияет на архитектура нормативной гегемонии Евросоюза. Кроме того, это позволяет понять, как данные процессы формируют нормативное агентство государств Центральной Азии. (Мазаник С., 2024).

Результаты и обсуждения

Сегодня происходит усиление мировых трансформационных процессов. Мировой порядок меняется. В современной системе международных отношений складывается новая конфигурация. В глобальной системе оформилась устойчивая группа государств, обладающих значительным уровнем человеческого капитала и экономического развития, продвинутыми технологическими возможностями. Такие ресурсы, раньше неизбежно превращаясь в военную силу или тесту с ней содействовали. Со времен холодной войны с рейсами узников США сформировался своеобразный кластер посвящающих стран, сознательный отказавшийся от силовых амбиций. Однако в долгосрочной перспективе этот блок может столкнуться с дилеммой: продолжать полагаться на стратегические гарантии Вашингтона или двигаться в большей степени самостоятельности в вопросах безопасности. Постепенный сдвиг таких акторов, как Европейского союза или Япония, в сторону стратегической автономности, способен существенно трансформировать архитектуру международного порядка. (Семедов С., 2023). В этих условиях ключевые игроки на международной арене пере-

сматривают свои внешнеполитические стратегии и инструменты. В частности, речь о ЕС.

Выше были обозначены растущие интерес и конкуренция мировых держав в регионе ЦА, которая сегодня представляет собой регион, где уже сформировалась внешняя политика стран и определилась его геополитическая конфигурация. Одним из проявлений этого внимания, в частности Европейского союза, к Центральной Азии стало переосмысление геополитической природы региона и его места в новой формирующейся реальности, сутью которых являются обозначенные выше глубокие мировые трансформационные процессы, которые не обошли и Центральную Азию.

Отношения между ЕС и странами ЦА были установлены после обретения последними независимости. В течение длительного времени отношения между Европейским союзом и странами Центральной Азии оставались фрагментарными и не подкреплялись единой стратегической рамкой. Приоритетные сферы взаимодействия и институциональные механизмы сотрудничества были обозначены постепенно. Отсутствие комплексного политического документа, регламентирующего формат взаимодействия, существенно ограничивало потенциал двусторонних и региональных связей. Эта институциональная ниша была заполнена в 2007 году с принятием Стратегии Европейского союза для Центральной Азии на 2007-2013 годы, ознаменовавшей собой качественно новый этап в развитии внешнеполитического курса ЕС в регионе. Взаимодействие стало реализовываться как на двусторонней основе, так и в рамках региональных форматов. Впоследствии ЕС подписал Расширенное соглашение о партнёрстве и сотрудничестве (ЕРСА) с Казахстаном и начал переговорный процесс по заключению аналогичных соглашений с Кыргызстаном и Узбекистаном, что свидетельствует о стремлении Евросоюза к углублению и институциональному оформлению стратегического диалога с государствами региона.

Изначально фокус интересов Европейского союза в Центральной Азии во многом определялся задачами обеспечения энергетической безопасности. В период с 2007 по 2010 год ЕС активно продвигал идею обеспечения прямого доступа к ресурсам Каспийского моря и государствам Центральной Азии с целью диверсификации импорта природного газа, в том числе посредством реализации проекта газопровода Nabucco. Предполагалось, что основными поставщиками станут Азербайджан, Иран и, в пер-

вую очередь, Туркменистан – при этом допускалась возможность сокращения объёмов экспорта газа в Россию в пользу европейского направления. (Й.Бунстра, Р.Панелла, 2018).

Первая стратегия Европейского союза в отношении Центральной Азии отличалась рядом характерных черт. Она охватывала лишь пять республик региона и фокусировалась на ряде ключевых направлений сотрудничества. В приоритеты были включены укрепление безопасности, поддержка верховенства закона, защита прав человека, развитие эффективного государственного управления, реализация образовательных программ, активизация инвестиционной и торговой деятельности, а также развитие энергетики, транспорта, экологическая устойчивость и рациональное водопользование. Особое внимание уделялось также формированию устойчивого межкультурного диалога. Главной целью ЕС в этом регионе было содействие укреплению стабильности и обеспечению безопасности. Стратегия также была обеспокоена нестабильностью после вывода войск НАТО из Афганистана и прихода к власти движения «Талибан» европейская политика в регионе приобрела новую направленность – особое внимание стало уделяться предотвращению распространения нестабильности на страны Центральной Азии. Всё чаще дискуссии сосредотачивались вокруг вопросов безопасности и взаимосвязи стратегического подхода ЕС к Центральной Азии с его политикой в отношении Афганистана (Колесникова Л. 2020).

Адаптируя свою стратегию под новые реалии в Афганистане, Европейский союз ставит целью поддержку международных усилий по достижению мирного урегулирования конфликта в Афганистане уделяется активному использованию потенциала взаимосвязанности между Центральной Азией, Афганистаном и Южной Азией. В этом контексте Европейский союз стремится развивать стратегическое партнёрство с Индией, рассматривая его как важный инструмент для интеграции Афганистана в региональную систему сотрудничества. Такой подход направлен на укрепление стабильности и безопасности как внутри страны, так и в более широком региональном контексте. (Щербак И., 2021).

В уже новой стратегии 2019г. «ЕС – Центральная Азия: новые возможности для сильного партнёрства» по мнению российских экспертов уделяется продвижению региональной взаимосвязанности между Центральной Азией и Афганистаном, поскольку эти регионы объеди-

няют общие интересы в обеспечении безопасности, стабильности, рациональном управлении водными ресурсами и развитии взаимовыгодных экономических и инфраструктурных связей. Одной из ключевых задач становится включение Афганистана в политический диалог между Европейским союзом и странами Центральной Азии, а также его участие в соответствующих региональных программах ЕС. В этом контексте приоритетом становится переход к формату трёхстороннего сотрудничества по линии ЕС – Центральная Азия – Афганистан. (Щербак И., 2022).

Также российскими экспертами отмечается, что Европейский союз усиливает координацию совместных с Центральной Азией мер по реагированию на кризисную ситуацию в Афганистане. Отмечается общая обеспокоенность региональными последствиями происходящих событий, а также твёрдая решимость не допустить использования афганской территории для размещения, финансирования террористических группировок и их экспансии на соседние страны. В рамках совместных действий особое внимание уделяется таким направлениям, как координация гуманитарной помощи населению Афганистана и профилактика дальнейшей дестабилизации региона. (Щербак И., 2022).

Поэтому Европейский союз и страны Центральной Азии стремятся поддержать устойчивость в регионе и предотвращении возникновения новых очагов напряжённости или роста террористической активности. ЕС активно стремится укрепить сотрудничество с Центральной Азией в сфере безопасности в Афганистане. Это поможет решить такие общие угрозы безопасности, как радикализация, насильственный экстремизм, терроризм и киберугрозы (Тамерлан Салык, 2022).

И в этом направлении, как отмечает доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД РФ Александр Князев: «существует переговорный формат Афганистан – страны региона на уровне спецпредставителей, который достаточно активно работает, и в Иране, например, его уже прямо называют «региональной контактной группой», имея в виду не эпизодичность работы, а ее регулярный, постоянный характер. Основная цель создания контактной группы – взаимодействие с талибами и оказание им помощи по водворению безопасности и стабильности, а также улучшению состояния экономики и созданию фундамента для

конструктивного развития региональных инициатив» (Панфилова В., 2024).

Что касается непосредственно Стратегии ЕС 2007-2013гг. по ЦА, многими экспертами, как европейскими, так и другими зарубежными, отмечается её неэффективность. Сами европейцы говорят, что «неполный успех Стратегии 2007 года в некоторых областях, очевидно, был обусловлен факторами, не зависящими от Брюсселя. Они лежали в плоскости политики и отношений между государствами Центральной Азии, а также были связаны с влиянием нерегиональных игроков, таких как Россия, а позднее – Китай. Существенную роль играли и Соединенные Штаты, чьи действия традиционно дополняют политику ЕС во всем мире» (Джураев Э., Мураталиева Н., 2020). Стратегия отличалась отсутствием детализированных механизмов, отвечая на широкий спектр вопросов, однако, четкие инструменты не предусмотрены. Таким образом, успешно реализовать стратегию 2007 г. не удалось, она была признана практически провальной. Европейский Союз объявил о создании новой стратегии в 2019 г., дополнив предыдущую новыми механизмами.

Новая стратегия ЕС «Евросоюз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства» была официально опубликована в мае 2019 г.

Ключевые нововведения:

- Отрешение от агрессивных усилий реформирования политических систем ЦА.
- Акцент на поддержку существующих политических акторов в вопросах безопасности.
- Признание важной роли таких субъектов региональной политики, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и китайская инициатива «Пояс и путь», которые ранее зачастую оставались вне внимания стратегий ЕС.
- Непринятие установления эксклюзивных отношений с ЕС, которые могли бы ограничить взаимодействие с другими международными инициативами, что подтверждается декларацией о совместимости расширенных соглашений ЕС с участием региональных государств и Евразийским экономическим союзом. (Мендкович Н., 2020).

Пересмотр региональной стратегии ЕС обусловлен переоценкой Брюсселем своего реального влияния в Центральной Азии, а также обусловлен принятием в 2016 г. Глобальной

стратегии ЕС и, следовательно, необходимостью адаптировать всю свою внешнеполитическую деятельность к новым реалиям. ЕС стремится укрепить свои позиции в системе международных отношений и поэтому обновляет механизмы взаимодействия с внешним миром. Центрально-азиатское направление в данной связи, не являясь ключевым, все же может быть использовано для этой цели (Воробьев П., 2022).

Общественно-политическое издание США «The Diplomat» отмечает: «ЕС движим геополитическими амбициями по корректировке своего статуса второстепенного игрока в регионе, который охватывает стратегическое географическое пространство в самом сердце Евразии, гранича с Россией на севере, Китаем на востоке и Афганистаном и Ираном на юге. До сих пор регион в значительной степени рассматривался через призму новой «большой игры» между тремя великими державами – Россией, Китаем и Соединенными Штатами. Эти три страны пытались доминировать в регионе, преследуя свои в значительной степени расходящиеся интересы, применяя классическую тактику «разделяй и властвуй»» (Комилов А., 2022). ЕС воспринимает регион как стратегическое пространство в центре Евразии, считая пять республик «соседями своих соседей», и растущий политический кризис на Западе и напористость Китая и России в регионе привели ЕС к пересмотру подхода к региону (Комилов А., 2022).

Европейский союз, имея значительные интересы в Центрально-Азиатском регионе, пересматривает свою роль в регионе. В этом направлении ЕС запустил новые проекты инициатив «Глобальные ворота» («Инициатива Team Europe по воде, энергетике и изменению климата» и «Инициатива Team Europe по цифровой взаимосвязанности»). (Струлькова А., 2024), которые Брюссель предложил странам региона для комплексного развития и взаимодействия. Разноплановая программа Европейского союза «Глобальные ворота» направлена на масштабное инвестирование в инфраструктурные проекты по всему миру с целью интеграции стран-партнёров в систему управления ЕС через распространение европейских стандартов, технологий и правовых норм. Эта инициатива также предполагает содействие в реализации «зелёного перехода» и развитие более тесного и устойчивого сотрудничества. Существенное значение для укрепления партнёрских отношений приобрела также Дорожная карта ЕС – Центральная Азия по углублению

взаимосвязей, утверждённая 2 июня 2023 года. (Ерёмина Н., 2024).

Европейский союз для Центральной Азии на 2021–2027 годы региону выделил €140 миллионов, предназначенных для реализации приоритетных направлений сотрудничества в рамках региональной программы. Одним из ключевых и активно обсуждаемых экспертным сообществом проектов является обеспечение доступа к водным ресурсам и выработка энергии с учётом гидрологических особенностей рек Сырдарья и Амударья. В настоящее время ЕС принимает участие в проекте по восстановлению Аральского моря, а также оказывает техническую поддержку в области классификации и картирования природных ресурсов, модернизации процессов добычи и переработки критически важного сырья (CRM) в соответствии с международными стандартами. Дополнительно осуществляется инвестирование в разведку стратегически значимых и критически важных ресурсов. (Ерёмина Н., 2024).

Заключение

Краткий анализ некоторых аспектов стратегии ЕС в ЦА позволяет сделать следующие выводы. С момента обретения независимости странами Центральной Азии Европейский Союз устанавливает с каждой двусторонние партнёрские отношения, которые прошли несколько важных этапов. Среди них: «Техническая помощь Содружеству независимых государств» программа TACIS (1991–2006 гг.) сыграла значительную роль в поддержке стран Центральной Азии на пути проведения политических и экономических реформ, перехода к рыночной экономике и укрепления принципов верховенства права. Одним из ключевых достижений этой инициативы стало заключение Соглашений о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и странами региона.

Следующим этапом в развитии взаимоотношений стали стратегии Европейского союза по Центральной Азии на периоды 2007–2013 годов и 2019 года. Эти документы отражали трансформации в системе международных отношений,

внутреннюю динамику европейской интеграции, а также возрастающее значение Центральной Азии на мировой арене. В результате ЕС стал рассматривать регион как целостное стратегическое пространство и выстраивать с ним системное и последовательное партнёрство.

Евросоюз приступил к выстраиванию последовательного сотрудничеству со странами Центральной Азии, которое представляется странам ЦА одним из направлений в их мультивекторной политике. И если в 1990-х годах политика ЕС рассматривал регион главным образом как источник энергоресурсов, то после 2001 года приоритетными стали сотрудничество в области безопасности, борьба с терроризмом и наркотрафиком из Афганистана.

Первый официальный саммит ЕС и пяти стран Центральной Азии прошёл в Узбекистане в апреле текущего 2025 года произошло событие, подтверждающее обоюдный геополитический интерес как стран Центральной Азии, так и Европейского союза к укреплению и углублению всестороннего сотрудничества в условиях растущей международной турбулентности. В этом страны определили спектр приоритетных сфер:

- усиление взаимодействия;
- противодействие общим угрозам;
- укрепление экономических, торговых и инвестиционных связей;
- углубление партнерства в рамках инициативы «Global Gateway»;
- наращивание человеческого капитала и мобильности.

Таким образом, как видно, подходы ЕС к центральноазиатскому региону эволюционировали. ЕС с одной стороны намерен в дальнейшем учитывать потребности региона, а с другой – рассматривает регион через призму соперничества России и Китая.

ЕС понимает, что облик региона меняется, и помимо традиционных акторов здесь имеют свои интересы такие державы, как Турция, Индия, Южная Корея и др. Для Европы это вызов. Поэтому необходимо укрепить устойчивость и диверсифицировать политические и экономические отношения между регионами.

Литература

- Чжоу, Ц. (2017). Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе. Управленческое консультирование, (3), 99. <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-mirovoy-politicheskoy-sisteme>
- Байраклы, Э. (2020). Европа и её кризисы. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-i-eye-krizisy/>

- Арбатова, Н. К. (2017). Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов. *Мировая экономика и международные отношения*, 61(10), 57–65. [https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0057_0065_\(6\)_Arbatova_ID11225.pdf](https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0057_0065_(6)_Arbatova_ID11225.pdf)
- Громыко, А. А. (2022). О проблемах и перспективах развития Европейского союза. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-problemakh-i-perspektivakh-razvitiya-evropeyskogo-soyuza/>
- Буторина, О. В. (2009). История развития Европейского союза. https://mgimo.ru/uploads/files/Borko_Butorina_Istoriya_ES.pdf
- Борко, Ю. (Ред.). (2016). Проблемы европейской безопасности = European Security Challenges (Вып. 1). ИНИОН РАН. <https://inon.ru/site/assets/files/2604/evrobezopasnost.pdf>
- Мазаник, С. (2024). Геополитический поворот Европейского союза и Центральная Азия: постколониальный взгляд. Часть 1. Вестник Санкт-Петербургского университета. *Международные отношения*, 17(3), 276–290. <https://irjournal.spbu.ru/article/view/17724/12527>
- Семедов, С. (2023). Трансформация современного мирового порядка. Вестник Удмуртского университета. *Социология. Политология. Международные отношения*, (4). <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sovremennogo-mirovogo-poryadka>
- Бунстра, Й., & Панелла, Р. (2018). Три причины, почему Европейский Союз важен для Центральной Азии. <https://www.saa-network.org/archives/12792>
- Колесникова, Л. (б.г.). Новая стратегия Европейского Союза в Центральной Азии и её влияние на евроазиатскую интеграцию. *Постсоветские исследования*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-evropeyskogo-soyuza-v-tsentralnoy-azii-i-eyo-vliyanie-na-evroaziatskuyu-integratsiyu>
- Щербак, И. (2021). Афганский кризис: перспективы новой стратегии Евросоюза. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (4). <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Shcherbak42021.pdf>
- Щербак, И. (2022). Стратегия ЕС в Центральной Азии и Афганистане: новый подход. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (1). <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-es-v-tsentralnoy-azii-i-afganistane-novyy-podkhod>
- Салык, Т. (2022). Чем объясняется растущий интерес ЕС к Центральной Азии? <https://orda.kz/chem-obyasnyatsya-rastushhij-interes-es-v-tsentralnoj-azii/>
- Панфилова, В. (2024). Переговоры ЕС и Центральной Азии по Афганистану буксуют. https://www.ng.ru/cis/2024-02-14/5_8948_asia.html
- Джурасев, Э., & Мураталиева, Н. (2020). Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf>
- Мендкович, Н. (2020). Новая стратегия ЕС в Центральной Азии. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/novaya-strategiya-es-v-tsentralnoy-azii/>
- Воробьёв, П. (2022). Политические стратегии Европейского союза в Центральной Азии. <https://www.isap.center/analytics/91>
- Комилов, А. (2022). Чем объясняется растущее присутствие Европы в Центральной Азии? <https://thedi diplomat.com/2022/11/what-explains-growing-european-engagement-in-central-asia/>
- Струлькова, А. (2024). Инициатива ЕС «Глобальные ворота» в Центральной Азии. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsosviet/iniatsiava-es-globalnye-vorota-v-tsentralnoy-azii/>
- Ерёмина, Н. (2024). «Глобальные ворота»: ЕС усиливает нажим на Центральную Азию для противостояния России. <https://eurasia.expert/es-usilivaet-nazhim-na-tsentralnuyu-aziyu-dlya-protivostoyaniya-rossii/>

References

- Zhou, J. (2017). Znachenie gosudarstv Tsentral'noy Azii v mirovoy politicheskoy sisteme [The significance of Central Asian states in the world political system]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, (3), 99. Retrieved February 19, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-mirovoy-politicheskoy-sisteme>
- Bayrakly, E. (2020). Evropa i yeye krizisy [Europe and its crises]. <https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/evropa-i-eye-krizisy/>
- Arbatova, N. K. (2017). Budushcheye yevropeyskoy integratsii v kontekste vnutrennikh i vneshnikh krizisov [The future of European integration in the context of internal and external crises]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 61(10), 57–65. [https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0057_0065_\(6\)_Arbatova_ID11225.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0057_0065_(6)_Arbatova_ID11225.pdf)
- Gromyko, A. A. (2022). O problemakh i perspektivakh razvitiya Yevropeyskogo soyuza [On the problems and prospects of the European Union's development]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-problemakh-i-perspektivakh-razvitiya-evropeyskogo-soyuza/>
- Butorina, O. V. (2009). Istoriya razvitiya Yevropeyskogo soyuza [History of the European Union's development]. Retrieved from https://mgimo.ru/uploads/files/Borko_Butorina_Istoriya_ES.pdf
- Borko, Y. (Ed.). (2016). Problemy yevropeyskoy bezopasnosti = European Security Challenges [Problems of European security]. Moscow: RAN INION. Retrieved from <https://inon.ru/site/assets/files/2604/evrobezopasnost.pdf>
- Mazanik, S. (2024). Geopoliticheskiy povorot Yevropeyskogo soyuza i Tsentral'naya Aziya: postkolonial'nyy vzglyad. Chast' 1 [Geopolitical turn of the European Union and Central Asia: A postcolonial perspective. Part 1]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 17(3), 276–290. <https://irjournal.spbu.ru/article/view/17724/12527>

Semedov, S. (2023). Transformatsiya sovremennogo mirovogo poryadka [Transformation of the modern world order]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya, (4). <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sovremennogo-mirovogo-poryadka>

Bounstra, J., & Panella, R. (2018). Tri prichiny, pochemu Yevropeyskiy Soyuz vazhen dlya Tsentral'noy Azii [Three reasons why the European Union is important for Central Asia]. <https://www.caa-network.org/archives/12792>

Kolesnikova, L. (n.d.). Novaya strategiya Yevropeyskogo soyuza v Tsentral'noy Azii i yeye vliyanie na yevroaziatskuyu integratsiyu [The new strategy of the European Union in Central Asia and its impact on Eurasian integration]. Postsovetkiye issledovaniya, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-evropeyskogo-soyuza-v-tsentralnoy-azii-i-eyo-vliyanie-na-evroaziatskuyu-integratsiyu>

Shcherbak, I. (2021). Afganskiy krizis: perspektivy novoy strategii Yevrosoyuza [Afghan crisis: Prospects of the new EU strategy]. Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN, (4). <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Shcherbak42021.pdf>

Shcherbak, I. (2022). Strategiya ES v Tsentral'noy Azii i Afganistane: novyy podkhod [EU strategy in Central Asia and Afghanistan: A new approach]. Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN, (1). <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-es-v-tsentralnoy-azii-i-afganistane-novyy-podkhod>

Salyk, T. (2022). Chem obyasnayetsya rastushchiy interes ES k Tsentral'noy Azii? [What explains the growing EU interest in Central Asia?]. <https://orda.kz/chem-obyasnyayetsya-rastushchiy-interes-es-k-tsentralnoy-azii/>

Panfilova, V. (2024). Peregovory ES i Tsentral'noy Azii po Afganistanu buksuyut [EU and Central Asia negotiations on Afghanistan stall]. https://www.ng.ru/cis/2024-02-14/5_8948_asia.html

Dzhuraev, E., & Muratalieva, N. (2020). Strategiya ES v Tsentral'noy Azii: K uspehnym realizatsii novoy strategii [EU strategy in Central Asia: Towards successful implementation of the new strategy]. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf>

Mendkovich, N. (2020). Novaya strategiya ES v Tsentral'noy Azii [The new EU strategy in Central Asia]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/novaya-strategiya-es-v-tsentralnoy-azii/>

Vorobyov, P. (2022). Politicheskiye strategii Yevropeyskogo soyuza v Tsentral'noy Azii [Political strategies of the European Union in Central Asia]. <https://www.isap.center/analytics/91>

Komilov, A. (2022). Chem obyasnayetsya rastushcheye prisutstviye Yevropy v Tsentral'noy Azii? [What explains the growing European presence in Central Asia?]. <https://thediplomat.com/2022/11/what-explains-growing-european-engagement-in-central-asia/>

Strul'kova, A. (2024). Initsiativa ES "Global'nyye vorota" v Tsentral'noy Azii [EU's "Global Gateway" initiative in Central Asia]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/initsiativa-es-globalnye-vorota-v-tsentralnoy-azii/>

Yeremina, N. (2024). "Global'nyye vorota": ES usilivayet nazhim na Tsentral'nuyu Aziyu dlya protivostoyaniya Rossii ["Global Gateway": EU increases pressure on Central Asia to counter Russia]. <https://eurasia.expert/es-usilivaet-nazhim-na-tsentralnuyu-aziyu-dlya-protivostoyaniya-rossii/>

Информация об авторе:

Муминова Гульноза – доцент кафедры Международные отношения, Университет мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан, e-mail: mmg2070@mail.ru).

Автор туралы мәлімет:

Муминова Гульноза – Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, әлемдік экономика және дипломатия университеті (Ташкент, Узбекистан, e-mail: mmg2070@mail.ru).

Information About the author:

Muminova Gulnoza – Associate Professor of the Department of International Relations, University of World Economy and Diplomacy (UWED) (Tashkent, Uzbekistan, e-mail: mmg2070@mail.ru).

Поступила 10 апреля 2025 г.

Принята 3 июня 2025 г.

**Ф.М.Н. Фарнир^{1*}, А.А. Ермакбаев¹,
С.М. Туркеева²**

¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

² Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

*e-mail: francois_farnir@yahoo.be

ГЕОПОЛИТИКА ЛОГИСТИКИ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ СИНЕРГИЯ ТРАНСПОРТНЫХ МАРШРУТОВ ЕВРАЗИИ?

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью Центральной Азии в глобальных геоэкономических процессах. Регион находится на пересечении ключевых транспортных маршрутов, соединяющих Европу, Азию и Ближний Восток. В последние десятилетия ведущие мировые державы, включая Россию, Китай, Индию, Турцию, Европейский Союз и США, проявляют возрастающий интерес к транспортной инфраструктуре региона. Международные проекты «Север-Юг» и «Новый шелковый путь» представляют собой амбициозные инициативы, направленные на создание альтернативных транспортных коридоров, способных изменить экономический ландшафт Центральной Азии и существенно повлиять на мировые цепочки поставок. Однако их реализация сопряжена с геополитическими рисками, такими как усиление конкуренции между ведущими игроками и вероятность возникновения долговой зависимости стран-участниц.

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ экономического потенциала и геополитических рисков, связанных с проектами «Север-Юг» и «Новый шелковый путь». Работа также направлена на оценку их влияния на развитие и стабильность в Центральной Азии. Важным аспектом исследования является выявление возможных точек соприкосновения и противоречий между двумя инициативами, а также определение сценариев их дальнейшего сосуществования.

Методологическая основа исследования включает сравнительный анализ, системный подход и методы геоэкономического прогнозирования. Использование данных методов позволяет провести комплексный анализ влияния международных транспортных коридоров на экономическую динамику региона и оценить потенциальные риски, связанные с их реализацией.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для политиков и бизнес-сообщества по минимизации геополитических рисков и повышению экономической эффективности международных транспортных коридоров в Евразии. Полученные результаты могут быть использованы в стратегическом планировании транспортной политики стран Центральной Азии, а также в разработке мер по оптимизации логистики и инвестиционной привлекательности инфраструктурных проектов.

Геополитические аспекты исследования включают анализ взаимодействия ключевых игроков в регионе. Проекты «Север-Юг» и «Новый шелковый путь» рассматриваются как инструменты внешнеэкономического влияния России, Китая и Индии. Взаимодействие между этими странами и их стратегические интересы в Центральной Азии могут способствовать как сотрудничеству, так и возникновению новых линий геополитического противостояния. Особое внимание уделяется влиянию транспортных коридоров на экономическую интеграцию региона и возможные механизмы урегулирования возникающих противоречий.

Таким образом, настоящее исследование позволяет более глубоко понять экономические и геополитические процессы, определяющие развитие Центральной Азии, а также выработать рекомендации по повышению эффективности международных транспортных коридоров с учетом глобальных вызовов и региональной специфики.

Ключевые слова: Индия, Россия, Китай, Новый шелковый путь, Север-Юг, Центральная Азия, торговля, взаимодополняемость, конкурентная среда.

F. Farnir^{*1}, A.A. Yermekbayev¹, S.M. Turkeeva²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

²M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

*e-mail: francois_farnir@yahoo.be

Geopolitics of Logistics: Competition or Synergy among Eurasian Transport Routes?

The relevance of this study stems from the growing role of Central Asia in global geoeconomic processes. The region lies at the crossroads of key transport routes connecting Europe, Asia, and the Middle East. In recent decades, major world powers – including Russia, China, India, Turkey, the European Union, and the United States – have shown increasing interest in the region's transport infrastructure. The international projects "North–South" and the "New Silk Road" represent ambitious initiatives aimed at creating alternative transport corridors that could reshape the economic landscape of Central Asia and significantly influence global supply chains. However, their implementation is associated with geopolitical risks, such as intensified competition among major players and the potential for participating countries to fall into debt dependence.

The aim of this study is to conduct a comparative analysis of the economic potential and geopolitical risks associated with the "North–South" and "New Silk Road" projects. The research also seeks to assess their impact on development and stability in Central Asia. An important aspect of the study is identifying possible points of convergence and contradiction between the two initiatives, as well as outlining scenarios for their future coexistence.

The methodological basis of the research includes comparative analysis, a systems approach, and methods of geoeconomic forecasting. These methods enable a comprehensive examination of the impact of international transport corridors on the region's economic dynamics and help assess the potential risks linked to their implementation.

The practical significance of the study lies in the development of recommendations for policymakers and the business community to minimize geopolitical risks and enhance the economic efficiency of international transport corridors across Eurasia. The results obtained can be used in strategic planning of transport policies in Central Asian countries, as well as in designing measures to optimize logistics and improve the investment appeal of infrastructure projects.

The geopolitical aspects of the study include an analysis of the interactions among key players in the region. The "North–South" and "New Silk Road" projects are viewed as instruments of foreign economic influence by Russia, China, and India. The interaction between these countries and their strategic interests in Central Asia can contribute either to enhanced cooperation or the emergence of new geopolitical fault lines. Special attention is given to the influence of transport corridors on regional economic integration and the possible mechanisms for resolving arising contradictions.

Thus, this study provides a deeper understanding of the economic and geopolitical processes shaping the development of Central Asia, and offers recommendations for improving the effectiveness of international transport corridors in light of global challenges and regional specificities.

Key words: India, Russia, China, New Silk Road, North–South, Central Asia, trade, complementarity, competitive environment.

Ф.М.Н. Фарнир^{*1}, А.А. Ермекбаев¹, С.М. Туркеева²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

²М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан

*e-mail: francois_farnir@yahoo.be

Логистика геосаясаты: Еуразия көлік бағыттарының бәсекелестігі ме, әлде үйлесімділігі ме?

Орталық Азияның жаһандық геоэкономикалық үдерістердегі рөлінің артуы бұл зерттеудің өзектілігін айқындайды. Аймақ Еуропа, Азия және Таяу Шығысты байланыстыратын негізгі көлік маршруттарының тоғысында орналасқан. Соңғы онжылдықтарда Ресей, Қытай, Үндістан, Түркия, Еуропалық Одақ және АҚШ сынды жетекші әлемдік державалар аймақтың көлік инфрақұрылымына ерекше қызығушылық танытып отыр. «Солтүстік–Оңтүстік» және «Жаңа Жібек жолы» халықаралық жобалары Орталық Азияның экономикалық ландшафтына әсер етіп, жаһандық жеткізу тізбектерін қайта құруға бағытталған баламалы көлік дәліздерін құруға арналған ауқымды бастамалар болып табылады. Алайда бұл жобалардың жүзеге асуы геосаяси қауіп-қатерлермен, атап айтқанда, жетекші ойыншылар арасындағы бәсекелестіктің күшеюі және қатысушы елдердің борыштық тәуелділікке түсу ықтималдығымен ұштасады.

Осы зерттеудің мақсаты – «Солтүстік–Оңтүстік» пен «Жаңа Жібек жолы» жобаларының экономикалық әлеуеті мен геосаяси қауіптерін салыстырмалы талдау. Сондай-ақ бұл жұмыс олардың

Орталық Азиядағы даму мен тұрақтылыққа тигізетін ықпалын бағалауға бағытталған. Зерттеудің маңызды қырларының бірі – осы екі бастаманың өзара ықпалдасу мен қайшылық нүктелерін анықтау және олардың болашақтағы қатар өмір сүру сценарийлерін анықтау.

Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы талдау, жүйелік тәсіл және геоэкономикалық болжау әдістері құрайды. Бұл әдістер халықаралық көлік дәліздерінің аймақтың экономикалық дамуына әсерін кешенді түрде талдауға және олардың жүзеге асуына байланысты ықтимал қауіптерді бағалауға мүмкіндік береді.

Зерттеудің практикалық маңыздылығы – саясаткерлер мен іскер қауымдастық үшін Еуразиядағы халықаралық көлік дәліздерінің экономикалық тиімділігін арттыру және геосаяси тәуекелдерді азайту бойынша ұсынымдар әзірлеу. Алынған нәтижелер Орталық Азия елдерінің көлік саясатын стратегиялық жоспарлауда, сондай-ақ логистиканы оңтайландыру және инфрақұрылымдық жобалардың инвестициялық тартымдылығын арттыру шараларын жасауда қолданылуы мүмкін.

Геосаяси аспектілерге аймақтағы негізгі ойыншылардың өзара іс-қимылын талдау кіреді. «Солтүстік–Оңтүстік» және «Жаңа Жібек жолы» жобалары Ресей, Қытай және Үндістанның сыртқы экономикалық ықпал ету құралдары ретінде қарастырылады. Бұл елдердің Орталық Азиядағы өзара іс-қимылы мен стратегиялық мүдделері ынтымақтастықты күшейтуі немесе жаңа геосаяси қақтығыс желілерінің пайда болуына алып келуі мүмкін. Негізгі назар көлік дәліздерінің аймақтық экономикалық интеграцияға әсеріне және туындайтын қайшылықтарды реттеу тетіктеріне аударылады.

Осылайша, бұл зерттеу Орталық Азиядағы экономикалық және геосаяси үдерістерді тереңірек түсінуге мүмкіндік береді және жаһандық сын-қатерлер мен өңірлік ерекшеліктерді ескере отырып, халықаралық көлік дәліздерінің тиімділігін арттыру жөнінде ұсынымдар әзірлеуге жол ашады.

Түйін сөздер: Үндістан, Ресей, Қытай, Жаңа Жібек жолы, Солтүстік–Оңтүстік, Орталық Азия, сауда, өзара толықтыру, бәсекелестік орта.

Введение

Торговая конкуренция между Китаем и Индией за европейский рынок обостряется на фоне стремления обеих стран укрепить свои позиции в глобальной экономике и усилить экспортные возможности. В этом контексте сформировались два значимых конкурентных проекта, направленных на улучшение транспортной связанности Евразии: Новый шелковый путь и коридор «Север-Юг».

Инициатива «Нового шелкового пути», была предложена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году во время своего визита в Астану, оно представляет собой крупномасштабную геоэкономическую стратегию, которая ориентируется на расширение и диверсификацию торговых путей между Китаем и Европой, и на углубление экономического сотрудничества со странами которые находятся вдоль этих маршрутов. Это грандиозный проект, известен также под названием «Один пояс – один путь», который охватывает широкий спектр инфраструктурных инициатив, включающих строительство железных дорог, автомагистралей, морских портов, нефте и газо трубопроводов и телекоммуникационных систем. Важность данной инициативы выходит за рамки логистических задач, она также служит

формой расширения глобального экономического и политического влияния официального Пекина, что вызывает как поддержку, так и обеспокоенность со стороны различных государств.

Инициатива не только способствует развитию инфраструктуры, но и нацелена на гармонизацию торговых правил, снижение тарифных барьеров и облегчение трансграничных инвестиций, что в совокупности должно стимулировать экономический рост и процветание в регионе.

Основная цель, преследуемая официальным Пекином, заключается в попытке диверсификации торговых маршрутов Китая идущих в сторону Европы. Используемый ныне и основной традиционный морской путь, подвержен геополитическим рискам и проблемам, которые включают в себя, такие проблемы как «спорные территории» в Южно-Китайском море, которые в следствии могут стать источником или фактором дестабилизации. Помимо этого, Индия, считающаяся конкурентом Китая, потенциально может заблокировать этот путь благодаря контролю над стратегическими Андаманскими и Никобарскими островами. Следует также отметить, что Малаккский пролив, Аденский залив и побережье Сомали представляют собой регионы с высокой угрозой пиратских нападений, а йеменские хуситы могут атаковать суда в этих

водах. Хотя по отношению к китайским контейнеровозам попыток атак не предпринимались. Также надо учитывать, перегруженность Малаккского пролива и Суэцкого канала которые также создают дополнительные сложности. Новый шелковый путь (НШП) включает несколько маршрутов, проходящих через территорию Российской Федерации, Пакистана, Северный морской путь, Центральную Азию и другие регионы. Инициатива также направлена на развитие стран, через которые он проходит, с целью формирования новых рынков для китайской торговли, таким образом формируется зона особого экономического присутствия Китая.

Проект «Север-Юг», инициированный в 2000 году Россией, Индией и Ираном, представляет собой многостороннюю транспортную инициативу, направленную на установление эффективного мультимодального транспортного коридора, соединяющего Индийский океан и Персидский залив через Иран с Российской Федерацией и далее с Северной Европой.

К данному соглашению присоединились одиннадцать дополнительных государств, среди которых, такие страны как Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Турция, Украина, Беларусь, Оман, Сирия и Болгария. Международный транспортный коридор «Север-Юг» имеет цель сокращение времени и задержек при перевозке грузов между Индией и Россией, и с другими странами, расположенными вдоль маршрута, по сравнению с традиционным морским путем через Суэцкий канал. Ключевая задача проекта, это сформировать конкурентоспособную альтернативу ныне существующим логистическим направлениям, предлагая более быстрый и экономически эффективный способ доставки товаров на рынки Европы. Реализация коридора будет способствовать росту товарооборота между Дели и Москвой, и другими странами-участницами, таким образом стимулируя экономическое развитие стран региона. Помимо этого, данный маршрут рассматривается как стратегически важный канал для движения товаров по направлению Индия-Иран-Азербайджан-Россия-Европейский Союз.

Это особенно важно для Индии, стремящейся развивать свои экономические коридоры и инфраструктуру морского транспорта, учитывая ее географическое положение и растущую роль в мировой экономике. Реализация проекта предполагает развитие транспортной инфраструкту-

ры, включая железные дороги, автомобильные дороги, порты и терминалы, а также упрощение таможенных процедур и снижение торговых барьеров. Значительное внимание уделяется строительству железной дороги Решт-Астара в Иране, которая является ключевым звеном в коридоре «Север-Юг». Завершение этого участка позволит обеспечить непрерывное железнодорожное сообщение между Индией и Россией через Иран и Азербайджан. Инфраструктура играет одну из самых примечательных ролей в развитии страны, поэтому ее называют «жизненно важной линией страны» (Belov & Binish, 2022).

Современный геополитический ландшафт характеризуется усилением взаимосвязанности и взаимозависимости между различными регионами мира, что обусловлено развитием технологий, расширением торговли и углублением интеграционных процессов. В этом контексте Центральная Азия приобретает особое значение в качестве ключевого звена в формирующейся системе глобальных экономических связей. Располагаясь на стыке Европы и Азии, регион обладает уникальным геостратегическим положением, которое делает его важным участником трансконтинентальных транспортных и энергетических проектов (Ikromov, 2019). Интерес к региону проявляют как ближайшие соседи, так и крупные мировые державы, стремящиеся укрепить свои позиции в Центральной Азии и использовать её потенциал для реализации собственных геополитических и геоэкономических целей. Центральная Азия, находящаяся между Россией, Китаем, Закавказьем, с выходом на Турцию, Афганистаном и Пакистаном, с выходом к Аравийскому морю, занимает стратегическое географическое положение (Faganova, 2021). Этот регион не имеет прямого выхода к Мировому океану, но богат природными ресурсами (Khetran & Khalid, 2019). Государства Центральной Азии стремятся к активному участию в международных отношениях, что способствует их развитию и укреплению государственности (Cornell & Frederick Starr, 2020).

Их реализация способна оказать значительное влияние на экономическое развитие региона и существенно изменить глобальные цепочки поставок, однако сопряжена с геополитическими рисками, включая усиление конкуренции за влияние в регионе и возможность долговой зависимости стран-участниц.

Новизна данного исследования заключается в комплексном сравнительном анализе двух

ключевых международных инфраструктурных инициатив – НШП и INSTC – с акцентом на их экономический потенциал и геополитические риски, а также оценке их влияния на развитие и стабильность в Центральной Азии. Сравнительный анализ экономических и геополитических аспектов этих двух проектов, особенно в контексте Центральной Азии, остается недостаточно изученным.

Объектом исследования являются международные инфраструктурные инициативы «Север-Юг» и «Новый шелковый путь», а также страны Центральной Азии. Предметом исследования выступают экономический потенциал данных проектов, геополитические риски и их влияние на развитие региона. Гипотеза данной работы заключается в том, что сосуществование проектов «Новый шелковый путь» и «Север-Юг» может стать источником напряжения в Центральной Азии.

Данная работа имеет практическую значимость, поскольку результаты анализа могут быть использованы для разработки рекомендаций по минимизации геополитических рисков и повышения экономической эффективности международных транспортных коридоров в Евразии.

Концептуальная основа исследования

В работе над исследованием авторы исходили из следующих концепций: концепция взаимодополняемости транспортных коридоров предполагает, что различные транспортные маршруты и инфраструктурные проекты могут дополнять друг друга, усиливая эффективность международной торговли и экономического сотрудничества. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда страны стремятся диверсифицировать свои транспортные сети для повышения устойчивости. Концепция конкуренции между международными торговыми маршрутами подразумевает, что различные транспортные коридоры соперничают за долю в глобальной торговле, привлекая грузопотоки и инвестиции.

Конкуренция между странами сегодня проявляется не только в борьбе за экономические выгоды – это, как снижение расходов на перевозку, – но и в стремлении к политическому влиянию на стратегически важные регионы. В ответ на санкции и изменения в глобальной обстановке Россия разработала стратегию «Поворот на Восток» (Lo, 2015), которая направле-

на на углубление сотрудничества с азиатскими державами, в частности с Китаем и Индией. Индия, в свою очередь, еще в 2014 году инициировала политику «Смотри на север» (Look North Policy, MEA India, 2014), чтобы укрепить связи с Центральной Азией и Россией и тем самым укрепить свое присутствие на Евразийском пространстве и обеспечить энергетическую устойчивость. Можно утверждать, то, что со временем эта инициатива переросла в более активную стратегию – «Действуй на Север» (Act North Policy). Иран также сделал выбор в пользу Востока. Суть его стратегии «Взгляда на Восток» направлена на сближение с азиатскими странами, чтобы преодолеть международную изоляцию и занять более уверенные позиции на мировой арене. Китай же предложил масштабную концепцию «Общее процветание» – та инициатива предлагает миру новый путь к решению глобальных проблем – через сотрудничество, а не соперничество.

Концепция «многовекторности» является стратегией стран Центральной Азии, позволяющей им балансировать между различными геополитическими центрами, минимизируя зависимость от одного партнера.

Концепция многополярности, которая подразумевает наличие нескольких центров силы в мировой политике, и это дает возможность странам противодействовать гегемонии стран Запада и отстаивать общие принципы равноправия, суверенитета и многостороннего сотрудничества. В рамках указанного подхода особое внимание также уделяется децентрализации глобального управления и вопросам укрепления роли региональных акторов.

Теоретической основой исследования выступают неolibеральный институционализм и китайская теория международных отношений. Неolibерализм, который развивает идеи классического либерализма, делает акцент на значении международных институтов, сотрудничества и взаимозависимости как факторов, которые способствуют стабильности всей международной системы. Как направление, оно возникло как реакция на доминирование реалистских парадигм, включая неореализм, и предлагает более оптимистичный взгляд на перспективы межгосударственного взаимодействия. Среди ключевых представителей данного направления можно выделить Роберта Кеохейна и Джозефа Ная (Keohane & Nye, 1987), которые подчеркивают важность институциональных механизмов

и многосторонней дипломатии в обеспечении международного порядка.

Китайская теория международных отношений, известная как «моральный реализм» или «этический реализм», представляет собой оригинальный подход, сочетающий принципы традиционного классического реализма с конфуцианскими морально-этическими установками, это так называемый симбиоз. В центре данной парадигмы, это идея о том, что внешняя политика государства должна учитывать не только свои национальные интересы, но и моральную ответственность государств перед другими участниками международной системы.

Методы исследования

В данном исследовании, авторы опираются на широкий спектр источников, включая статистические данные, официальные документы, аналитические доклады и научные публикации. Основным методом, это метод сравнительного анализа международного транспортного коридора «Север-Юг» и китайс

Данные, использованные в данной работе, основаны на первоисточниках, официальных документах и научных статьях, что повышает достоверность выводов. Применяемая методология способствует формированию стратегических решений о сотрудничестве и конкуренции между странами, а также расширяет методологическую базу исследований транспортных коридоров. Таким образом, данная методология актуальна как для научных исследований, так и для практического применения в сфере международной торговли, логистики и геополитики.

Гипотеза данного исследования основывается на предположении, что, несмотря на существующую критику транспортно-логистических проектов, в которых участвуют Китайская Народная Республика, Индия и Российская Федерация, коридоры «Север-Юг» и «Восток-Запад», пересекающиеся на территории Казахстана и стран Центральной Азии, не следует рассматривать как конкурирующие. Напротив, их следует воспринимать как взаимодополняющие инициативы, способствующие интеграции и развитию региональной экономики.

Обзор научной литературы

Литература касательно деятельности транспортных коридоров очень богата, в основном

изучением данной темы заняты исследователи стран, имеющих непосредственное отношение к проектам, рассматриваемым в данном исследовании. В своей работе «Международный транспортный коридор «Север-Юг»» А.Ю. Вискова предлагает определение международных транспортных коридоров (МТК) и мультимодальных транспортно-логистических центров (МТЛЦ), рассматривает три маршрута коридора «Север-Юг» (МТКСЮ) и их особенности. В её анализе делается вывод, что наиболее целесообразным является использование западного коридора через Кавказ, так как он позволяет сократить логистические издержки и время доставки товаров. В свою очередь, Ху Дэкун и Чжу Сяочао в своей работе исследуют геополитическую стратегию Индии в контексте её отношений с США, Россией и Китаем. (Вискова, 2019)

Кашиф Хасан Хан (Khan, 2024) акцентирует внимание на потенциале порта Чабыхар, а Даниял Ранджбар Мешкин (Meshkin, 2024) подчеркивает роль западных санкций в реализации проекта МТКСЮ. В своей работе «Центрально-азиатские логистические проекты и Новый шелковый путь» Виктор Борисович Базаров детально описывает проекты ТРАСЕКА, подчеркивая, что их потенциал зависит от реализации Нового Шелкового Пути (ОПОП), а также от Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), которое играет роль сдерживающего фактора для влияния России и Китая в Центральной Азии.

Андрей Олегович Строганов вместе с Диной Малышевой обращает внимание на другие важные направления развития российской транспортной инфраструктуры. В их поле зрения – Транссибирская магистраль, Байкало-Амурская магистраль и Северный морской путь, которые рассматриваются как стратегические альтернативы в условиях растущего интереса к проекту «Нового шелкового пути». Исследователи подчеркивают, что участие России в этом проекте сопряжено как с новыми возможностями, так и с определёнными рисками (Базаров, 2018; Строганов, 2016).

Китайский автор Цзинь Лин в работе с выразительным заголовком «一带一路: 中国的马歇尔计划?» («ОПОП: Китайский план Маршала?») ставит под сомнение правомерность параллелей между китайской инициативой и американским послевоенным планом. По его мнению, в отличие от Плана Маршала, который был средством политического влияния США с

целью сдерживания СССР, китайская инициатива строится на принципах многостороннего партнёрства и не навязывает политических условий (Лин, 2015).

Рафаэлло Пантуччи изучает эволюцию связей Китая с государствами Центральной Азии, особо выделяя роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как ключевой площадки для регионального диалога. А исследователи Рамакрушна Прадхан и Сиба Шанкар Моханти рассматривают инициативу «Один пояс – один путь» сквозь призму классической геополитики, в частности теории «Хартленда», и анализируют, как ШОС вписывается в эту стратегическую картину (Пантуччи, 2021; Шанкар, 2021).

Российский автор, Андрей Валентинович Грозин делает акцент на потенциале Международного транспортного коридора «Север–Юг», подчеркивая, что он выгоден для всех его участников, особенно для стран ЕАЭС и Ирана. По его мнению, проект открывает значительные экономические перспективы и одновременно способствует укреплению взаимодействия между Россией и прикаспийскими государствами.

Дина Малышева отмечает, что МТКСЮ может стать альтернативой Суэцкому каналу, особенно с учетом контроля западных держав над традиционными морскими маршрутами, что делает проект особенно актуальным для России, стремящейся восстановить свои логистические каналы после разрыва с европейскими партнерами (Грозин, 2012) (Малышева, 2021).

Среди сложностей проекта МТКСЮ выделяются политические риски, санкции, а также различия в инфраструктуре стран-участников, что может затруднить его реализацию. В то же время, по мнению авторов, МТКСЮ представляет собой сбалансированный проект, в отличие от ОПОП, в котором Китай играет ведущую роль. Это позволяет надеяться на сближение и кооперацию между двумя проектами.

Дискуссия

Среди возможных сценариев развития коридора «Север–Юг» и инициативы «Новый шелковый путь» (НШП) наименее вероятными являются провал одного из этих проектов или их одновременный крах, учитывая быстрый рост и значительный экономический потенциал обоих направлений. В связи с этим следует сосредоточиться на трех остальных сценариях: интеграция международного транспортного коридора

«Север–Юг» (МТКСЮ) в НШП, мирное сосуществование этих проектов и конкуренция между ними.

На текущий момент интеграция МТКСЮ в НШП представляется наименее вероятным сценарием. Существует несколько потенциальных путей подключения коридора «Север–Юг» к НШП:

- В перспективе транспортный коридор «Север – Юг» может быть логически связан с Морским шелковым путем XXI века – за счёт выхода через индийские или иранские порты. Такое соединение откроет новые возможности для морских и сухопутных маршрутов в рамках широкой евразийской логистики.

- Слияние маршрута «Китай – Мьянма – Бангладеш – Индия» с инициативой «Один пояс – один путь» и Международным транспортным коридором «Север–Юг» представляет собой ключевую возможность для укрепления региональной взаимосвязанности и экономической интеграции на пространстве Азии. Развитие данного маршрута обладает высоким потенциалом для согласования целей и интересов коридора «Север – Юг» с более широкими задачами ОПОП. Такая синергетическая интеграция способна открыть беспрецедентные перспективы в сфере упрощения торговли, модернизации инфраструктуры и углубления геополитического взаимодействия между странами-участницами.

- Экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма (BCIM) представляет собой концепцию субрегионального сотрудничества в рамках форума регионального взаимодействия Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, продвигаемую совместно правительствами четырёх стран. Он является одним из шести ключевых экономических коридоров в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Данный коридор связывает регионы Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, что способствует не только интенсификации торговых потоков, но и развитию культурного обмена между ними (Alam, 2019).

- Рассмотрим потенциал сопряжения существующего Срединного коридора инициативы «Один пояс – один путь» с восточной веткой международного транспортного коридора «Север – Юг» на территории Казахстана, а также с западной веткой, пролегающей через Азербайджан, для выявления перспектив развития трансевразийских перевозок и оптимизации ло-

гистических маршрутов. Срединный коридор, являясь частью китайской инициативы, направлен на интеграцию Евразийского континента в экономическом и транспортно-логистическом плане. МТКСЮ, в свою очередь, представляет собой мультимодальный маршрут, соединяющий Индию, Иран, Азербайджан, Россию и другие страны (Abrahamyan & Petrosyan, 2023). Сопряжение этих двух коридоров может создать синергетический эффект, увеличив пропускную способность, снизив транспортные издержки и повысив надёжность поставок. Расположенные между Европой, Россией и Южной Азией, пять стран Центральной Азии заинтересованы в развитии и участии в более широких трансконтинентальных торгово-транзитных коридорах.

- Кроме того, рассматривается возможность интеграции коридора «Север-Юг» с южными маршрутами, проходящими через Иран или Туркменистан. Особенно перспективной выглядит восточная ветка МТКСЮ, где Узбекистан может стать важным узловым звеном между различными транспортными системами региона.

- Существующий Срединный коридор инициативы НШП также может быть технически и логистически сопряжён с восточной веткой МТКСЮ на территории Казахстана или с западной – в Азербайджане. Это откроет дополнительные транзитные возможности для всего региона.

- Наконец, Северный коридор, проходящий через Россию, имеет потенциал интеграции с МТКСЮ в пределах российской территории, что придаст дополнительную связность евразийской транспортной архитектуре и укрепит трансконтинентальные связи.

Следует отметить, что при правительстве Сингха Индия и Китай активно сотрудничали в рамках НШП, однако правительство Моди проявляет осторожность в отношении китайских проектов, опасаясь роста влияния Китая.

Индия и Китай, это две огромные страны с давней историей, впечатляющим экономическим ростом и растущим экономическим и политическим влиянием в мире. Но надо отметить что между ними есть и сложности: такие как территориальные споры, разные интересы и особенно, это близкие отношения Китая с Пакистаном, с которым у Индии напряжённые отношения, длящиеся уже десятилетиями. Несмотря на это, обе страны входят в БРИКС и ШОС, где им приходится обсуждать общие проблемы и искать точки соприкосновения. Также две

страны являются основными акторами глобального юга.

Когда речь заходит о крупных инфраструктурных проектах, таких как китайская инициатива «Один пояс – один путь» и индийский транспортный коридор «Север-Юг», неизбежно возникает вопрос: будут ли эти страны сотрудничать или конкурировать? Ведь на первый взгляд экспертам кажется, что интересы Пекина и Дели сталкиваются.

Бесспорно, соперничество между такими крупными игроками, это вещь вполне ожидаемая. Но оно может проявляться в политике, экономике и даже логистике. Но это не значит, что всё сведётся к конфронтации. Наоборот, учитывая сложную ситуацию в мировой экономике, санкции, конфликты и внутренние трудности, обе страны понимают: мирное сосуществование и взаимная выгода предпочтительнее напряжённости. Индия, например, сталкивается с ограниченными финансовыми возможностями для продвижения собственных мегапроектов, что делает её особенно заинтересованной в сотрудничестве и поиске надёжных партнёров.

Хотя китайский проект намного масштабнее, это не исключает возможностей для Индии. Эти две страны имеют схожие цели, как доступ к ресурсам Ирана, России, стран Центральной Азии, и вполне могут сосуществовать, не мешая друг другу. Более того, у них разные сильные стороны: Индия известна своей фармацевтикой, а Китай – промышленным производством и технологиями. Они возможно могут не конкурировать, а дополнять друг друга точно.

Важно помнить, ни Индия, ни Китай не заинтересованы в дестабилизации региона. Угрозы терроризма, международные санкции, политическая нестабильность, всё это общее для обеих стран. Поэтому сотрудничество может быть не просто возможным, а важной необходимостью. Тем более что конечная цель обоих проектов, это создать больше маршрутов, больше партнёрств и больше создавать экономических возможностей.

Так что, несмотря на противоречия и осторожность, путь Индии и Китая в Евразии вполне может быть не тропой соперничества, а дорогой осознанного взаимоуважения и прагматичного сотрудничества.

России, Ирану и странам Кавказа и Центральной Азии выгодно одновременно сотрудничать как с Китаем, так и с Индией, а также между собой, чтобы избежать зависимости от

одной страны. Аналогично, как НШП, так и коридор «Север-Юг» делятся на несколько коридоров, что позволяет ни Индии, ни Китаю зависеть от единственного маршрута. Это является вопросом экономической безопасности. По этой причине средний коридор НШП не угрожает северному коридору, а южный коридор не представляет угрозы для среднего коридора. Все коридоры НШП и МТКСЮ дополняют друг друга.

Между ними, а также между МТКСЮ и НШП, происходит не конкуренция, а диффузия: все маршруты используются для обеспечения альтернатив в случае возникновения проблем с одним из них. Торговля между странами-участницами МТКСЮ и НШП осуществляется по тем же принципам. У этой политики есть два основных результата: первый – это распределение прибыли от маршрутов и коридоров между членами МТКСЮ и НШП, второй – это гарантия торговой безопасности и экономической независимости на фоне торговой интеграции. Иными словами, увеличивая количество стран-партнеров, маршрутов и коридоров, государства обеспечивают себе экономическую безопасность и независимость, способствуя интеграции между странами и процессам регионализации и глобализации.

В рамках проведённого исследования был осуществлён всесторонний контент-анализ двух масштабных инфраструктурных инициатив – Международного транспортного коридора «Север – Юг» и китайской инициативы «Один пояс, один путь». Особое внимание было уделено позициям стран-участниц, историческим предпосылкам формирования этих проектов, а также существующим и потенциальным маршрутам. Сравнительный анализ позволил выявить как схожие элементы в их структуре и целях, так и принципиальные отличия, обусловленные геополитическими интересами и экономическими приоритетами. На основе полученных данных были сформулированы пять возможных сценариев взаимодействия между двумя маршрутами, отражающих как риски, так и точки соприкосновения этих инициатив.

Заключение

Геополитический ландшафт Центральной Азии претерпевает сложную трансформацию, обусловленную возрастанием влияния внешних акторов, стремящихся к доминированию в регионе. Пересечение стратегических интересов

ведущих мировых держав – России, Китая и Соединённых Штатов – существенно повысило геополитическую значимость Центральной Азии. Подъём Китая и Индии как экономических держав ознаменовал начало новой эпохи конкуренции за ресурсы, рынки и политическое влияние в регионе. При этом государства Центральной Азии уже не являются пассивными наблюдателями, а, напротив, играют активную роль в региональных процессах, формируя собственные институты и стратегии для адаптации к сложной внешнеполитической среде (Cornell & Frederick Starr, 2020).

Благодаря своему географическому положению – на перекрёстке Евразии – регион выступает ключевым сухопутным мостом между Европой и Азией, что делает его важным транзитным узлом для торговли и энергетических потоков. Это обстоятельство привлекает внимание стран, стремящихся к расширению своей взаимосвязанности и укреплению доступа к новым рынкам.

Инфраструктурное строительство стало одним из центральных инструментов геополитической конкуренции в Центральной Азии. Индия и Китай используют свои экономические ресурсы для продвижения стратегических интересов через развитие логистических и торговых маршрутов. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), основанная на масштабных инвестициях в инфраструктуру, преследует цель углубления транспортной связанности между Китаем и Центральной Азией, параллельно усиливая экономическое и политическое присутствие Пекина в регионе. В то же время Индия реализует проекты, такие как порт Чабахар в Иране, стремясь создать альтернативные маршруты доступа в Центральную Азию в обход Пакистана и тем самым расширить свои экономические связи с региональными рынками (Kennan Cable No.23: Putin's Middle East Triangle, 2025).

Конкуренция между этими инфраструктурными инициативами способна спровоцировать геополитическую напряжённость, поскольку страны стремятся закрепить контроль над ключевыми транспортными артериями и ресурсами. Взаимодействие между различными моделями региональной взаимосвязанности формирует сложную сеть альянсов и соперничеств, в рамках которой государства Центральной Азии вынуждены вести тонко выверенную внешнюю политику, балансируя свои отношения с различными внешними акторами.

Реализация INSTC и BRI может существенно повлиять на экономическую динамику региона и трансформировать глобальные логистические цепочки, создавая как новые возможности, так и геополитические вызовы.

Научная новизна работы заключается в комплексном сравнении экономического потенциала и геополитических последствий двух крупнейших транспортных инициатив.

В рамках исследования особое внимание было уделено влиянию транспортных инициатив на устойчивость и развитие Центральной Азии – региона, который играет всё более значимую роль в евразийской логистике, но при этом остаётся недостаточно изученным в научной литературе с точки зрения геополитического и экономического воздействия проектов «Север – Юг» и «Один пояс – один путь».

Перспективные направления дальнейших исследований. Провести сравнительный анализ экономической политики Китая и Индии в таких странах, как Иран, государства Центральной Азии, Южного Кавказа и Россия. Это позволит более точно оценить масштабы торговой и инвестиционной конкуренции между Пекином и Нью-Дели в рамках реализации маршрутов ОПОП и «Север – Юг».

Сопоставить проекты «Север – Юг» и ОПОП с другими транспортными инициативами, действующими в регионе, например, с ТРАСЕКА, чтобы определить их вклад в формирование новой транспортно-логистической архитектуры Евразии.

В контексте современной геополитической динамики, взаимодействие между Китаем и Индией в Евразии представляет собой сложный и многогранный процесс, подверженный влиянию как внутренних факторов, так и внешнего вмешательства третьих сторон. Рассмотрение перспектив сближения этих двух держав требует анализа не только их стратегических интересов, но и потенциальных угроз и возможностей, возникающих в результате действий других государств, стремящихся повлиять на региональный баланс сил. Концептуальные проблемы нарастания тенденций новой «холодной войны» и формирования Евразийской дуги нестабильности в XXI веке вызывают постоянный интерес международных экспертов, историков, политологов, поскольку глобальное противостояние ведущих мировых держав все больше затрагивает не только политические и экономические аспекты, но и вопросы безопасности и военного присутствия.

Литература

- Abrahamyan, V., & Petrosyan, S. (2023). A comparative assessment of the efficiency of the “South-West” and “North-South” transport corridors and prospects for their development. *E3S Web of Conferences*, 403, 7027. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340307027>
- Alam, M. S. (2019). China-Bangladesh Relation: a Quest for Bangladesh’s Integrating into Sino-Myanmar Connectivity. *Bangladesh Journal of Public Administration*, 27(1). <https://doi.org/10.36609/bjpa.v27i1.6>
- Asmus, G., Eichenauer, V. Z., Fuchs, A., & Parks, B. C. (2021). Does India Use Development Finance to Compete With China? A Subnational Analysis. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3866397>
- Belov, V. I., & Binish. (2022). India, Russia and Iran: a New Study on “North — South” International Transport Corridor. *Information and Innovations*, 16(4), 18. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25>
- Cornell, S. E., & Frederick Starr, S. (2020). Kazakhstan’s Role in International Mediation under First President Nursultan Nazarbayev.
- Faronova, Yu. V. (2021). Geographic features of Central Asian countries and China’s geopolitical interests in the region. *Doklady Bashkirskogo Universiteta*, 334. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2021.5.7>
- Ikromov, J. (2019). Tajikistan’s Perspective on Eurasia. *India Quarterly A Journal of International Affairs*, 75(1), 100. <https://doi.org/10.1177/0974928418821470>
- Kennan Cable No.23: Putin’s Middle East Triangle. (2025).
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1987). *Power and interdependence: World politics in transition* (3rd ed.). Little, Brown.
- Khan, K. Kh. (2024, September 4). A Discourse on Economic Corridors: INSTC and Chabahar Port. *Saudi Journal of Economics and Finance*. https://www.researchgate.net/profile/Kashif-Khan-51/publication/383869490_A_Discourse_on_Economic_Corridors_INSTC_and_Chabahar_Port/links/66dea150b1606e24c21b24f7/A-Discourse-on-Economic-Corridors-INSTC-and-Chabahar-Port.pdf
- Khan, Sh. (2021, October 1). INSTC (International North South Transport Corridor) connecting Eurasia and India. *Euras Journal of Science*, 1(1). <https://ejoss.euras-edu.org/wp-content/uploads/2023/08/10.17932EJOSS.2021.0232021.101.pdf#page=53>
- Khetran, M. S. B., & Khalid, M. H. (2019). The China-Pakistan Economic Corridor: Gateway to Central Asia. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 5(3), 455. <https://doi.org/10.1142/s2377740019500179>

- Lo, B. (2015). Russia's Eastern direction – Distinguishing the real from the virtual. *Russie.Nei.Visions*, 87. <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russie-nei-visions/russias-eastern-direction-distinguishing-real-virtual>
- Mazumdar, A. (2021). FROM “Look East” to “Act East”: India's evolving engagement with the Asia-Pacific Region. *Asian Affairs*, 52(2), 357. <https://doi.org/10.1080/03068374.2021.1912467>
- Meshkin D. (2024). International North-South Transport Corridor as a Tool to Counter Western Sanctions. *Eastern Analytics*, vol. 15 (3), pp. 37-49. DOI: <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-037-049>
- Ministry of External Affairs of India. (2014). India's “Act East” policy. <https://mea.gov.in>
- Minhao, C. (2015). China's New Silk Road Initiative. *Istituto Affari Internazionali*. <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep09680.pdf>
- Pantucci, R. (2021). China in Central Asia: The First Strand of the Silk Road Economic Belt. In *Great Potential, Many Pitfalls*. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003054788-3/china-central-asia-first-strand-silk-road-economic-belt-raffaello-pantucci>
- Pradhan, R., & Shankar, S. (2021, March 15). Chinese Grand Strategies in Central Asia: The Role of Shanghai Cooperation Organization and Belt and Road Initiative. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s40647-021-00318-6>
- Базаров, В. Б. (2018). Центральноеазиатские логические проекты и Новый шелковый путь. *Политические науки*. <https://cyberleninka.ru/article/n/tseentralnoaziatskie-logisticheskie-proekty-xxi-veka-i-novyy-shelkovyy-put/viewer>
- Баочжун, В., Ляньчэн, Х., & Чжунминь, Л. (2013). 新丝绸之路经济带一体化战略路径与实施对策. <https://www.cre.org.cn/uploadfile/2015/0718/20150718013455240.pdf>
- Вискова, А. Ю. (2019). Международный транспортный коридор «Север–Юг». Молодой исследователь Дона. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyi-transportnyi-koridor-sever-yug/viewer>
- Грозин, А. В. (2012, 4 июня). Международный транспортный коридор «Север – Юг» как фактор интеграции евразийского пространства. Материк. <https://materik.ru/analitika/mejdunarodnyy-transportnyy-koridor-severyug-kak-faktor-integracii-evraziyskogo-prostranstva/>
- Гуньин, П., & Боуэн, Ф. (2024, апрель). 国际南北运输走廊发展进程与前景分析. *印度洋经济体研究*. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1f2g00a0uc760mw0malv0ve0ak452063&site=xueshu_se
- Дэжун, Х., & Сяочао, Ч. (2019). 印度的“南进”政策与“国际南北运输走廊”. *南亚研究季刊*, 177. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=123k02t0jf630j10dt1h0xc00h182181&site=xueshu_se
- Ли, С. (2023). 地缘政治经济危机下 俄罗斯国际物流通道的重构. *欧亚研究*, 6(13), 60–77. https://oyyj-oys.ajcass.com/UploadFile/Issue/201605310001/2023/11/20231129013440WU_FILE_0.pdf
- Лин, Ц. (2015). 一带一路: 中国的马歇尔计划?. *国际问题研究*, 1, 88–99. https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=%E4%B8%80%E5%B8%A6%E4%B8%80%E8%B7%AF+%E4%B8%AD%E4%BA%9A%E5%B7%9E
- Малышева, Д. Б. (2021). Международный транспортный коридор «Север–Юг» в стратегии России. *Российский научный совет по евразийской интеграции*. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2021/ii-li/strategy-and-politics/international-northsouth-transportation-corridor-in-the-strategy-of-russia>
- Первухин, В. В. (2016). Новый шелковый путь. Инфраструктурное развитие Евразии. <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-shyolkovyy-put/viewer>
- Строганов, А. О. (2016). Новый шелковый путь: вызов российской логистике. *Экономические науки*. <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike/viewer>
- Чуньлинь, Ц. (2014). 新兴经济体参与新丝绸之路建设的策略研究. *国际贸易*, 5, 25–29. https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0

References

- Abrahamyan, V., & Petrosyan, S. (2023). A comparative assessment of the efficiency of the “South-West” and “North-South” transport corridors and prospects for their development. *E3S Web of Conferences*, 403, 7027. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340307027>
- Alam, M. S. (2019). China-Bangladesh Relation: a Quest for Bangladesh's Integrating into Sino-Myanmar Connectivity. *Bangladesh Journal of Public Administration*, 27(1). <https://doi.org/10.36609/bjpa.v27i1.6>
- Asmus, G., Eichenauer, V. Z., Fuchs, A., & Parks, B. C. (2021). Does India Use Development Finance to Compete With China? A Subnational Analysis. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3866397>
- Belov, V. I., & Binish. (2022). India, Russia and Iran: a New Study on “North — South” International Transport Corridor. *Information and Innovations*, 16(4), 18. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25>
- Cornell, S. E., & Frederick Starr, S. (2020). Kazakhstan's Role in International Mediation under First President Nursultan Nazarbayev.
- Faronova, Yu. V. (2021). Geographic features of Central Asian countries and China's geopolitical interests in the region. *Doklady Bashkirskogo Universiteta*, 334. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2021.5.7>
- Ikromov, J. (2019). Tajikistan's Perspective on Eurasia. *India Quarterly A Journal of International Affairs*, 75(1), 100. <https://doi.org/10.1177/0974928418821470>
- Kennan Cable No.23: Putin's Middle East Triangle. (2025).
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1987). *Power and interdependence: World politics in transition* (3rd ed.). Little, Brown.

- Khan, K. Kh. (2024, September 4). A Discourse on Economic Corridors: INSTC and Chabahar Port. *Saudi Journal of Economics and Finance*. https://www.researchgate.net/profile/Kashif-Khan-51/publication/383869490_A_Discourse_on_Economic_Corridors_INSTC_and_Chabahar_Port/links/66dea150b1606e24c21b24f7/A-Discourse-on-Economic-Corridors-INSTC-and-Chabahar-Port.pdf
- Khan, Sh. (2021, October 1). INSTC (International North South Transport Corridor) connecting Eurasia and India. *Euras Journal of Science*, 1(1). <https://ejoss.euras-edu.org/wp-content/uploads/2023/08/10.17932EJOSS.2021.0232021.101.pdf#page=53>
- Khetran, M. S. B., & Khalid, M. H. (2019). The China-Pakistan Economic Corridor: Gateway to Central Asia. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 5(3), 455. <https://doi.org/10.1142/s2377740019500179>
- Lo, B. (2015). Russia's Eastern direction – Distinguishing the real from the virtual. *Russie.Nei.Visions*, 87. <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneivisions/russias-eastern-direction-distinguishing-real-virtual>
- Mazumdar, A. (2021). FROM “Look East” to “Act East”: India's evolving engagement with the Asia-Pacific Region. *Asian Affairs*, 52(2), 357. <https://doi.org/10.1080/03068374.2021.1912467>
- Meshkin D. (2024). International North-South Transport Corridor as a Tool to Counter Western Sanctions. *Eastern Analytics*, vol. 15 (3), pp. 37-49. DOI: <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-037-049>
- Ministry of External Affairs of India. (2014). India's “Act East” policy. <https://mea.gov.in>
- Minhao, C. (2015). China's New Silk Road Initiative. *Istituto Affari Internazionali*. <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep09680.pdf>
- Pantucci, R. (2021). China in Central Asia: The First Strand of the Silk Road Economic Belt. In *Great Potential, Many Pitfalls*. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003054788-3/china-central-asia-first-strand-silk-road-economic-belt-raffaello-pantucci>
- Pradhan, R., & Shankar, S. (2021, March 15). Chinese Grand Strategies in Central Asia: The Role of Shanghai Cooperation Organization and Belt and Road Initiative. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s40647-021-00318-6>
- Bazarov, V. B. (2018). Tsentralnoaziatskie logisticheskie proekty i Novyy shelkovyy put'. *Politicheskie nauki*. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnoaziatskie-logisticheskie-proekty-xxi-veka-i-novyy-shelkovyy-put/viewer>
- Baozhong, W., Liancheng, H., & Zhongmin, L. (2013). 新丝绸之路经济带一体化战略路径与实施对策. <https://www.cre.org.cn/uploadfile/2015/0718/20150718013455240.pdf>
- Viskova, A. Yu. (2019). Mezhdunarodnyi transportnyi koridor “Sever–Yug”. *Molodoy issledovatel' Dona*. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyi-transportnyi-koridor-sever-yug/viewer>
- Grozin, A. V. (2012, June 4). Mezhdunarodnyi transportnyi koridor “Sever – Yug” kak faktor integratsii evraziyskogo prostranstva. *Materik*. <https://materik.ru/analitika/mejdunarodnyy-transportnyy-koridor-severyug-kak-faktor-integracii-evraziyskogo-prostranstva/>
- Gongyin, P., & Bowen, F. (2024, April). 国际南北运输走廊发展进程与前景分析. *印度洋经济体研究*. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1f2g00a0uc760mw0ma1v0ve0ak452063&site=xueshu_se
- Dekun, H., & Xiaochao, C. (2019). 印度的“南进”政策与“国际南北运输走廊”. *Nanya yanjiu jikan*, 177. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=123k02t0jfb30j10dt1h0xc00h182181&site=xueshu_se
- Li, S. (2023). 地缘政治经济危机下 俄罗斯国际物流通道的重构. *Ouya yanjiu*, 6(13), 60–77. https://oyyj-oys.ajcass.com/UploadFile/Issue/201605310001/2023/11/20231129013440WU_FILE_0.pdf
- Lin, C. (2015). “一带一路”: 中国的马歇尔计划? *Guoji wenti yanjiu*, 1, 88–99. https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=%E4%B8%80%E5%B8%A6%E4%B8%80%E8%B7%AF+%E4%B8%AD%E4%BA%9A%E5%B7%9E
- Malysheva, D. B. (2021). Mezhdunarodnyi transportnyi koridor “Sever–Yug” v strategii Rossii. *Rossiyskiy nauchnyy sovet po evraziyskoy integratsii*. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2021/ii-li/strategy-and-politics/international-northsouth-transportation-corridor-in-the-strategy-of-russia>
- Pervukhin, V. V. (2016). Novyy shelkovyy put'. *Infrastrukturnoe razvitie Evrazii*. <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-shyolkovyy-put/viewer>
- Stroganov, A. O. (2016). Novyy shelkovyy put': vyzov rossiyskoy logistike. *Ekonomicheskie nauki*. <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike/viewer>
- Chunlin, C. (2014). 新兴经济体参与新丝绸之路建设的策略研究. *Guoji maoyi*, 5, 25–29. https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0

Информация об авторах:

Фарнир Франсуа Мишель Натанэль – докторант 1 курса кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: francois_farnir@yahoo.be).

Ермекабаев Адилбек Алпысбаевич – PhD, и. о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: adilbekea@gmail.com).

Туркеева Сауле Мырзахановна – старший преподаватель кафедры политологии Южно-Казахстанского университета имени М. Ауэзова (Шымкент, Казахстан, e-mail: turkeeva_2021@mail.ru).

Information about the authors:

Farnir François Michel Nathanaël – 1st year PhD student at the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: francois_farnir@yahoo.be).

Yermekbayev Adilbek Alpyspayevich – PhD, Acting Associate Professor at the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: adilbekea@gmail.com).

Turkeeva Saule Myrzakhanovna – Senior Lecturer at the Department of Political Science, M. Auezov South Kazakhstan University (Shymkent, Kazakhstan. e-mail: turkeeva_2021@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Фарнир Франсуа Мишель Натанаэль – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының 1-курс докторанты (Алматы, Қазақстан, e-mail: francois_farnir@yahoo.be).

Ермекбаев Әділбек Алпысбаевич – PhD, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының қауымдастырылған профессор м.а. (Алматы, Қазақстан, e-mail: adilbekea@gmail.com).

Туркеева Сәуле Мырзақанқызы – М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің Саясаттану кафедрасының аға оқытушысы (Шымкент, Қазақстан, e-mail: turkeeva_2021@mail.ru).

Поступила 4 апреля 2025 г.

Принята 30 мая 2025 г.

3-бөлім
**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 3
**CURRENT ISSUES
OF INTERNATIONAL LAW**

Раздел 3
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Ж.Т. Сайрамбаева¹ , М.Н. Нуртай^{2*} ¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан²М.Х. Дулати атындағы Тараз университеті, Тараз, Қазақстан

*e-mail: madinur@mail.ru

БҰҰ-НЫҢ АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ҚҰҚЫҚТАРЫ ТУРАЛЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ПАКТІ НОРМАЛАРЫН ҚР ҰЛТТЫҚ ЗАҢНАМАСЫНА ИМПЛЕМЕНТАЦИЯЛАУ КЕЗЕҢДЕРІ

1966 жылы қабылданған Азаматтық және саяси құқықтар туралы келісім халықаралық адам құқықтарын қорғау жүйесінің іргетастарының бірі болып табылады. Ол өмір сүру және сөз бостандығы құқығынан әділ сот ісін жүргізу құқығына дейінгі негізгі бостандықтар мен кепілдіктерді бекітеді. Өз заңнамасын жаңғыртуға және тәуелсіздік алғаннан кейін әлемдік қоғамдастыққа кіруге ұмтылатын Қазақстан Республикасы үшін Пактінің ережелерін имплементациялау құқықтық жүйені реформалаудың маңызды бағытына айналды.

Мақалада реформалардың басталуы және ҚР дағы халықаралық стандарттарды талдау, Пактінің қағидаттарын Конституциялық бекіту, нормаларды заңнамалық бейімдеу және үйлестіру, сондай-ақ бақылау және құқық қолдану тетіктерін құру қарастырылады. Бұл қадамдар азаматтар өз құқықтарын қорғаудың нақты құралдарын, ал мемлекет халықаралық міндеттемелердің сақталуын бақылау мүмкіндігін алған жүйені құруға мүмкіндік берді.

Заңнамалық бейімделу және нормаларды үйлестіру кезеңі Қазақстанның халықаралық стандарттарға сәйкес келетін құқықтық мемлекетке көшуіндегі маңызды буын болды. Мамандандырылған заңдардың қабылдануы, негізгі кодекстерге түзетулер енгізу және құқық қолдану тетіктерін әзірлеу халықаралық міндеттемелерді ресми тануды қамтамасыз етіп қана қоймай, азаматтық құқықтарды практикалық қорғаудың берік құқықтық негізін құрды.

Түйін сөздер: Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт, имплементация, заңнамалық бейімделу, нормаларды үйлестіру, адам құқықтарын қорғау.

Zh.T. Sairambayeva¹, M.N. Nurtay^{2*}¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan² M. Kh. Dulaty Taraz University, Taraz, Kazakhstan

*e-mail: madinur@mail.ru

Stages of implementation of the norms of UN International Covenant on Civil and Political Rights in the national legislation of the Republic of Kazakhstan

The International Covenant on Civil and Political Rights, adopted in 1966, is one of the cornerstones of the international human rights protection system. It enshrines fundamental freedoms and guarantees, from the right to life and freedom of expression to the right to a fair trial. For the Republic of Kazakhstan, which is striving to modernize its legislation and integrate into the international community after gaining independence, the implementation of the provisions of the Pact has become an important area of reform of the legal system.

The article examines the beginning of reforms and the analysis of international standards in the Republic of Kazakhstan, the constitutional consolidation of the principles of the Pact, legislative adaptation and harmonization of norms, as well as the creation of control and enforcement mechanisms. These steps have made it possible to build a system in which citizens have received real tools to protect their rights, and the state has the opportunity to monitor compliance with international obligations.

The stage of legislative adaptation and harmonization of norms has become an important link in Kazakhstan's transition toward a rule-of-law state that meets international standards. The adoption of specialized laws, amendments to key codes, and the development of enforcement mechanisms have ensured not only the formal recognition of international obligations, but also created a solid legal foundation for the practical protection of civil rights.

Key words: International Covenant on Civil and Political Rights, implementation, legislative adaptation, harmonization of norms, protection of human rights.

Ж.Т. Сайрамбаева^{1*}, М.Н. Нуртай²

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

² Таразский университет имени М.Х. Дулати, Тараз, Казахстан

*e-mail: madinur@mail.ru

Этапы имплементации норм Международного пакта о гражданских и политических правах ООН в национальное законодательство РК

Международный пакт по гражданским и политическим правам, принятый в 1966 году, является одним из краеугольных камней международной системы защиты прав человека. Он закрепляет фундаментальные свободы и гарантии – от права на жизнь и свободу выражения мнений до права на справедливое судебное разбирательство. Для Республики Казахстан, стремящейся модернизировать своё законодательство и интегрироваться в мировое сообщество после обретения независимости, имплементация положений Пакта стала важным направлением реформирования правовой системы.

В статье рассматривается начало реформ и анализ международных стандартов в РК, конституционное закрепление принципов Пакта, законодательная адаптация и гармонизация норм, а также создание механизмов контроля и правоприменения. Эти шаги позволили выстроить систему, в рамках которой граждане получили реальные инструменты защиты своих прав, а государство – возможность контроля за соблюдением международных обязательств.

Этап законодательной адаптации и гармонизации норм стал важным звеном в переходе Казахстана к правовому государству, соответствующему международным стандартам. Принятие специализированных законов, внесение поправок в ключевые кодексы и разработка механизмов правоприменения обеспечили не только формальное признание международных обязательств, но и создали прочную правовую основу для практической защиты гражданских прав.

Ключевые слова: Международный пакт по гражданским и политическим правам, имплементация, законодательная адаптация, гармонизация норм, защиты прав человека.

Кіріспе

1990-жылдардың басында тәуелсіз мемлекеттің қалыптасу кезеңінде Қазақстан Республикасы адам құқықтары саласындағы халықаралық стандарттарға сәйкес келетін құқықтық тетігін құру қажеттілігіне тап болды. Осы кезеңде келесі іс-шаралар жүзеге асырылды:

- азаматтық және саяси құқықтар саласындағы халықаралық стандарттармен салыстыру мақсатында қолданыстағы құқықтық нормаларға талдау жүргізілді;

- құқық қорғау ұйымдары мен халықаралық институттардың өкілдері, сарапшылармен кеңестер ұйымдастырылып, одан әрі құқықтық реформалардың стратегиясы әзірленді;

- Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасына Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің ережелерін енгізуді көздейтін тұжырымдамалық негіздер жасалды.

Аталған қадамдар Қазақстанда азаматтық және саяси құқықтарды халықаралық деңгейде танылған дәрежеде қорғауды қамтамасыз ете алатын құқықтық базаны қалыптастыруға ықпал етті.

Халықаралық нормаларды имплементациялаудағы маңызды қадамдардың бірі – 1995 жылы Қазақстан Республикасы Конститу-

циясының қабылдануы болды. Жаңа негізгі заң келесі бағыттарды қамтыды:

- Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің негізгі қағидаттарын бейнелейтін, негізгі құқықтар мен бостандықтарға кепілдік беру;

- Сөз бостандығы, жиналыстар еркіндігі және басқа да азаматтық құқықтарды қорғауға бағытталған нормалар.

Келесі жылдары Конституцияға бірнеше өзгерістер мен толықтырулар енгізілді, бұл адам құқықтарын қорғаудың институционалдық тетіктерін нығайтуға және ұлттық заңнаманы халықаралық міндеттемелерге бейімдеуге мүмкіндік берді.

Арнайы заңдардың әзірленуі мен қабылдануы

Конституцияда базалық қағидаттар бекітілгеннен кейін, құқықтық-нормативтік базаны белсенді түрде қалыптастыру кезеңі басталды. Бұл келесі бағыттарда көрініс тапты:

- азаматтық бостандықтарды қорғауға бағытталған, сөз бостандығы, жеке өмірге қол сұқпаушылық және заң алдында теңдік мәселелерін қамтитын заңдардың қабылдануы;

- қылмыстық, әкімшілік және азаматтық заңнамаға түзетулер енгізу арқылы қолданыстағы заңдарды халықаралық стандарттарға сәйкестендіру;

- адам құқықтарын қорғау саласындағы мемлекеттік органдардың қызметін реттейтін және құқықты тиімді қолдануды қамтамасыз ететін нормативтік актілерді әзірлеу.

Бұл заңнамалық жұмыс халықаралық міндеттемелерді формалды түрде мойындап қана қоймай, азаматтардың күнделікті өмірінде құқықтарын нақты жүзеге асыруға негіз қалады.

Ұйымдастырушылық және институционалдық реформалар.

Аталған Пактіні іске асыру тек заңдарды қабылдаумен шектелген жоқ – олардың тиімді орындалуын қамтамасыз ету де маңызды болды. Осы мақсатта мынадай шаралар қабылданды:

- азаматтардың құқықтарының әділдігі мен қорғалуына кепілдік беретін тәуелсіз сот органдарын құру;

- мемлекеттік биліктің барлық деңгейлерінде адам құқықтарының сақталуын қадағалауға арналған омбудсмен институтын және құқық қорғау комиссияларын құру;

- қабылданған шаралардың тиімділігін бағалауға және туындайтын мәселелерге жедел ден қоюға мүмкіндік беретін ішкі және сыртқы мониторинг тетіктерін әзірлеу.

Әдебиеттерге шолу

Заңнамаларды зерделеумен қатар, ғылыми зерттеуге ғылыми әдебиеттерге, саяси құжаттарға, халықаралық және өңірлік ұйымдардың есептеріне шолу жасау, сондай-ақ мүдделі тараптармен сараптамалық сауалнамалар мен сұхбаттар жүргізу де кіреді.

Зерттеу әдістемесі мен әдістері

Зерттеудің әдіснамалық негізін қазіргі заманғы халықаралық құқық доктринасының ережелері, адам құқықтарын халықаралық қорғау қағидаттары, сондай-ақ халықаралық құқықтық нормаларды объективті түрде айқындалған әрі тарихи дамушы үдеріс ретінде зерделеуге мүмкіндік беретін диалектикалық-материалистік таным әдісі құрайды. Зерттеу барысында логикалық талдау әдісі қолданылып, бұл Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт ережелерін Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасына имплементациялау үдерісінің негізгі ұғымдарын, қағидаттары мен кезеңдерін бірізді және негізді қарастыруға мүмкіндік берді. Жүйелік-құрылымдық әдістің көмегімен имплементация үдерісі құқықтық, институционалдық және әлеуметтік-мәдени

құрамдастардан тұратын күрделі көпдеңгейлі жүйе ретінде қарастырылды. Нақты-әлеуметтік әдіс Қазақстан Республикасындағы адам құқықтарын қорғау саласындағы құқық қолдану тәжірибесіне жүргізілген мониторинг, БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі комитетінің ұсынымдары, құқық қорғау ұйымдарының есептері мен эмпирикалық деректерді талдау үшін пайдаланылды. Анализ және синтез әдістері нормативтік-құқықтық базаны, сот практикасын және ғылыми әдебиетті зерделеу мен жалпылау кезінде қолданылып, Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт ережелерін іске асыру үдерісінің негізгі үрдістерін, мәселелерін және жетілдіру келешектерін анықтауға мүмкіндік берді. Аталған әдістердің кешенді түрде қолданылуы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт ережелерін Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесіне имплементациялау кезеңдері мен тетіктерін жан-жақты әрі объективті зерттеуді қамтамасыз етті.

Зерттеудің әдіснамалық негізі – мақалада қарастырылып отырған тақырыпқа сәйкес, қолданбалы теориялық зерттеулерді құруға бағытталған жалпы ғылыми қағидаттар мен тәсілдерге сай түсіндірілетін құқық ғылымының негізгі тұжырымдары болып табылады.

Талқылау

Дайындық кезеңі мен тұжырымдаманың қалыптасуы 1990 жылдардың басында Қазақстанның құқықтық жүйесін реформалаудың негізі болды. Осы кезеңде тәуелсіз мемлекеттің қалыптасуы және кеңестік құқықтық жүйенің мұрасынан шығу аясында ұлттық заңнаманы жаңа шындықтар мен халықаралық стандарттарға, атап айтқанда 1966 жылғы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің ережелеріне бейімдеу қажеттілігі туындады (Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакті, 1966).

Осы кезеңдегі жұмыстың негізгі бағыттарын егжей-тегжейлі қарастырайық:

1. Қолданыстағы құқықтық нормаларды талдау.

Кеңестік жүйеден жаңа шындыққа көшу. 1990 жылдарға дейін Қазақстанның құқықтық жүйесі мемлекеттік бақылауға, орталықтандырылған басқаруға және жеке тұлғаның құқықтарын шектеулі тануға баса назар аударылған кеңестік идеология жағдайында әзірленген нормаларға негізделді. Өтпелі кезеңде мыналарды

анықтау үшін қолданыстағы заңнамаға терең талдау жүргізу қажет болды:

- олқылықтар мен сәйкессіздіктердің болуы: осыған байланысты зерттеушілер мен заңгер-практиктер ұлттық заңнаманың нормаларын Пактіде бекітілген халықаралық стандарттармен салыстырды. Бұған Конституцияны, заңдарды, кодекстерді және заңға тәуелді актілерді егжей-тегжейлі зерттеу, қандай ережелерді жаңарту немесе толық қайта өңдеу қажет екенін түсіну кірді. Осыған байланысты Қазақстанның ғылыми және құқық қолдану практикасында ұлттық құқық нормаларын мемлекеттің халықаралық міндеттемелерімен салыстыру бойынша мақсатты күш-жігер жұмсалынды. Заңгер-практиктердің және ғылыми қоғамдастықтың зерттеулерінің нәтижесінде заңнаманың жекелеген нормаларын жаңғырту бойынша – құқықтық ережелерді нүктелік түзетуден бастап, сот рәсімдерін жетілдіруді және ұлттық алдын алу тетіктері жүйесін дамытуды қоса алғанда, тиісті институттарды құрылымдық қайта өңдеуге дейін ұсынымдар тұжырымдалды;

- ескірген нормалардың азаматтардың құқықтарын қорғауға әсері. Осыны ескере отырып, ескі нормативтік актілер жеке адамның бостандықтарын қалай шектейтінін, азаматтарды құқықтық қорғауда олқылықтар тудыратынын және қазіргі халықаралық стандарттарға тән құқықтық мемлекет қағидаттарын енгізуге кедергі келтіретініне талдау жүргізілді. Осыған байланысты Қазақстанда бірқатар заңдар мен кодекстерге біртіндеп құқықтық тексеру жүргізілді. Нәтижесінде көптеген ескірген ережелер жойылды немесе халықаралық стандарттарға сәйкес келтірілді;

- халықаралық тәжірибенің әсері. Өз заңнамасында халықаралық нормаларды сәтті бейімдеген елдердің тәжірибесіне ерекше назар аударылды. Бұл адам құқықтарын қорғаудың тиімді тетігін құру үшін Қазақстанда қолданылуы мүмкін үздік тәжірибелерді анықтауға мүмкіндік берді. Анықтамалық модельдер ретінде Германия, Франция, Канада сияқты елдер, сондай-ақ өтпелі кезең жағдайында өздерінің құқықтық жүйелерін бейімдеу жолынан өткен Орталық және Шығыс Еуропаның бірқатар мемлекеттері қарастырылды. Аталған елдердің тәжірибесі ұлттық құқықтағы халықаралық шарттардың тікелей қолданылуы, ұлттық соттардың халықаралық органдардың (мысалы, БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі комитетінің) шешімдерін белсенді пайдалануы, сондай-ақ адам құқықтарын мониторингілеу жөніндегі

мамандандырылған институттар (мысалы, ұлттық құқық қорғау институттары, омбудсмендер) құру сияқты құралдардың маңыздылығын көрсетеді. Қазақстан үшін бұл тәжірибелерді талдау, заңнаманы үйлестіру, адам құқықтарын сотта қорғауды нығайту және халықаралық міндеттемелердің сақталуын парламенттік және қоғамдық бақылау тетіктерін дамыту бойынша бірқатар ұсынымдар әзірлеуге мүмкіндік берді (Human Rights Watch Submission to the UN CRPD on Kazakhstan, 2024).

2. Сарапшылармен, құқық қорғау ұйымдарымен және халықаралық институттармен кеңесу

Жаңа бағытты қалыптастыру үшін сараптама тарту қажеттілігі туындады. Халықаралық стандарттарды сәтті енгізу үшін мәселелерді анықтап қана қоймай, оларды шешу жолдарын әзірлеу қажет болды. Сондықтан, осы кезеңде ауқымды кеңестер өткізіліп, оған қатысты:

- ұлттық және халықаралық сарапшылар. Конституциялық және халықаралық құқық саласындағы мамандардың, құқық қорғаушылардың, академиялық қоғамдастық өкілдерінің қатысуы қазіргі заманғы халықаралық нормалардың Қазақстан шындығына қалай бейімделуі мүмкін екендігі туралы объективті түсінік қалыптастыруға мүмкіндік берді;

- азаматтардың құқықтарын қорғау практикасын бағалау, олқылықтарды анықтау және заңнаманы жетілдіруге бағытталған ұсыныстар әзірлеу – құқық қорғау ұйымдарының негізгі рөлдерінің бірі болды. Мемлекеттік құрылымдар мен қоғамдық институттар арасындағы тәжірибе алмасуға және өзара диалог орнатуға бірлескен кездесулер мен семинарлар өз септігін тигізді;

- халықаралық ұйымдар (мысалы, БҰҰ). Халықаралық ұйымдардың, институттардың өкілдері кеңестік қолдау көрсетіп, Пактінің ережелерінің мәні мен маңызын жақсы түсінуге көмектесті. Бұл ынтымақтастық Қазақстанның ішкі қажеттіліктеріне де, халықаралық міндеттемелерге де сәйкес келетін стратегияны әзірлеуге ықпал етті.

3. Реформалардың тұжырымдамалық негіздерін әзірлеу

Халықаралық стандарттарды бейімдеудің стратегиялық жоспарын қалыптастыру. Жүргізілген талдаулар мен алынған ұсынымдар негізінде бірнеше негізгі бағыттарды қамтитын реформалар тұжырымдамасы әзірленді:

- реформалар басымдықтарын айқындау. Бұл кезеңде ең алдымен азаматтардың негізгі құқықтары мен бостандықтарын қорғауды қамтамасыз ету қажет деген шешім қабылданды. Осыған орай, реформалар тұжырымдамасы Конституцияға өзгерістер мен толықтырулар енгізу, сондай-ақ сөз бостандығын, жиналыстар еркіндігін, жеке өмірге қол сұқпаушылықты және заң алдындағы теңдікті кепілдендіретін жаңа нормативтік актілерді әзірлеу бойынша ұсыныстарды қамтыды (Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995);

- стратегиялық жоспарды әзірлеу. Бұл бағыт шеңберінде реформалардың «жол карталары» жасалып, іске асыру кезеңдері мен мерзімдері белгіленді, сондай-ақ жүргізіліп жатқан өзгерістердің тиімділігін бағалау және мониторингтеу тетіктері әзірленді. Мұндай жоспар түрлі мемлекеттік органдардың жұмысын үйлестіріп, халықаралық стандарттарды жүйелі түрде енгізуге мүмкіндік берді («Жол картасы», 2019);

- тұжырымдаманы ұлттық мүдделермен үйлестіру. Бұл ретте қабылданатын шешімдердің Қазақстанның тарихи, мәдени және әлеуметтік-саяси ерекшеліктеріне сай болуын қамтамасыз ету маңызды болды. Бұл тәсіл халықаралық міндеттемелерге сәйкес келетін, сонымен қатар қоғамның нақты қажеттіліктерін ескеретін құқықтық жүйе қалыптастыруға мүмкіндік берді.

Дайындық кезеңінің маңызы неде болды?

Азаматтық және саяси құқықтарды қорғау саласындағы табысты реформалар үшін дайындық кезеңі берік іргетас қызметін атқарды. Оның маңыздылығы мынадай аспектілерде көрініс тапты:

- құқықтық базаны қалыптастыру. Жүргізілген талдау мен кеңестер болашақтағы заңнамалық өзгерістерге негіз болатын құқықтық іргетасты құруға мүмкіндік берді. Бұл өз кезегінде ескірген мемлекеттік жүйеден заманауи құқықтық мемлекет үлгісіне көшуге жағдай жасады;

- халықаралық стандарттарды интеграциялау. Халықаралық тәжірибені мұқият зерделеу және сарапшылармен өзара іс-қимыл нәтижесінде Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасын Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт ережелерімен үйлестірудің негіздері қаланды;

- мемлекет пен қоғам арасындағы диалогты орнату. Құқық қорғау ұйымдары мен халықаралық институттармен жүргізілген кеңестерінің шешімдерін қабылдау мен талқылаудың ашық жүйесін қалыптастыруға ықпал етті. Бұл өз кезе-

гінде азаматтардың жүргізіліп жатқан реформаларға деген сенім деңгейін арттырды.

Осылайша, дайындық пен тұжырымдама қалыптастыру кезеңі тек деректер жинау немесе сарапшылармен кеңесу ғана емес, Қазақстанның құқықтық жүйесінде ауқымды өзгерістер жасауға негіз болған нақты іргетас болды. Дәл осы кезеңнің арқасында кейінгі реформалар терең талдауға, халықаралық тәжірибеге және стратегиялық жоспарлауға сүйене отырып, азаматтық және саяси құқықтарды ұлттық деңгейде тиімді қорғау тетіктерін жасауға мүмкіндік берді.

Пакт қағидаттарының конституциялық тұрғыда бекітілуі Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесін трансформациялаудағы шешуші кезеңі болып – Пакт қағидаттарының Конституцияда бекітілуі болды. 1995 жылы қабылданған жаңа Конституция заманауи мемлекеттің құқықтық негізін қалыптастырумен қатар, Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактің ережелерін, сондай-ақ өзге де халықаралық стандарттарды енгізуге маңызды қадам болды.

Осыған байланысты Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев «Қазақстан Республикасының адам құқықтары саласындағы одан арғы шаралары туралы» Жарлыққа қол қойды. Мемлекет басшысы бұл құжатта Қазақстандағы саяси жаңғырудың мәні – адам құқықтары мен бостандықтары саласындағы тиісті шараларды одан әрі жүзеге асыруда екенін орынды атап көрсетті.

1995 жылғы Конституцияның қабылдануы

1995 жылғы Конституция жаңа құқықтық тәртіптің қалыптасуына негіз болды. Кенестік жүйе күйреп, тәуелсіздік алған кезеңде Қазақстанға адам құқықтарын қорғауға бағытталған тәуелсіз мемлекет құру үшін берік құқықтық негіз қажет болды. Осы қажеттілікті ескере отырып қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясы – халықаралық нормаларға сай келетін негізгі құқықтар мен бостандықтарға кепілдік беретін алғашқы құжат болды. Конституцияда төмендегі негізгі аспектілер айқындалды:

- негізгі құқықтар мен бостандықтарға кепілдіктер. Конституция азаматтардың өмір сүру құқығы, еркіндік және жеке басына қол сұқпаушылық құқығын бекітті. Бұл – Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактің негізгі ережелеріне сәйкес келеді. Атап айтқанда, Конституцияның II бөлімі – «Адам және азамат құқықтары мен бостандықтары» – пікір білдіру бостандығы, жиналыс еркіндігі, әділ сотқа жүгі-

ну құқығы және басқа да маңызды құқықтық кепілдіктерді егжей-тегжейлі сипаттайды (Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995);

- Қазақстан заңдарын халықаралық стандарттарға бейімдеу. Аталған кепілдіктерді енгізу – ел заңнамасын халықаралық стандарттарға сәйкестендіру жолындағы маңызды қадам болды. Конституция нормалары 1966 жылы қабылданған Пактің негізгі қағидаттарына сәйкес келеді. Бұл – Қазақстан мемлекетінің азаматтық және саяси құқықтарды халықаралық деңгейде танылған стандарттарға сай қорғауға бейілділігін көрсетеді.

Маңызды кезеңдердің бірі – Қазақстанның 2006 жылы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакті ратификациялауы және осыдан кейін салалық заңнамаларды – Қылмыстық кодекс, Азаматтық іс жүргізу кодексі, БАҚ туралы заң, жиналыстар бостандығы туралы заңнама және т.б. – қайта қарауы болды. Осы реформалардың нәтижесінде елдің құқықтық жүйесіне тұлғаның құқықтарын тиімді қорғауға және мемлекеттік қызметтің ашықтығын арттыруға бағытталған механизмдер енгізілді.

Соған қарамастан, БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі комитетінің есептерінде атап көрсетілгендей, заңнаманы бейімдеу үдерісі әлі де толық аяқталған жоқ. Оны жүзеге асыру барысында құқық қолдану тәжірибесін халықаралық стандарттармен үйлестіру қажеттілігі сияқты бірқатар практикалық қиындықтар орын алуда (Human Rights Watch Submission to the UN CRPD on Kazakhstan, 2024).

Сөз бостандығын, жиналыс және өзге де азаматтық құқықтарды қорғау

Негізгі бостандықтарды нақтылау үдерісі жүріп жатты. Конституцияны әзірлеу барысында басымдық берілген міндеттердің бірі – сөз, жиналыс және бірлестіктер бостандығын жүзеге асыруға кең құқықтық кепілдіктерді қамтамасыз ету болды. Бұл бағыттағы негізгі ережелерге мыналар жатады:

- сөз және ақпарат бостандығы. Конституция пікір білдіру еркіндігін көздейді, бұл демократияның негізі болып табылады және Қазақстан азаматтарына қоғамдық-саяси үдерістерге белсенді қатысуға мүмкіндік береді. Бұл ережелер Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің сөз бостандығы мен ақпарат алу құқығын қорғауға бағытталған талаптарымен үндеседі;

- жиналыс және бірлестіктер бостандығы. Жиналыс бостандығына берілген кепілдіктер

азаматтардың бейбіт шерулер мен митингілер арқылы өз ұстанымдарын білдіруіне жағдай жасайды. Бұл – азаматтық құқықтарды қорғаудың халықаралық стандарттарына толық сәйкес келетін маңызды құқық.

Конституцияны кейіннен жетілдіру және толықтыру

1995 жылғы Конституция қабылданғаннан кейін заңнамалық реформалар белсенді жүргізіле бастады: Қазақстанның құқықтық жүйесі дами түсті, ал Конституцияның өзі бірқатар өзгерістер мен толықтыруларға ұшырады. Бұл өзгерістер:

Адам құқықтарын институционалдық тұрғыда қорғауды күшейтуге мүмкіндік берді. Конституцияға енгізілген өзгерістер сөз бостандығы, әділ сотқа қол жеткізу және өзге де азаматтық құқықтарға қатысты ережелерді нақтылап, жүйеледі. Мысалы, кейінгі жылдары енгізілген түзетулер азаматтардың құқықтарының сақталуын бақылауды күшейтіп, мемлекеттік органдардың жауапкершілік тетіктерін енгізді;

Қазақстан заңнамасын халықаралық міндеттемелерге бейімдеуді қамтамасыз етті. Бірқатар түзетулер ұлттық заңнаманы халықаралық стандарттармен одан әрі үйлестіруге бағытталды. Бұл Қазақстанға жаһандану жағдайында жаңа сын-қатерлерге жауап беруге және халықаралық қауымдастықтың еліміздің құқықтық жүйесіне деген сенімін нығайтуға мүмкіндік берді. Заңнаманы бейімдеу және нормаларды үйлестіру нәтижесінде азаматтық құқықтарды қорғау саласында халықаралық стандарттарды іс жүзінде іске асыруға мүмкіндік беретін арнайы құқықтық база қалыптасты.

Мамандандырылған заңдарды қабылдау

Қазақстан Республикасы Конституциясында негізгі қағидаттар бекітілгеннен кейін азаматтардың құқықтарын қорғауға бағытталған заңдарды әзірлеу және қабылдау үдерісі басталды, оның ішінде пікір білдіру және ақпарат алу бостандығына қатысты.

Сөз бостандығын қамтамасыз етудің маңызды қадамы ретінде «Бұқаралық ақпарат құралдары туралы» ҚР заңның қабылдануын атап өтуге болады. Аталған заң бұқаралық ақпарат құралдарының қызметін реттейді және азаматтардың ақпаратқа қол жеткізу мен пікір білдіру бостандығы құқығын қамтамасыз етеді, бұл Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің ережелеріне сәйкес келеді (ҚР «БАҚ туралы» заңы, 2024).

Жеке өмірге қол сұғылмаушылық және заң алдындағы теңдік құқығын қорғауды қамтамасыз ету. Реформалар шеңберінде азаматтық-құқықтық қатынастарды реттейтін нормативтік-құқықтық актілерге өзгерістер енгізілді. Атап айтқанда, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексіне барлық азаматтардың тең құқығын және олардың жеке өміріне қол сұғылмаушылығын қорғауды қамтамасыз ету мақсатында түзетулер енгізілді (ҚР Азаматтық кодексі, 1994).

Заңнаманы халықаралық стандарттарға сәйкестендіру

Халықаралық міндеттемелерге бейімдеу мақсатында заңнама нормаларының әртүрлі салаларда үйлестірілуі жүргізілді. Бұл ретте негізгі кодекстерге бірқатар өзгерістер енгізілді.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне тұлғаның құқықтарын қорғау шараларын күшейтуге және қылмыстық сот төрелігін ізгілендіруге бағытталған түзетулер енгізілді. Бұл өзгерістер азаптаулар мен қатыгез қарым-қатынастың жол берілмеуі тұрғысындағы халықаралық талаптарға сәйкестікті көздеді (ҚР Қылмыстық кодексі, 2014).

Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылықтар туралы кодексіне енгізілген түзетулер мемлекеттік органдар мен лауазымды тұлғалардың заңсыз әрекеттерінен азаматтарды қорғау тетіктерін жетілдіруге мүмкіндік берді (ҚР ӘҚБтК, 2014).

Аталған өзгерістер халықаралық стандарттарды формалды мойындау ғана емес, сонымен қатар азаматтардың құқықтарын күнделікті өмірде нақты қорғауға жағдай жасауға мүмкіндік берді.

Құқық қолдану жөніндегі нормативтік актілерді әзірлеу

Мемлекеттік органдардың қызметін реттеуге ерекше көңіл бөлінді. Негізгі заңдарда бекітілген нормаларды тиімді қолдану үшін бақылау және мониторинг тетіктері арқылы адам құқықтарын қорғау саласындағы мемлекеттік институттардың қызметін реттейтін нормативтік актілер әзірленді. Адам құқықтары мен бостандықтарының сақталуын бақылауды жүзеге асыратын құқық қорғау органдарының, омбудсменнің және басқа институттардың жұмысы үшін ережелер мен рәсімдер жасалды. Бұл бұзушылықтарға жедел әрекет етуге мүмкіндік берді және жауапкершілікке тарту тетігін қамтамасыз етті. Кодекстерден басқа, мемлекеттік қызметкерлер

мен мамандандырылған ведомстволарға арналған нұсқаулықтарды әзірлеу азаматтардың құқықтарын қорғау тәсілдерін біріздендіруге ықпал етті, бұл тиімді құқық қолдану тізбегіндегі маңызды буын болды.

Бақылау және орындау тетіктерін құру халықаралық пактіні имплементациялаудың соңғы, бірақ өте маңызды кезеңін білдіреді, өйткені тіпті ең озық заңдар оларды іске асырудың тиімді құралдары болған кезде ғана тиімділікке ие болады.

Бұл бағытта тәуелсіз сот органдарын құруды түсіну керек. Сот билігінің Тәуелсіздігінің кепілдігі қажет. Сот жүйесінің тәуелсіздігі әділеттілікті қамтамасыз етудің және азаматтардың құқықтарын қорғаудың негізгі шарты болып табылады. Бұл ереже Қазақстан Республикасының Конституциясында (1995 жылы) бекітілген, онда тиісті баптарда (мысалы, 20 және 109-баптарда) судьялар мен сот органдарының тәуелсіздігі қағидаты жарияланады. Бұдан басқа, сот жүйесін нормативтік реттеу арнайы заңнамалық актіде – «Қазақстан Республикасы сот жүйесі және судьяларының мәртебесі туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық заңында нақтыланады.

Қазақстанда сот билігінің тәуелсіздігін нығайту үшін судьяларды тағайындау және жұмыстан шығару тәртібін жетілдіруді, олардың ауыспайтындығы мен қол сұғылмайтындығын қамтамасыз етуді, сондай-ақ сот процесінің ашықтығын арттыруды қоса алғанда, сот жүйесін реформалау жөнінде шаралар қабылдануда. Бұл бағыттағы маңызды қадам судьялардың тәуелсіздігі мен оларға қол сұғылмаушылық кепілдіктерінің сақталуын қамтамасыз ететін Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің қызметі болып табылады (Независимость судебной системы в Казахстане: замечания Комитета ООН по права человека и пути их имплементации, 2014).

Адам құқықтарын қорғаудың маңызды құралы Қазақстанда омбудсмен институтын және құқық қорғау комиссияларын құру болып табылады. Омбудсмен институты азаматтардың құқықтарын қорғаудың маңызды тетігіне айналды. Адам құқықтарының сақталуын бақылаудың маңызды құралдарының бірі адам құқықтары жөніндегі уәкіл (омбудсмен) институтын құру болды. Бұл институт құқықтар бұзылған жағдайларға жедел ден қоюды қамтамасыз етеді және азаматтарға олардың заңды мүдделерін сот процесінен тыс қорғауға мүмкіндік береді. Омбудсмен өз қызметін тәуелсіздік, бейтарап-

тық, ашықтық және объективтілік қағидаттары негізінде жүзеге асырады. Ол мемлекеттік органдарға бағынбайды және есеп бермейді және атқарушы вертикаль шеңберінен тыс әрекет етеді. Ақпаратқа кедергісіз қол жеткізу бойынша мандаттың, қамауда ұстау орындарына мониторинг жүргізу, сондай-ақ азаматтардан да, азаматтардан да өтініштерді қарау мүмкіндігінің арқасында омбудсмен институты халықаралық стандарттарды ұлттық практикаға неғұрлым толық имплементациялауға ықпал ететін Қазақстанның құқық қорғау жүйесінің тиімді қосымша тетігі ретінде қызмет етеді. Сонымен қатар, Омбудсмен мандатын одан әрі нығайту, оның өкілеттіктерін кеңейту, институционалдық және қаржылық тәуелсіздігін арттыру Қазақстан Республикасының халықаралық міндеттемелеріне сәйкес адам құқықтарын қорғаудың тиімділігін арттыру үшін қажетті жағдайлар болып қала береді (ҚР Адам құқықтары жөніндегі уәкіл туралы ҚР Конституциялық заңы, 2022).

Имплементациялау ісінде ішкі және сыртқы мониторинг тетіктерін әзірлеу маңызды болып табылады. Қабылданған заңдар тек ресми құжаттар болып қалмас үшін олардың ішкі бақылаудың орындалуын бақылау жүйесін құру қажет болды. Республиканың мемлекеттік органдары ведомстволар ішінде азаматтардың құқықтарының сақталуын бақылауға жауапты арнайы бөлімшелерді әзірледі және енгізді. Мұндай тетіктер анықталған бұзушылықтарға жедел ден қоюды қамтамасыз ете отырып, органдардың жұмысын жүйелі түрде тексеруді және талдауды көздейді. Мұндай мониторингтің тиімділігі тек институционалдық мүмкіндіктерге ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік құрылымдар мен азаматтық қоғам арасындағы өзара іс-қимыл дәрежесіне де байланысты. Тәуелсіз құқық қорғау ұйымдары мен қоғамдық институттар құқық қолдану практикасына тәуелсіз мониторинг жүргізуге мүмкіндік алды. Ол үшін мемлекеттік құрылымдардың азаматтық қоғаммен өзара іс-қимыл тәртібін, сондай-ақ адам құқықтарын бұзғаны үшін жауаптылыққа тарту тетігін белгілейтін нормативтік актілер әзірленді (Құқықтық мониторинг жүргізу қағидаларын бекіту туралы ҚР Әділет министрінің бұйрығы, 2023).

Сыртқы мониторинг негізінен БҰҰ-ның халықаралық бақылау органдарымен, бірінші кезекте адам құқықтары жөніндегі Комитетпен өзара іс-қимыл арқылы, сондай-ақ Қазақстанның Пактіні іске асыру туралы Ұлттық баяндамаларды кезең-кезеңімен дайындау арқылы іске асырылады (Concluding observations of the human

rights committee on Kazakhstan, 2022). Бұдан басқа, Қазақстанның БҰҰ-ның Адам құқықтары жөніндегі кеңесіне әмбебап мерзімді шолу рәсімдеріне қатысуы маңызды рөл атқарады, бұл прогресті халықаралық бағалауды қамтамасыз етуге және жүйелі проблемаларды анықтауға мүмкіндік береді. Осылайша, пәрменді ішкі мониторингтің халықаралық бақылау тетіктерімен үйлесуі ғана ұлттық құқықтық жүйеде Пактінің ережелерін іске асыру дәрежесін жан-жақты және объективті талдауды қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Бұл ретте мониторинг әдістемелерін жетілдіру, құқық қолдану практикасының ашықтығын арттыру және азаматтық қоғам институттарының қатысуын кеңейту бойынша тұрақты жұмыс керек.

Бақылау және құқық қолдану тетіктерін құру Қазақстанда халықаралық стандарттарды имплементациялаудың соңғы, бірақ аса маңызды кезеңі болды. Тәуелсіз сот органдары, омбудсмен институтын құру және мониторингтің кешенді тетіктерін әзірлеу бірге азаматтардың өз құқықтарын қорғаудың нақты құралдарын, ал мемлекет – халықаралық міндеттемелердің сақталуын жедел бақылау мүмкіндігін алған жүйені қалыптастырды.

Қорытынды

1966 жылғы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің нормаларын Қазақстан Республикасының заңнамасына имплементациялау бірнеше кезеңнен өтті – тұжырымдаманы қалыптастырудан бастап, негізгі қағидаттарды Конституцияға енгізу және толыққанды құқық қолдану жүйесін құруға дейін. Сонымен қатар, бекітілген құқықтардың тиімді жүзеге асырылуына байланысты бірқатар мәселелер әлі де сақталуда. Атап айтқанда: процессуалдық нормаларды одан әрі үйлестіру қажеттілігі, адам құқықтарын сот арқылы қорғауды күшейту, құқық қолданушы органдардың тәуелсіздігі мен ашықтығын қамтамасыз ету. Алдағы кезеңде Қазақстанға формалды түрде бекітілген құқықтар мен олардың нақты жүзеге асуы арасындағы алшақтықты жою, сондай-ақ Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің сақталуын бақылау үдерісіне азаматтық қоғамның кеңінен қатысуын қамтамасыз ету бойынша жұмыстарды жалғастыру қажеттігі туындауда.

Мемлекет халықаралық құқықтық қауымдастық аясында алған міндеттемелерін толыққанды орындауы тек шынайы құқық үстемдігі

жағдайында мүмкін болады. Қол жеткізілген табыстарға қарамастан, реформалар үдерісі әлі де динамикалық сипатқа ие және, әсіресе, өзгеріп отырған әлеуметтік-саяси жағдайларда нормаларды практикада қолдану тұрғысынан әрі

қарай жетілдіруді талап етеді. Мұндай көзқарас Қазақстанға халықаралық стандарттарға сәйкес келіп қана қоймай, сонымен қатар азаматтарының құқықтары мен бостандықтарын тұрақты түрде қорғауға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакті, 1966. https://prg-online-web.prgapp.kz/lawyer/document/?doc_id=30015135&pos=0

Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029

Human Rights Watch Submission to the UN CRPD on Kazakhstan, 2024. https://www.hrw.org/news/2024/06/10/human-rights-watch-submission-un-crp-d-kazakhstan?utm_source=chatgpt.com

«Дорожная карта» по имплементации Сообщений Комитета по правам человека, в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах. <https://kkassiyet.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/04/rm-jovtise-valetov01.11.2019.pdf>

Бұқаралық ақпарат құралдары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 23 шілдедегі № 451-І Заңы https://continent-online.com/Document/?doc_id=51013966&mode=p&page=3

Қазақстан Республикасының азаматтық кодексі 1994 жылғы 27 желтоқсандағы № 268-ХІІІ. https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_

Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>

Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235>

Қазақстан Республикасының сот жүйесі мен судьяларының мәртебесі туралы Қазақстан Республикасының 2000 жылғы 25 желтоқсандағы № 132 Конституциялық заңы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z000000132>

Независимость судебной системы в Казахстане: замечания Комитета ООН по права человека и пути их имплементации, 2014. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31519788

Қазақстан Республикасындағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл туралы Қазақстан Республикасының Конституциялық заңы 2022 жылғы 5 қарашадағы № 154-VІІ ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2200000154>

Құқықтық мониторинг жүргізу қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Әділет министрінің 2023 жылғы 11 шілдедегі № 471 бұйрығы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2300033069>

Concluding Observations of the Human Rights Committee on Kazakhstan, UN Doc. CCPR/C/KAZ/CO/2, 2022. <https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/ccprkazco2-concluding-observations-second-periodic-report>

References

Azamattik zhane sayasi kukiyltar turaly khalyqaralyq pakt, 1966. https://prg-online-web.prgapp.kz/lawyer/document/?doc_id=30015135&pos=0

Qazaqstan Respublikasynyn Konstitutsiyasy, 1995. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029

Human Rights Watch Submission to the UN CRPD on Kazakhstan, 2024. https://www.hrw.org/news/2024/06/10/human-rights-watch-submission-un-crp-d-kazakhstan?utm_source=chatgpt.com

«Dorozhnaja karta» po implementacii Soobrazhenij Komiteta po pravam cheloveka, v sootvetstvii s punktom 4 stat'yi 5 Fakultativnogo protokola k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskix i politicheskix pravah, 2019. <https://kkassiyet.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/04/rm-jovtise-valetov01.11.2019.pdf>

Buqaralyq aqparat quraldary turaly Qazaqstan Respublikasynyn 1999 jylǵy 23 shildedegi № 451-I Zańy https://continent-online.com/Document/?doc_id=51013966&mode=p&page=3

Qazaqstan Respu'blikasynyn Azamattiq kodeksi 1994 jylǵy 27 jeltoqsandaǵy № 268-XIII https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_

Qazaqstan Respu'blikasynyn Qylmystyq Kodeksi 2014 jylǵy 3 shildedegi № 226-V QRZ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>

Ákimshilik qūyq buzshylyq turaly Qazaqstan Respu'blikasynyn Kodeksi 2014 jylǵy 5 shildedegi № 235-V QRZ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235>

Qazaqstan Respu'blikasynyn sot ju'iesi men sudyalarynyn mártebesі turaly Qazaqstan Respu'blikasynyn 2000 jylǵy 25 jeltoqsandaǵy № 132 Konstitúciyalıq zańy. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z000000132>

Nezavisimost' sudebnoj sistemy v Kazahstane: zamechanija Komiteta OON po prava cheloveka i puti ih implementacii, 2014. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31519788

Qazaqstan Respublikasyndaǵy Adam qūyqtary jónindegi úákil turaly Qazaqstan Respublikasynyn Konstitúciyalıq zańy 2022 jylı 5 qarashadaǵy № 154-VІІ QRZ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2200000154>

Qūqyqtyq monitoring júrgizu qaǵıdalaryn bekítý turaly Qazaqstan Respýblikasynyń Ádilet ministriniń 2023 jyly 11 shildedegi № 471 búıyryǵy. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2300033069>

Concluding Observations of the Human Rights Committee on Kazakhstan, UN Doc. CCPR/C/KAZ/CO/2, 2022. <https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/ccprkazco2-concluding-observations-second-periodic-report>

Авторлар туралы мәлімет:

Сайрамбаева Жұлдыз Талгатовна – з.ғ.к., Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Халықаралық құқық кафедрасының доценті (Алматы, Қазақстан, e-mail: zhuldyz.sairam@gmail.com).

Нуртай Мадина Нуртаевна (корреспондент-автор) – М.Х. Дулати атындағы Тараз университетінің Мемлекеттік және әкімшілік құқық кафедрасының аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі (Тараз, Қазақстан, e-mail: madinur@mail.ru).

Information about the authors:

Sairambaeva Zhuldyz Talgatovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law of Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhuldyz.sairam@gmail.com).

Nurtay Madina Nurtaevna – senior lecturer at the Department of State and Administrative Law of the M.Kh. Dulaty Taraz University, Master of Law (Taraz, Kazakhstan, e-mail: madinur@mail.ru).

Информация об авторах:

Сайрамбаева Жұлдыз Талгатовна – к. ю. н., доцент кафедры международного права Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: zhuldyz.sairam@gmail.com).

Нуртай Мадина Нуртаевна (автор-корреспондент) – старший преподаватель кафедры государственного и административного права Таразского университета имени М.Х. Дулати, магистр юридических наук (Тараз, Казахстан, e-mail: madinur@mail.ru).

Жіберілді: 25 ақпан 2025 жыл
Қабылданды: 28 мамыр 2025 жыл

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«ҚазҰУ. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясында» материалдарды жариялау Open Journal System арқылы, онлайн жіберу жүйесі және сараптамалық бағалауды қолдану арқылы жүзеге асырылады.

Мақалаға қойылатын талаптар

- Редакциялық коллегия журналдың ғылыми бағыттары бойынша бұрын жарияланбаған мақалаларды қабылдайды. Мақала журналдың функционал сайтына жүктеу арқылы ҒАНА (Open Journal System) электронды форматта (doc, .docx, .rtf форматында) қабылданады.

- Шрифт кеглі – 12 (андатпа, кілт сөздер, әдебиеттер тізімі – 10, кесте мәтіні – 9–11), шрифт – Times New Roman, мәтін беттің ені бойынша тегістеу арқылы теріледі, аралығы – бір, абзац бойынша шегініс – 0,8 см, шеттері: үстіңгі және астыңғы – 2 см, сол және оң жақ – 2 см.

- Сурет, кесте, графика, диаграмма және т.б. мәтін ішінде нөмір және атаумен белгіленеді. (Мысалы, 1-сурет – Сурет атауы). Суреттердің, таблица, графика мен диаграммалардың саны мақала көлемінің 20% -нан (кейбір жағдайда 30%) артық болмауы керек.

- Мақала көлемі (атауы, авторлар бойынша ақпарат, андатпа, түйін сөз, әдебиеттер тізімін қоспағанда) әлеуметтік және гуманитарлық бағытта 3 000 сөзден кем, 7 000 сөзден артық емес болуы шарт.

- Авторлар жіберіліп отырған мақаланың/қолжазбаның бұрын соңды еш жерде жарияланбағаны, мақалада/қолжазбада басқа жұмыстардың мәтіндеріне сілтемесіз алынған кірме фрагменттердің жоқ екендігі туралы Open Journal System жүйесіндегі ілеспе хатта МІНДЕТТІ түрде жазу керек.

Мақала құрылымы:

Бірінші бет:

- Бірінші жол – FTAMP нөмірі (ерекше жағдайда ЭОЖ), мәтін беттің сол жақ шетімен тегістеледі, қаралау шрифт.

- Мақала атауы (Тақырып) мақаланың мәні мен мазмұнын көрсетіп, оқырманның назарын аудару керек. Тақырып қысқа әрі ақпараттық, жаргондар мен аббревиатурасыз жазылуы тиіс. Тақырыптың орташа ұзындығы 5-7 сөз (кей жағдайда 10-12 сөз). Мақаланың тақырыбы орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде берілуі керек. Тақырып қаралау шрифтті кіші әріптермен, беттің ортасымен тегістеледі.

- Мақала автор(лар)ы – аты-жөнінің бірінші әріптері және тегі, жұмыс істейтін орны (аффилиация), қала, мемлекет, e-mail – орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде жазылады. Авторлар туралы ақпарат қалыпты шрифтті кіші әріптермен жазылып, беттің ортасында тегістеледі.

- Андатпа көлемі 150 сөз орыс, қазақ, ағылшын тілдерінде жазылады.

- Түйін сөздер/сөз тіркестері – орыс, қазақ, ағылшын тілдерінде 3–5 сөз аралығында.

Келесі бет (жаңа бет):

- Кіріспе келесіде берілген негізгі элементтерден тұрады:

- Таңдалған тақырыптың негіздемесі; тақырып өзектілігі мен зерттеу проблемалары. Таңдалған тақырыптың негіздемесінде алдыңғы зерттеушілердің тәжірибелері негізінде проблемалық жағдайдың (зерттеу жұмыстарының жоқтығы, жаңа зерттеу нысанының пайда болғаны және т.б.). бар екендігі айтылады. Тақырыптың өзектілігі аталған зерттеу нысанының қойылған сұрақтарға толық жауаптардың болмаған жағдайда, тақырыптың теориялық және практикалық маңыздылығы арқылы дәлелденіп жалпыға ортақ мүдде арқылы анықталады.

- Жұмыстың нысанын, пәнін, мақсаттарын, міндеттерін, тәсілдерін, әдістер, гипотезасын анықтау. Зерттеудің мақсаты тезисті дәлелдеумен, яғни зерттеу тақырыбын автор таңдаған аспектімен көрсетумен байланысты.

- Материал мен әдістер - материалдар мен жұмыс барысының сипаттамасынан, сондай-ақ қолданылатын әдістердің толық сипаттамасынан тұруы керек

- Әдебиеттерге шолу жасау бөлімінде - зерттеу тақырыбы бойынша ағылшын тілінде шетелдік авторлардың іргелі және жаңа еңбектер (кемінде 15 жұмыс), оларды ғылыми үлесі тұрғысынан талдау, сондай-ақ сіздің мақалаңызда толықтырылған зерттеу кемшіліктері беріледі.

- Жұмысқа қатысы жоқ көптеген сілтемелердің болуы немесе сіздің жетістіктеріңіз туралы, алдыңғы жұмыстарыңызды көрсететін сілтемелерді қосуға **БОЛМАЙДЫ**.

- Нәтижелер мен Талқылау бөлімінде сіздің зерттеу нәтижелеріңізді талдауы және талқылауы беріледі. Зерттеу барысында алынған нәтижелер туралы қорытынды беру арқылы негізгі мәні айқындалады. Бұл мақаланың маңызды бөлімдерінің бірі болып саналады. Онда жұмысыңыздың нәтижелерінің талдауы және алдыңғы жұмыстармен, талдаулармен және тұжырымдамаларымен салыстыру арқылы сәйкес нәтижелерді талқылау беріледі.

- Қорытынды, тұжырымдама – жұмыстың осы кезеңдегі нәтижелерін жалпылау және қорытындылау; автор алға қойған тұжырымның растығын және алынған нәтижелерді ескере отырып, ғылыми білімнің өзгеруі туралы автордың қорытындысын растау. Қорытынды абстрактілі болмауы керек, оларды ұсыныстарды немесе одан әрі жасалатын жұмысты сипаттай отырып белгілі бір ғылыми саладағы зерттеу нәтижелерін жалпылау үшін қолдану керек.

- Пайдаланылған әдебиеттер тізімі немесе библиографиялық тізім кем дегенде әлеуметтік және гуманитарлық бағыттарға 15 атаулардан тұрады, ал ағылшын тіліндегі жалпы атаулар саны 50%-дан кем болмауы керек. Егер сілтемелер тізімінде кириллицада берілген еңбектер болса, сілтемелер тізімін екі нұсқада ұсыну қажет: біріншісі – түпнұсқада, екіншісі – романизацияланған алфавитте (транслитерация). Әлеуметтік және гуманитарлық бағытта романизацияланған әдебиеттер тізімін, ағылшын тіліндегі (басқа шет тіліндегі) дереккөздер рәсімдеу стилі – American Psychological Association (<http://www.apastyle.org/>).

INFORMATION FOR AUTHORS

Submissions to the International Relations and International Law Journal are made using Open Journal System, the online submission and peer review system.

MANUSCRIPT REQUIREMENTS:

- The Editorial Board accepts previously unpublished articles in research areas of the journal. The paper should be submitted in electronic format (in .doc, .docx, .rtf) ONLY by submitting it through the function (Open Journal System) at the journal's website
- Font size -12 (abstract, keywords, references - 10, table text - 9-11), font -Times New Roman, alignment - text width, spacing - single, paragraph indentation - 0.8 cm, margins: top and bottom – 2 cm, left and right – 2 cm.
- Figures, tables, graphs, diagrams, etc. are presented directly in the text, indicating the number and title (for example, Figure 1 – The name of the figure). The number of figures, tables, graphs and diagrams should not exceed 20% of total volume of the article (in some cases up to 30%).
- The volume of the article (excluding title, information about authors, abstract, keywords, references) should be at least 3,000 words and not exceed 7,000 words for social and humanitarian areas, and 1,500-7,000 words for natural science and technical areas.
- Authors must indicate in the cover letter in the Open Journal System that the submitted article/manuscript has not been published anywhere before, and that the article does not contain borrowed text fragments from other papers without referencing them.

The structure of the article:

First page:

- The first line is the IRSTI (Interstate rubricator of scientific and technical information number) (in exceptional cases, UDC), alignment is left, the font is bold.
- The title of the article (Title) should reflect the essence and content of the article and attract the reader's attention. The name should be short, informative and not contain any jargon or abbreviations. The optimal length of the title is 5-7 words (in some cases 10-12 words). The title of the article should be presented in Russian, Kazakh and English. The title of the article is presented in bold, lowercase letters, and alignment is centered.
- Author (s) of the article – Initials and surname, place of work (affiliation), city, country, email – in Russian, Kazakh and English. Information about authors is presented in an ordinary font in lowercase letters, alignment is centered.
- Abstract of at least 150 words in Russian, Kazakh and English
- Keywords are words/collocations - 3-5 words in Russian, Kazakh and English.

Next page (new):

- Introduction consists of the following main elements:
- Justification for the topic chosen; relevance of topic or problem. The chosen topics should be based on the description of our predecessors' experience and report a problem to solve (lack of any research, the emergence of a new object, etc.). The relevance of the topic is due to general interest to the research object with a lack of comprehensive answers on relevant questions, which is proved by the theoretical or practical importance of the topic.
- Defining the object, subject, goals, objectives, methods, approaches, hypothesis, and meaning of your work. The purpose of the study is related to proof of thesis, that is presentation of the research subject in the aspect chosen by the author.
- Materials and Methods should consist of a description of materials and progress of work, as well as a full description of methods used.
- The literature review section should cover fundamental and new papers on the subject under study by foreign authors in English (at least 15 references), analysis of these works from the point of view of their scientific contribution, as well as gaps in research that authors supplement in their article.
- It is UNACCEPTABLE to have a lot of links that are not related to research, or inappropriate judgments about your own achievements, links to your previous work.
- In the Results and Discussion section, authors can analyze and discuss the results of their research. Conclusions on results obtained in the course of study are presented, the main essence is revealed. In addition, this is one of the most important sections of the article. It is necessary to analyze the results of research and discuss relevant results in comparison with previous work, analyses and conclusions.
- The conclusions section covers the generalization and summing up of work at this stage; truth confirmation of statements put forward, expressed by the author, and the author's conclusion about change in scientific knowledge, taking into account the results obtained. Conclusions should not be abstract, they should be used to summarize the results of research in a particular research area, with a description of proposals or opportunities for further work.
- The list of references consists of at least 15 titles for socio-humanitarian areas. A total number of titles in English should be at least 50%. If there are references presented in Cyrillic in the list of references, it is necessary to present the list of references in two versions: first - in the original language, second – in the Romanized alphabet (transliteration).
- Style of the Romanized list of references, as well as sources in English (another foreign language) for social and humanitarian areas - American Psychological Association (<http://www.apastyle.org/>).

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Халықаралық қатынастардың өзекті мәселелері	Section 1 Contemporary problems of international relations	Раздел 1 Актуальные проблемы международных отношений
M. Tulepov, Mario De Martino Cooperation between the United States and Kazakhstan in the Field of Technology Transfer: Challenges and Prospects		4
Ж.К. Түймебаев, К.Х. Хушвахтзода Казахстан и Таджикистан: стратегическое партнёрство и перспективы взаимодействия		14
A.M. Dikanbayeva, M.S. Sarybayev, R.Y. Utkelbay French Soft Power Model and Its Adaptation in Central Asia: Cultural Diplomacy, Tourism, and National Branding		27
T.D. Sokolova, E.V. Karaseva Art as A Tool of Cultural Diplomacy and the Part of Creative Industry: Case Study of South Korea		40
2-бөлім Аймақтанудың өзекті мәселелері	Section 2 Current issues of regional studies	Раздел 2 Актуальные вопросы регионоведения
Sh.M. Zhandossova, M.M. Nurov, Zh.Z. Kuanyshbayeva Global Trends and Local Features of the Development of Modern Civil Society		54
М.А. Симонова, Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина Анализ опыта реализации магистерских программ Казахстана в перспективе обмена опытом между членами ЕАЭС (на примере РФ)		64
Г. Муминова Пересмотр роли Европейского Союза в Центральной Азии		75
Ф.М.Н. Фарнир, А.А. Ермекбаев, С.М. Туркеева Геополитика логистики: конкуренция или синергия транспортных маршрутов Евразии?		84
3-бөлім Халықаралық құқықтың өзекті мәселелері	Section 3 Current issues of International Law	Раздел 3 Актуальные вопросы международного права
Ж.Т. Сайрамбаева, М.Н. Нуртай БҰҰ-ның азаматтық және саяси құқықтары туралы халықаралық пакті нормаларын ҚР ұлттық заңнамасына имплементациялау кезеңдері		98
Авторларға арналған ақпарат.....		108